

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АЛЬМАНАХ
ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

АДАМ & ЕВА

ADAM & EVE

GENDER HISTORY
YEARBOOK

2014

Москва

№22

ББК 63.3
А 281

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда «Триумф»*

Главный редактор
А.Ю. СЕРЕГИНА

А 281 АДАМ И ЕВА. Альманах гендерной истории.
Под ред. А.Ю. Серегинной. Отв. ред. вып. А.В. Стогова – № 22.
Москва: ИВИ РАН, 2014. – 286 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.
Editor: Anna Seregina. Editor of the Issue A.V. Stogova – № 22.
Moscow: IGH RAS, 2014. – 286 p.

Альманах «Адам и Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ЭЛ № ФС 77-54410
ISSN 2307-8383

© Коллектив авторов, 2014
© Институт всеобщей истории РАН, 2014

Редакция***Главный редактор***

Анна Серегина

Редакторы

Екатерина Кириллова

Мария Неклюдова

Майя Петрова

Анна Стогова

Ольга Тогоева

Редакционный совет

Ида Блум

(Норвегия)

Марина Винокурова

(Москва)

Кристина Воробек

(США)

Натали Земон Девис

(Канада)

Ольга Демидова

(С.-Петербург)

Юрий Зарецкий

(Москва)

Галина Зверева

(Москва)

Катриона Келли

(Великобритания)

Марианна Лильештрем

(Финляндия)

Наталья Пушкарева

(Москва)

Мишель Перро

(Франция)

Элизабет Шоре

(Германия)

Семен Экштут

(Москва)

Editorial board***Chief editor***

Anna Seregina

Editors

Ekaterina Kirillova

Maria Neklyudova

Maya Petrova

Anna Stogova

Olga Togoeva

Editorial council

Ida Blom

(Norway)

Marina Vinokurova

(Moscow)

Christine Worobec

(USA)

Natalie Zemon Davis

(Canada)

Ol'ga Demidova

(S.-Petersburg)

Juri Zaretskiy

(Moscow)

Galina Zvereva

(Moscow)

Catriona Kelly

(United Kingdom)

Marianne Liljestrom

(Finland)

Natalia Pushkareva

(Moscow)

Michelle Perrot

(France)

Elisabeth Cheaure

(Germany)

Semen Ekshtut

(Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

История семьи и эмансипации

Л.Л. Селиванова

Ожерелье Персиды: первый подарок супруга

М.С. Петрова

О супружеских отношениях в поздней античности

М.В. Фадеева,

Е.А. Вишленкова

Семья, любовь и «студенческий вопрос» в России конца XIX века

Гендерный ракурс социальной истории

С.В. Крадецкая

Женский профессиональный труд в пореформенной России в интерпретации феминисток

А.Ю. Прокопов

Британские женщины и их организации в годы Первой Мировой войны

О.М. Морозова,

Т.И. Трошина

Красные делегатки как вариант советского феминизма

Гендерные репрезентации

И.И. Болдырева

Гендерные стереотипы в

History of family and emancipation

L.L. Selivanova

The necklace of Persis: husband's first gift?

M.S. Petrova

On the marital relations in Late Antiquity

M.V. Fadeyeva,

E.A. Vishlenkova

Family, love and the 'students' question' in the late 19th century Russia

Gender aspect of social history

S.V. Kradetskaya

Women's professional labour in Post-reform Russia (the feminist perspective).

A.Yu. Prokopov

British women and their organizations during World War I

O.M. Morozova,

T.I. Troshina

The "Red" female representatives as a version of the Soviet feminism

Gender representations

I.I. Boldyreva

Gender stereotypes in the

англосаксонской культуре и социальных практиках (VII – XI вв.)		Anglo-Saxon culture and social practices of the 7th – 11th cc.
А.Ю. Серегина	168	A.Yu. Seregina
Одержимость и гендерные репрезентации в английском религиозной полемике конца XVI в.		Demonic possession and gender representations in English religious polemics of the late 16th century.
О.И. Тогоева	183	O.I. Togoeva
«Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демонологов XVI-XVII вв.		The “male” and “female” possession in the French demonologists’ treatises of the 16th – 17th centuries.
А.В. Стогова	206	A.V. Stogova
Дружба меняет пол: гендерные стереотипы в аллегориях		Changing sex of friendship: gender stereotypes in allegories
В.С. Трофимова	230	V.S. Trofimova
«Диссертация» Анны-Марии ван Шурман и ее восприятие в Европе XVII в.		The ‘Dissertatio’ by Anna-Maria van Schurman and its reception in the 17th -century Europe.
Переводы и публикации		Texts and translations
А.А. Павлов	244	A.A. Pavlov
«Этимологии или Начала» Исидора Севильского		‘The Etymologies or Origines’ of Isidore of Seville
Исидор Севильский	252	Isidore of Seville
Этимологии. Кн. XIX /пер. и комм. А.А. Павлова		The Etymologies. Book 19 / transl. by A.A. Pavlov
Summaries	279	Summaries
Требования к авторам	283	Submission information

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И ЭМАНСИПАЦИИ

Л.Л. Селиванова

ОЖЕРЕЛЬЕ ПЕРСИДЫ: ПЕРВЫЙ ПОДАРОК СУПРУГА?

Ключевые слова: Античный любовный роман, Лоллиан, свадебные обычаи, брачное право, эпоха Империи.

Аннотация: Предметом исследования является пассаж из малоизвестного античного романа Лоллиана «Финикийская история» (вт. пол. II в. н.э.), в котором герой теряет невинность, встретившись на религиозном празднике с девушкой Персидой, которая предлагает ему в качестве компенсации золотое ожерелье. Автор видит в Персиде второстепенный персонаж и считает ее поступок не реминисценцией обычая дарить жене после брачной ночи драгоценности как приз за целомудрие, а его инверсией, который нужно оценивать сквозь призму художественного вымысла и ходячих представлений о Востоке. Изображая экзотический мир с перевёрнутыми ценностями, писатель в то же время мог отразить в любовном романе некоторые перемены в общественном сознании своего времени.

С конца XIX в. в разных районах Египта ученые находят папирусные фрагменты¹, относящиеся к известным и неизвестным греческим и латинским романам. Полностью из большого числа произведений до нас дошло немного. Античный роман зародился еще в эллинистический период, но особую популярность приобрел в Риме в эпоху Империи. «Массовая культура» того времени была пропитана интересом к чудесам, приключениям, путешествиям, мистике, экзотике, эротике, и греческий любовный роман дает богатый материал, помимо прочего, по социальной психологии, культуре, быту, нравам, обычаям, праву, гражданским и семейным ценностям. Предметом нашего интереса является малоизвестный в отечественном антиковедении

¹ Эпохальные открытия начинаются с 1877 г. в Файюме, где по сей день ведутся планомерные раскопки.

нии источник – роман Лоллиана «Финикийская история», или «Финикийская повесть», сохранившийся во фрагментах. Опубликованный Альбертом Хенрихсом в 1969–72 гг.², он известен с тех пор как Кельнский папирус № 3328 (P. Colon. Inv. 3328)³. Из 46 фрагментов разной величины, сохранности и заполненности чтению и реконструкции поддаются только два – А и В. Наличие больших лакун (до 20 знаков шириной) сильно затрудняет чтение. Однако восстановление текста А. Хенрихсом и консультантами (Р. Меркельбах, В. Буркерт, М. Рив и Л. Кёнен), а позже Дж. Броуни, Дж. Сэнди и др. достаточно надежно. Обзорно источника касались Л.В. Павленко в «Вестнике древней истории» и В.Н. Илюшечкин во 2-ом томе «Культуры древнего Рима»⁴.

Автор и название восстанавливаются по fr. A2a verso и fr. B1 recto: Lollianu Phoinaikikon[a]⁵. Очень хорошо известен один Лоллиан: это плодовитый писатель, ритор, софист эпохи Адриана или Антонина Пия Публий Гордеоний Лоллиан, из италиков. Сначала он жил в Эфесе (в надписях упоминается его супруга Антония Квинтилла и дочь Гордеония Пульхра – жрица храма Артемиды), а затем возглавил риторскую школу в Афинах и занимал также высокие муниципальные должности. Умер между 155 и 160 гг. н.э. Благодарные афиняне установили в его честь две статуи. Его цитировал Флавий Филострат в своих «Жизнеописаниях софистов» (Vita soph. 526–527), у Суды сказано, что Лоллиан «много написал»⁶. Именно его А. Хенрихс считал автором романа⁷. Но сейчас большинство ученых (среди них одна из последних издателей текста Мария Пас Лопес Мартинес⁸) с этим

² Henrichs. 1969: 205–215; Id. 1970: 22; Id. 1972.

³ ВРКР. Собрание Кельнских папирусов.

⁴ Павленко. 1985: 186–189; Илюшечкин. 1985: 85.

⁵ Henrichs. 1972: 11–12; O’Sullivan. 1983: 7–11; Stephens, Winkler. 1995: 329–330; Yébenes. 2007: 321.

⁶ Schissel. 1926: 181–201; Schissel. 1927: 1373–1375; Dreyer. 1969: 727.

⁷ Henrichs. 1972: 24–27. Эта точка зрения а limine была принята Бауэрсоком (Bowersock. 1969: 18).

⁸ López Martínez. 1998: 197; Triantaphyllopoulos. 1988: 327.

не согласны, указывая на откровенную бледность и беспомощность языка и стиля, краткость фраз, монотонность и прямолинейность повествования, отсутствие деталей в монологах. Этого в принципе не отрицает и А. Хенрикс, объясняя так: учитель красноречия, имеющий множество учеников, создал авантюрный роман с адаптированной для массового читателя лексикой, чтобы остаться неузнанным. Общественное положение Лоллиана, помимо кафедры совмещавшего также жреческий сан с государственной службой, не позволяло ему рисковать своей репутацией из-за легкомысленных занятий⁹. Аргумент, однако, не выглядит убедительным, ведь в этом случае можно было использовать псевдоним, как это сделал секретарь императора Адриана Целер, выпустивший любовный роман под именем своего соперника Дионисия Милетского, чтобы ему навредить (Philostr. Vit. Soph. I. 22, 3)¹⁰. Скорее всего, кто-то использовал авторитет знаменитого ритора для своей невысокого качества поделки¹¹, либо автор просто являлся тезкой¹² (имя Лоллиан было распространенным и зафиксировано, помимо прочих мест, также в Египте). Кроме того, хотя рукопись датируется вт. пол. II в. н.э., не исключено, что роман создан не в это время, а восходит к эллинистическому оригиналу.

Филологический анализ выявил совпадение элементов традиционной романной топики с греческими и римскими романами, особенно Ахилла Татия, Апулея и Петрония¹³. Принадлеж-

⁹ Henrichs. 1972: 26.

¹⁰ Schmid. 1899: 1870.

¹¹ Любопытной аналогией можно считать ситуацию, например, с остросюжетным жанром, сформировавшимся в Греции в 30–50 гг. XX в. Многие писатели (А. Кирьякос, Т. Авлонитис, Й. Цукалас, С. Анемодурас, Й. Мармаридис, И. Калкани, Г. Делияни-Анастасиади, И. Макопулос, Н. Цукурас и др.) для привлечения читателя долгое время печатали свои романы и повести под псевдонимами... Конан Дойл, Агата Кристи, Жорж Сименон, Эдгар Уоллес, Гилберт Честертон.

¹² Yébenes. 2007: 332; Garsía Gual. 1972: 317.

¹³ Sandy. 1979: 367; Jones. 1980: 243; Winkler. 1980: 155 ss.; Stramaglia. 1992: 59 ss.; Montiglio. 2013: ix, 256.

ность к «Финикийской истории» фрагмента Оксиринхского папируса XI. 1368 (так наз. «Папирус Главкет») ¹⁴, как полагал А. Хенрихс, остается под вопросом ¹⁵. Источник, больше привлекающий филологов и религиоведов, представляет интерес также для социальных историков, правоведов, этнографов и особенно (как мы покажем) для специалистов по гендерной проблематике. Итак, обратимся к fr. A 2^f, сохранившемуся хуже и тоже в отрывках (всего их 16).

Действие разворачивается на фоне экстатического религиозного праздника (то ли Адониса, то ли Аттиса). На террасе дома танцуют мужчины и женщины ¹⁶. Присутствуют: мужчина Главкет, молодая женщина Персида и некий безымянный юно-

¹⁴ Henrichs. 1970a: 42–43; Id. 1972: 8–10. В этом отрывке говорится о том, что некоему Главкету, путешествующему верхом, является призрак юноши, который просит похоронить его в одной могиле с убитой девушкой, лежащей под платаном на обочине дороги. Ночью Главкет подъезжает к заброшенному сараю и видит призрак направляющейся к нему женщины. На этом фрагмент обрывается.

¹⁵ Yébenes. 2007: 330–331.

¹⁶ Перевод допускает и другое понимание: танцуют на крыше дома. Это согласуется с принятым на Востоке обычаем совершать обряды в честь Адониса на плоских кровлях домов, куда выставлялись глиняные горшки с проросшими зелеными травами – так наз. «сады Адониса». Женщины переставали рыдать по Адонису, и начиналось всеобщее веселье. О том, что этот семитский праздник умирающего и воскресающего божества представлял собой в чистом виде женский культ Великой Богини см.: Буркерт. 2004: 308–309. Об андрогинной сущности Адониса и Аттиса см.: Элиаде. 1998: 320; Roscher. 1884–1890: 69–77. Описание такого праздника мы находим в «Лисистрате» Аристофана (408–418), пер. А. Пиотровского:

Когда ж конец придет распутству женскому,/ Тимпанам женским, праздникам Сабасия/ И оргиям на крыше в честь Адониса? (выделено нами – Л.С.)/ Ведь сам я был свидетелем в собрании:/ За Демостратом слово. Предлагает он/ Отправить флот в Сицилию, а женщины/ Вопят и пляшут: «Ай, ай, ай, Адонис мой!)/ Набор в Закинфе предлагает Демострат./ А женщины на крыше скачут пьяные:/ «Увы, увы, Адонис!». Так-то женщины/ Перекричали горбуна негодного./ Вот каково оно, злонравье женское!

ша, от лица которого ведется рассказ (вероятно, главный герой романа Андротим из фрагмента В). Отделившись от празднующих, он заходит в дом и направляется в отдаленные покои, где встречается с Персидой и теряет невинность (*kai tote proton ereirathen synusias*). Она, сняв с себя некое золотое украшение (*ta chrysia*), предлагает его в дар юноше в качестве компенсации за дефлорацию (*mnemeia tes heautes diakoreseos*). Тот отказывается, тогда Персида зовет Главкета¹⁷ и поручает ему продать менялам украшение за 2000 драхм. После этого влюбленные продолжают утешаться в объятиях друг друга оставшуюся ночь. А на рассвете раздается стук в дверь, и... на этом месте папирус поврежден. Из отдельных сохранившихся слов: «любовники», «мать», «из города», «наставление», «клятва», «наложница» – можно заключить, что парочку *in flagranti delicto* застала вернувшаяся из города матушка Персиды (распространенный сюжетный ход в любовных романах) и, видимо, после укоров произошло что-то вроде брачного сговора-помолвки. Здесь мы вступаем в правовое поле, в сферу брачного права.

Зададимся вопросами: 1). Что собой представлял подарок Персиды? 2). Кем была дарительница? 3). Почему она пытается одарить героя, и какой смысл вкладывался в этот поступок? 4). Имеем ли мы дело с фантазией автора, с пародией, с отголоском реально существующего обычая, или это инверсия?

1. Подарок Персиды описывается обобщенно: «что-то золотое», *ta chrysia* (мн.ч. существительного среднего рода от *chrySION*). Первоначальное значение: «золото, кусок золота», затем «изделие из золота», «отделка золотом» (например, золотые пластины, которыми украшены статуи Зевса и Афины Фидия, выполненные в хрисозлефантинной технике), «золотая канитель». Особенно: «золотая монета», «деньги». Также в смысле «сокровище», «дорогой», «милый»; отдельно, эвфемистически для обозначения полового органа мальчиков (*Hesychn. s.v.*).

¹⁷ По мнению некоторых ученых, именно он, а не Андротим, является главным героем в новелле. См.: Yévenes. 2007: 323. Другие полагают, что героя здесь два – Андротим и Главкет. См.: Prauscello. 1998: 69–70.

Наконец, «золотое украшение» (LSJ. s. v.; Chantraine. 1278; Frisk. 1122–1123). Что же носила Персида? Наиболее весомым во всех смыслах может быть только ожерелье, именно оно чаще других золотых вещей фигурирует в текстах, как восточных, так и древнегреческих как средство женского обольщения, предмет женской зависти и средство соблазна женщин¹⁸. Постоянный эпитет Афродиты в эпосе – золотая, многозлатная. В Гомеровском гимне (IV. 54, 87–90. Пер. В.В. Вересаева) богиня спускается с небес к троянцу Анхизу, «золотом тело украсив»:

*Ярко блистали на теле витые запястья и пряжки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья,
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
Месяц вокруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.*

Создавая по приказу Зевса «мужам на погибель» Пандору, все боги наделили ее своими дарами, а «Хариты с царицей Пейто (Афродитой) золотым ожерельем / Нежную шею обвили» (Гесиод. Труды и дни. 73–74. Пер. В.В. Вересаева). В мифе о походе семерых против Фив роковую роль сыграло предательство Эрифилы, жены одного из вождей. Ее муж аргосский царь и прорицатель Амфиарай, зная, что погибнут все, не хотел идти в поход сам и отговаривал других. Но Эрифилу, получившая в дар от Полиника золотое ожерелье (то самое, что Кадм подарил Гармонии), сумела уговорить мужа. Тот, отправляясь на верную смерть, наказал сыновьям, когда подрастут, убить мать и самим выступить против Фив (Od. XI. 326–327, Apollod. III. 6, 2). Это ожерелье потом приносило горе всем, к кому попадало.

В шумерском мифе о нисхождении Инанны¹⁹ царица «великого верха», облачившись в царственные одежды и драгоценные украшения, отправляется в «страну, откуда нет возврата». У дворца Эрешкигаль, построенного из лазурита, ее встречает

¹⁸ Henrichs. 1972: 22; Winkler. 1980: 155; Stephens, Winkler. 1995: 347–348; Triantaphyllopoulos. 1988: 328; Prauscello. 1998: 68.

¹⁹ В переводе В.К. Афанасьевой миф именуется по первой строке «С великих небес к великим недрам...». См.: Поэзия и проза древнего Востока. 1973: 144–155.

главный привратник Нети. Он проводит ее через семь врат в подземное царство, и у каждых, несмотря на протесты, с нее снимают какое-то одеяние или украшение (в том числе и ожерелье), так что пройдя последние врата, она остается нагой. Ее повергают на колени перед мрачной владычицей Эрешкигалъ, та обращает на Инанну «взгляд смерти», и она тотчас умирает.

*Моя госпожа покинула небо, покинула землю,
В подземное царство она спустилась,
Инанна покинула небо, покинула землю,
В подземное царство она спустилась,
Она оставила власть царя, она оставила власть царицы,
В подземное царство она спустилась.
Семь божественных законов она привязала сбоку,
Все божественные законы она собрала и взяла в руку,
Все законы она сложила у своих нетерпеливых ног.
«Шугурру», корону равнины, она возложила себе на голову,
Кольца своих волос она укрепила на лбу,
Измерительную веревку и линейку из лазурита она сжала в руке,
Бусы из мелкого лазурита она привязала к шее,
Двойные камни «нунуз» она прикрепил на груди.
Золотое кольцо она зажала в руке,
Нагрудник «приди, мужчина, приди» она возложила на грудь,
Одеянием царицы – «пала» она прикрыла тело,
Притиранием «пусть придет, пусть придет» она обвела глаза.
Но когда Инанна вошла,
«Шугурру», корону равнины, сняли с ее головы.
«Что это значит, скажи мне?» – спросила она.
«Храни молчанье, Инанна, законы подземного царства совершенны,
О Инанна, не осуждай обычаи подземного царства!»
Когда она прошла сквозь вторые врата,
Измерительную веревку и линейку из лазурита у нее отобрали.
«Что это значит, скажи мне?» – спросила она.
«Храни молчанье, Инанна, законы подземного царства совершенны,
О Инанна, не осуждай обычаи подземного царства!»
Когда она прошла сквозь третьи врата,
Бусы из мелкого лазурита у нее сняли с шеи.
(Здесь и в последующих четырех строфах повторяется вопрос Инан-
ны и ответ привратника).
Когда она прошла четвертые врата,
Двойные камни «нунуз» с нее сняли.*

*Когда она прошла пятые врата,
Золотое кольцо у нее взяли.*

*Когда она прошла шестые врата,
Нагрудник «приди, мужчина, приди» сняли с ее груди.*

*Когда она прошла седьмые врата,
Одеяние царицы – «палу» – сняли с ее тела²⁰...*

Пер. Ф.Л. Мендельсона.

По примеру своей Госпожи украшали себя золотом и жрицы, и блудницы, ведь Афродита, Инанна, Иштар, Астарта покровительствовали продажной любви. У Афродиты были эпиклесы Пандемос (Общенародная) и Гетера (Athen. XIII. 571c, 572d–573b), Инанну же называли небесной иеродулой богов. Символический образ великой блудницы-Вавилона, сидящей на звере багряном, содержится в «Откровении» Иоанна (17. 4, 5):

«И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее».

Не отставали и рядовые куртизанки. Гетеру Наннию, к примеру, даже прозвали «Просцениумом» (Декорацией) за то, что та была разодета в дорогие наряды и завешена золотом (Athen. XIII. 587 b). Из всех украшений ожерелье было предметом особой зависти. Об ожерелье Эрифилы уже говорилось. Афинея рассказывает о знаменитой гетере Планго из Милета, в которую безумно влюбился один колофонский юноша, бывший любовник самиянки Бакхиды (XIII. 594 b-d). Планго, желая отвести его от себя и, будучи наслышана о красоте этой гетеры, потребовала невозможное – заплатить за любовь знаменитым ожерельем Бакхиды. И юноша пришел к возлюбленной, умоляя не дать ему погибнуть. Та сняла ожерелье и отдала ему. Тогда Планго, поняв, что Бакхида ей не соперница, вернула ожерелье и стала жить с юношей даром, девушки потом стали подругами и владели юношей по очереди. За это восхищенные ионяне, как

²⁰ Крамер. 1965: Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/338375-istoriya-nachinaetsya-v-shumere.html> (дата входа 1.11.2014)

сообщает Менетор в сочинении «О приношениях», стали называть Планго Памфилой («Милой для всех»). В то же время на порядочных женщин налагались ограничения. Так, афинские девушки на время инициации на Аррефориях надевали украшения из храмовой сокровищницы. В некоторых культовых предписаниях женщины должны были принимать участие в религиозных действиях без украшений. А согласно пифагорейской акузме, женщинам надо было снимать золото перед соитием с мужем (Iambl. Vit. Pyth. 84).

2. Кем же была дарительница? Большинство исследователей так или иначе усматривают в тексте намек на ее занятие проституцией. Так считает и публикатор, в целом рассматривающий роман сквозь призму древних мистерий²¹. Место, куда Персида уводит героя, обозначено словом [...]ημα. Если восстанавливать его как [οἶκ]ημα («дом»), то, по мнению Хенрикса, оно должно означать публичный дом. Если [μν]ήμα («гробница, склеп»), то и здесь находится соответствующее объяснение: в Риме и других крупных городах Империи существовал определенный класс женщин, промышлявших на кладбищах за городом²². На стенах древних склепов археологи находили надписи неприличного содержания²³. Однако последнее толкование противоречит как традиционным сюжетам греческих романов, так и контексту этого. Что же до первого, то непонятно, почему здесь следует видеть обязательно эвфемизм, ведь общее значение слова «ойкэма» – «здание», «жилое помещение», «зал», «комната», «спальня». Среди прочих также: «храм», «храмовое помещение», «этаж», «кладовая», «мастерская», «конюшня», «птичник», «темница», и «бордель» – вовсе не основное (LSJ. s.v.; Chantraine. 782; Frisk. 360–361). Хенрикс полагает, что Персида была рабыней, на что указывает ее «географическое имя». Имена на «-is» (Persis, Персида) носили также вольноотпущенницы и

²¹ Henrichs. 1970b: 18–35.

²² «Грязные шлюхи – и те прячутся между гробниц» (Марциал. Эпиграммы. I. 34, 8. Пер. Ф. Петровского).

²³ Henrichs. 1972: 106.

гетеры²⁴. Этникон Персида («Персиянка») в контексте названия романа выглядит так же естественно, как, например, Лида («Лидиянка»), Антиохиды («Девушка из Антиохии»), Синопа (фракиянка из Синопы), Тиро («Девушка из Тира»)²⁵. Крупные города Финикии, прежде всего Тир и Библ, были известны как центры культа Астарты-Афродиты²⁶, где во время оргий в честь ее паредра Адониса²⁷ практиковалась храмовая (и не только) проституция²⁸ (Hdt. I. 105, 199; Strabo. XVI. 1, 20; Paus. I. 14, 7; Luc. De dea Syr. 6; Athen. 12.11. 516a). В таком случае Персида – иеродула, одна из служительниц богини любви и, скорее всего, свободная и состоятельная женщина. Появление матери в любовной сцене не противоречит этому. В рассказах о гетерах роль матерей известна: они наставляли дочерей, защищали, отсекали ненужных клиентов и контролировали денежные поступления²⁹. Известны случаи, когда гетеры платили за своих любовников, как о том говорится в диалоге Лукиана «Разговоры гетер». VII. 1–3 (Пер. Б. Казанского):

²⁴ Ibid.: 109.

²⁵ Каталог имен гетер приводит Афинея в 13-ой книге «Пира мудрецов».

²⁶ Так же, как Пафос на Кипре и Афака (ветхозветный Афек, совр. Афка) – город у финикийской границы на р. Адонис в Келесирии между Библом и Гелиополем. Здесь находился знаменитый храм Афродиты с оракулом, который был упразднен только Константином Великим.

²⁷ Фрэзер. 1983: 309–321.

²⁸ Ribichini. 2000: 55–68.

²⁹ Так, знаменитая гетера Гнафена торговалась с клиентами не только своей дочери, но и внучки Гнафении, которая тоже была гетерой. Острая на язык (афоризмы ее даже записывал поэт Новой Комедии Линкей), она заявила хроническому неплательщику внучки, что он не может, раз заплатив, ходить к ней постоянно, как к учителю, обучающему детей гимнастике. Любя пристойность и не допуская буйства, она в подражание порядку, заведенному в философских школах, составила не лишние изящества «Правила поведения за столом», которые были обязательны для любовников ее и дочери – всего 323 стиха. Александрийский ученый и поэт Каллимах (ок. 310–240 гг. до н.э.) цитировал их в своих «Законах» (Athen. XIII. 584 с, 585 b).

Мать. ... Ты видишь теперь, Мусария, сколько мы имеем выгоды от этого юноши, который еще ни разу не дал тебе ни обола, не подарил ни платья, ни обуви, ни благовоний, а все только обещания, да уверения, и большие надежды, и повторения, что, дескать, когда отец умрет,.. когда я стану хозяином отцовского имущества, все будет твое. Ты даже говоришь, будто он поклялся, что сделает тебя законной женой.

Мусария. Так ведь он поклялся, мать, обеими богинями и Градской Афиной!

Мать. И ты, конечно, веришь! И потому на днях, когда у него не было денег, чтобы внести свою долю для игры в кости, ты дала ему без моего ведома кольцо, и он продал его и пропил. И помимо того, ты дала ему два ионийских ожерелья, весом каждое в два дарика, которые тебе привез из Эфеса хиосец Праксий,.. потому что Херею надо было уплатить свой взнос товарищам. А о платьях и о рубашках что и говорить. Вот уж действительно находка этот Херей, большая прибыль нам выпала от него!

Мусария. Но он красивый и безбородый, и говорит, что любит, и плачет. И он сын Диномахи и Лахета, члена Ареопага. И он обещает, что мы с ним поженимся, и у нас с тобой большие надежды на него, лишь бы только старик протянул ноги.

Мать. Так, значит, Мусария, когда нам нужна будет обувь и сапожник потребует две драхмы, мы скажем ему: «Денег у нас нет, но ты возьми немного наших надежд!»... И не стыдно тебе, что у тебя, единственной из гетер, нет ни серег, ни ожерелья, ни прозрачного тарентского покрывала?

Мусария. Ну, так что же, мать, разве они счастливее меня или красивее?

Мать. Нет, но они умнее, и знают свое ремесло, не верят прекрасным словам юношей, у которых только клятвы на языке. А ты остаешься верной и любящей и не сходишься ни с кем, кроме одного Херея...³⁰

Но в любовной сцене Лоллиана совсем другая смысловая нагрузка. Персида самостоятельна, независима и, похоже, не нуждается в средствах. У нее есть собственный дом, в котором она устраивает празднества, принимает гостей и может себе позволить одаривать понравившихся. Очевидны также иные мотивы подарка: это конкретная плата за целомудрие, нечто вроде

³⁰ Гендерная история древней Греции. 2009: 116–117.

посвящения³¹, мужской инициации³². В шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше («О всё выдавшем») дикий звероподобный Энкиду, покорившись блуднице Шамхат, порывает с миром природы, становится человеком и цивилизуется. Любопытно, что Энкиду, пережившись, проклинает Шамхат (желая, помимо прочего, чтобы у нее отобрали ее «красивые бусы»): «Ибо чистому мне притворилась ты супругой, / И над чистым мною ты обман совершила!» И отменяет свое проклятие только после суровой отповеди бога солнца Шамаша, взявшего блудницу под свою защиту³³.

3. В патриархическом обществе все имеет свою цену, и одной из самых больших ценностей на Востоке (во все времена), в античности, в средние века и Новое время в Европе считалась чистота невесты³⁴. У многих народов был распространен обычай на следующий день после брачной ночи дарить жене дорогие вещи, если дефлорация состоялась. Это и был первый подарок супруга. У греков он назывался *phortion hednon, diaparthenia dora*. Обычай проник и в римское право (Константин, Валентиниан III, Цицерон и др.), где подарок назывался *rudicitiae praemium, pro pudore perccepta, nuptialia dona, time tes parthenias*³⁵. Ювенал в стихах пишет (VI. 203–205), что у даков и германцев после первой брачной ночи было принято подносить жене золото, причем схолиаст к этому месту прямо указывает на золотые монеты: *solidi ita signati, qui pro virginitate deposita novae nuptae donantur*³⁶ («солиды³⁷, таким образом, означают монеты, которые

³¹ Henrichs. 1970: 22.

³² В противовес специфической, так наз. дорической. О передаче юноше мужества путем сексуального контакта с взрослым мужчиной см.: *Leitao*. 1995: 153–154.

³³ Поэзия и проза древнего Востока. 1973: 168–174, 194–195.

³⁴ Sissa. 1984: 1119 ss.; Maas. 1916: 130–134.

³⁵ Caillemer. 1877–1887: 261; Collignon. 1900–1904: 1650–1651.

³⁶ Wessner. 1931: 87, 10.

³⁷ Солид – римская золотая монета (4,55 г), введенная Константином I ок. 310 г. н.э. вместо aureus, равна 25 денариям. См.: Regling. 1927: 920–926.

дарятся новобрачной за сохранение девственности». – Л.С.), из чего следует, что то же делали и римляне. В германском праве этот подарок назывался *Morgengabe*. И в наше время принято дарить что-нибудь жене после свадьбы как знак любви и уважения, но не как в древности награду за невинность: античные мужчины жентильностью не отличались. Один из свадебных обрядов древних греков назывался *anakalypteria* – снятие покрывала с новобрачной, когда она на следующий день после свадьбы впервые показывалась перед мужем, родителями, родственниками и гостями с непокрытой головой³⁸. Подарок, который ей делал супруг по этому случаю (иногда и отец, и гости³⁹), назывался *anakalypteron* (*Harpocrat., Hesych., Pollux, Suda, Phot. Lex., Et. Magn. s.v. ἀνακαλυπτήρια / ἀνακαλυπτήριον*). Конечно, обычай древнее всех литературных или юридических текстов и в качестве опоры всегда имеет мифологический прецедент. Так, согласно схолиям к «Финикиянкам» Еврипида, Зевс подарил Фивы в качестве анакалюптерия Персефоне, когда она родила ему Иакха (*Schol. Eurip. Phoen. 682*). По Диодору (5. 2,3), он преподнес ей остров Сицилию по случаю брака с Плутоном. И уже в качестве супруга Зевс дарит Алкмене чашу⁴⁰, а Хтонии гиматий после их дефлорации, причем подарок Хтонии был самым первым анакалюптерием, как сообщают Ферекид Сиросский и Макробий (*FGrHist. 3 F.13a, Macrob. Sat. 5. 21. 3*). Гефест пре-

³⁸ Keuls. 1985: 106, fig. 92 ab.

³⁹ Один из характеров, выведенных Тефрастом в зарисовках, именуется «подлокорыстием». Такой человек, к примеру, узнав о свадьбе своего приятеля или о том, что он выдает замуж дочь, обязательно постарается заблаговременно уехать из города, чтобы не подносить свадебного подарка (*Theophr. Char. 30, 19*).

⁴⁰ Афиной со ссылкой на Калликсена Родосского, Ферекида, Геродора Гераклейского и Асклепиада Мирлейского подробно описывает подарок Алкмене как древнейшую из чаш, называемую кархесий («шпиль»). Это был высокий кубок, суженный посередине, с ручками, достигающими до основания. Харон Лампсакийский сообщал в «Летописях», что еще при нем чашу, которую Зевс подарил Алкмене, явившись к ней в облике ее мужа Амфитриона, показывали в Лакедемоне (*Athen. XI. 49. 474e–475c*).

поднес Афродите роскошную, собственноручно изготовленную колесницу (Apul. Met. 6. 6, 1), а Кадм подарил супруге Гармонии покрывало и ожерелье (Hdt. 4. 172, 2), которое впоследствии стало источником горя для всех, кто его носил (об Эрифиле см. выше). И это понятно и логично, но в нашем случае донатором является не мужчина, а женщина, а получателем дара – мужчина. Мужское целомудрие, вернее чистота юноши, мальчика, тоже высоко ценилась в древности, о чем сообщают писатели-моралисты вроде Плутарха и романисты⁴¹. В нашем источнике сумма в 2000 драхм говорит сама за себя. При этом следует заметить, что слово *diakoresis*⁴² в греческом языке было *terminus technicus* для обозначения дефлорации девушек⁴³, и перенос этого термина на юношу красноречиво указывает на активную, мужскую роль героини, не свойственную гречанке.

4. Отношения между Андротимом и Персидой строятся на некоей договорной основе, напоминающей правовой институт, и не похожи на пародию. И Главкет, который, судя по всему, пришел вместе с другом в эту обитель любви, выступает здесь как свидетель, подтверждающий факт дарения, а также денежный эквивалент подарка⁴⁴. Но и брак не вписывается здесь в греческие (да и римские⁴⁵) нормы и литературные традиции: по законам жанра разлученные влюбленные соединяются только в конце повествования (Левкиппа и Клитопон у Ахилла Татия, Теаген и Хариклея у Гелиодора). Исключением является лишь роман Ксенофонта Эфесского «Эфесская повесть» (нач. II в. н. э.), где и свадьба, и разлука происходят в начале. Здесь тоже все

⁴¹ Особенно это касалось гомосексуальной любви. В вазописи часто встречаются сцены, изображающие молодого мужчину и мальчика с покрывалом на голове, как у невесты. Например, чаша Пefина из Вульчи (Берлинский музей): Boardman. 1993: fig. 214, 2, 3.

⁴² См. также: Perentidis. 1995: 339–340.

⁴³ Henrichs. 1972: 108. См. также LSJ s.v.

⁴⁴ О присутствии в сцене третьего лица, казначея Персиды, который должен выполнить ее поручение под присмотром Главкета, см.: Prauscello. 1998: 69–70.

⁴⁵ О римском браке см.: Смирин. 1985: 38–63.

случается в первой книге. Однако классическая героиня романа – всегда юная, чистая, невинная девушка, каковой остается до конца повествования. И даже Антия у Ксенофонта, претерпевшая всевозможные испытания (кораблекрушение, плен у пиратов, побег, плен у разбойников, продажа в рабство, перепродажа своднику), невинной и целомудренной возвращается к своему Габрокому. Кроме того главная героиня всегда носит греческое имя. Все это заставляет видеть в Персиде второстепенный персонаж, тип соблазнительницы, вроде Мелито, Манто, Кино, а не главную героиню. Впрочем, это совсем не исключает в череду приключений героя авантюру с попыткой женить его на другой.

По мнению Триантофиллопулоса, в этом пассаже усматривается распространенный у греков и сегодня *pallikariatikon* или *agrilikon* (от турецкого *ağirlik*). У турок он означает подарок, который делает муж, обычно вдовец, юной и непорочной новобрачной. У греков наоборот такой подарок преподносит вступающая во второй брак вдова своему молодому мужу. Пытаясь максимально удревнить обычай такого дарения, ученый находит аналог в мифе о золотых яблоках Гесперид, которые якобы не сохранившая невинность Гера подарила целомудренному Зевсу⁴⁶. Столь редкий, практически неизвестный и к тому же домысленный вариант мифа не может лежать в основе широко распространенного обычая. В орфической традиции все было как раз наоборот, а согласно общепринятой гомеровской версии, у Зевса и Геры отношения были еще до брака (II. XIV. 295–296)⁴⁷. Весомый другой пример: в папирусе из Дура Европос (P. Dura 30) приводится брачный контракт (*conventio nuptialis*) от 1 октября 232 г. н.э., где говорится о вдове, которая, выходя замуж за солдата XII Палестинской когорты, стоящей на зимних квартирах в Катне, дарит ему денарии. Предполагается, что жених моложе невесты и брак у него первый. Однако есть маленький нюанс, отличающий эту ситуацию от лоллиановской: целомудренный солдат – это такой же оксюморон, как при-

⁴⁶ Triantaphyllopoulos. 1988: 332–333.

⁴⁷ Подробнее: Селиванова. 2004: 15–16, 36–39.

знательные показания. Да, и смысл юридического документа иной – ограничить права женщин, главным образом, вдов на последующий брак.

По мнению публикатора, сцена носит ритуальный характер, а Персида является финикийской жрицей любви (А. Хенрихс, по сути, разделяет аллегорическую теорию Р. Меркельбаха, рассматривающего античные романы как эзотерические тексты⁴⁸). Однако трактовка некоторых деталей в мистическом духе (уединение влюбленных в темноте и утреннее пробуждение вдвоем как символический выход из тьмы к свету – посвящение; дефлорация как жертвоприношение, за которое чужеземец обязан заплатить богине любви; ожерелье Персиды как подарок ее первого любовника, передаваемый девственнику и т.п.⁴⁹) представляется натяжкой. Все это не встречается в греческой романной топике и имеет мало отношения к восточным мистериям. Примечательно также, что Персида не получает вознаграждения, платит сама и при этом продолжает до утра дарить любовь, что не вяжется с ремеслом блудницы и заставляет видеть в героине девушку из приличной семьи. Более обосновано мнение Джонса, считающего, что и у Андротима, и у Персиды это был первый любовный опыт. Он указывает на содержащееся в 25-ой строке слово *didaskaleia* – *pluralis* от *didaskaleion* («школа»). Множественное число, однако, означает не «школы», как можно было бы ожидать, а «плату за обучение» (LSJ. s.v). Персида, таким образом, оплачивает свой первый урок в любви⁵⁰. Параллели в романах есть. Так, у Лонга влюбленный в Хлою пастух Дафнис молит молодую женщину Ликэнион обучить его искусству любви (Longus. III. 18–19). У Ахилла Татия герой Клитофонт, живя в браке, но не по плоти с Мелитой, уступает ей по ее просьбе: «Пойми, это Эрот говорит тебе моими устами: “Клитофонт, сделай это ради меня, твоего учителя. Не уходи, оставив Мелиту непосвященной”». После свершившегося она дает Кли-

⁴⁸ Merkelbach. 1962; Merkelbach. 1995.

⁴⁹ Henrichs. 1972: 107–108, 110–111.

⁵⁰ Jones. 1980: 244.

тофонту сто золотых (Ach. Tat. V. 26; VI. 1). Закономерно и появление матери, которая, увидев дурной сон, врывается в спальню Левкиппы в тот самый момент, когда в постель к ней проник соблазнитель, и осыпает дочь упреками (II. 23–24)⁵¹. Мать Левкиппы зорко блюла честь дочери, пока отец был на войне: помимо того, что двери ее спальни охраняла служанка, родительница всегда запирала входную дверь изнутри, снаружи ее тоже кто-нибудь закрывал и бросал ключи внутрь, которые мамаша хранила у себя. Все это, однако, не помогло, так как Левкиппа согласилась, в конце концов, принять героя ночью в своей спальне (Ach. Tat. II. 19). Не этот же самый мотив повторяется у Лоллиана, где Персида использует для свидания суматоху праздника, мать стучится в дверь, накрывает парочку и устраивает выволочку обоим? Характерно, что в двух вышеприведенных примерах (Дафнис–Ликэнион, Клитофон–Мелита) герой романа не скрывает своего отношения к связи как временной: он или не собирается жениться, или пребывает в некоем эрзац-браке, намереваясь вскорости от него освободиться.

Итак, рассматриваемый фрагмент вполне вписывается в сюжетную канву греческого романа. Герой проходит ряд испытаний, мужает⁵², знаком чего является памятный дар, полученный им на случайной встрече – ожерелье. Приключение героя здесь – всего лишь эпизод на пути к конечной цели – обретение счастья с главной героиней. Перед нами художественное произведение, причем авантюрный любовный роман с типичными сюжетом и образами, а испытания героев, полученные ими дары и награды почти всегда переводимы на язык посвящения⁵³. Поэтому не следует усматривать в подарке Персиды некую реминисценцию древнего обычая *anakalypteria*, развившегося до юридической нормы в поздние века. Все-таки в андрокентрист-

⁵¹ На эту параллель обратил внимание Винклер: Winkler. 1980: 155.

⁵² Э. Митчелл ставит во главу угла в греческих любовных романах конструирование идентичности посредством социализации юноши. См.: Mitchell. 2013.

⁵³ Элиаде. 2002: 312–313.

ских обществах платит мужчина. Вовсе не очевидна и прямая приемственность в позднем обычае одаривать жениха при втором замужестве (*pallikariatikon*). Более того, оба эти свадебных подарка могут не иметь ничего общего, поскольку задачи здесь разные, хотя цель одна: государство защищает патриархальные ценности, в первом случае поощряя девушек сохранять целомудрие, а во втором ограничивает возможность повторного замужества, блюдя интересы жениха. Для передачи местного колорита автор называет героиню новеллы восточным именем и ставит сцену на фоне декораций финикийского праздника. II в. н.э. – время расцвета греческого любовного романа, который стремится уйти от изображения реальности в вымышленный мир экзотики и чудес, куда-нибудь на Восток. В этом сказывалась компенсаторная функция литературы, рассчитанной на массового читателя. Появляется много подделок-бестселлеров, вроде этого, с переплетением эротики, мистики, религиозности, ужасов, тайн, с лихо закрученным сюжетом, наподобие готических романов Нового времени⁵⁴. Не случайны восточные названия: «Эфиопика» Гелиодора, «Вавилоника» Ямвлиха, «Персика» Ктесия, «Кипрская история» Ксенофонта Кипрского, «Эфесская повесть» Ксенофонта Эфесского и др.⁵⁵ Но именно потому, что авторы писали на потребу почтеннейшей публики, они могли улавливать некоторые перемены в общественном сознании, если не всего социума, то отдельных групп. Например (на уровне социальной психологии), коли мужчинам дозволено срывать так сказать первоцвет, то почему не делать того же женщинам, если это им позволяют средства? Подобного рода мысли, настроения, чаяния легко передаются в жанре фантастики, особенно если переместить сюжет подальше, на почву чужой культуры, где все наоборот. Тогда и дар Персиды будет выглядеть как инверсия «первого подарка супруга». Иллюзорный мир, в который погру-

⁵⁴ Проблеме конструирования идеального и реального в греческих романах посвящен сборник под ред. М. Пашалиса и С. Панайотакиса: *The Construction of the Real and the Ideal*. 2013.

⁵⁵ *Whitmarsh*. 2005: 587–611.

жался читатель, позволял раствориться в грезах, где каждый находил то, что ему ближе. Для женщин любовные истории всегда обладали особой притягательностью, предлагая альтернативу мрачной реальности пребывания на женской половине не столько даже визуализацией запретного, сколько мечтой о самостоятельности, независимости, возможности самой делать выбор и принимать решение.

Лариса Леональдовна Селиванова
н.с. Отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций ИВИ РАН.
+7(495)9544897
larleon@mail.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Античные гимны. 1988 – Античные гимны / Под ред. А.А Тахо-Годи. М., 1988.

Античный роман. 2001 – Античный роман. Пер. с древнегреч. и лат. / Прим. В. Чемберджи, М. Грабарь-Пассек, А. Егунова, С. Маркиша. М., 2001.

Афиней. 2010 – *Афиней*. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. Кн. IX–XV/ Н.Т. Голинкевич. М., 2010.

Марциал. 1968 – *Марциал*. Эпиграммы. Пер. с латинского Ф. Петровского. М., 1968.

Поэзия и проза древнего Востока. 1973 – Поэзия и проза древнего Востока. БВЛ. Т. 1. М., 1973.

Феофраст. 2007 – Феофраст. Характеры / Пер., статья и прим. Г.А. Стратановского. СПб., 2007.

ВРКР - Verstreut publizierte Kölner Papyri. Режим доступа: <http://www.uni-koeln.de/philfak/ifa/NRWakademie/papyrologie/Verstreutepub/PK3328.html> (дата входа 01.11.2014)

ЛИТЕРАТУРА

Буркерт. 2004 – *Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика. Пер. с нем. СПб., 2004.

Гендерная история древней Греции. 2009: Гендерная история древней Греции. Хрестоматия / Сост. Л.Л. Селиванова. Кн. II. М., 2009.

Илюшечкин. 1985 – *Илюшечкин В.Н.* Отражение социальной психологии низов в античных романах // Культура древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. II. М., 1985. С. 79–107.

Крамер. 1965 – *Крамер С.Н.* История начинается в Шумере. Пер. Ф.Л. Мендельсона / Под ред. В.В. Струве. М., 1965. Режим доступа <http://e-libra.ru/read/338375-istoriya-nachinaetsya-v-shumere.html>.

Павленко. 1985 – *Павленко Л.В.* Древнегреческий роман: новые найденные папирусные фрагменты // ВДИ. 1985. № 2. С. 184–196.

Селиванова. 2004 – *Селиванова Л.Л.* Волоокая царица Олимпа // Адам и Ева. Вып. 7. М., 2004. С. 7–39.

Смирин. 1985 – Смирин В.М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. II. М., 1985. С. 5–78.

Фрэзер. 1983 – *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. 2-е изд. М., 1983.

Элиаде. 1998 – *Элиаде М.* Азиатская алхимия. Сб. эссе. Пер. с рум., англ. и фр. М, 1998.

Элиаде. 2002 – *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. Киев, Москва, 2002.

Boardman. 1993 – *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases. The archaic Period. L., 1993.

Bowersock. 1969 – *Bowersock G.W.* Greek sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969.

Browne. 1973 – *Browne G.M.* On the Text of the Phoinikika of Lollianos // ZPE. 1973. Bd. 10. S. 77.

Browne. 1982 – *Browne G.M.* Ad Lolliani Phoenicica // ZPE. 1982. Bd. 46. S. 135–143.

Browne. 1989 – *Browne G.M.* Notes on Literary Papyri // ZPE. 1989. Bd. 76. P. 239.

Caillemer. 1887 – *Caillemer E.* Anakalypteria (Ἀνακαλυπτήρια) // DAGR. 1877–1887. T. I. P. 261.

Cavallo. 1996 – *Cavallo G.* Veicoli materiali della letteratura di consumo. Maniere di scrivere e maniere di leggere // La letteratura di consumo nel mondo greco-latino/ Cassino, 1996. P. 15.

Cazzaniga. 1973 – *Cazzaniga I.* Eco di riti e culti orientali nelle torture di alcuni martiri giuliane di Siria e i frammenti papiracei testé editi del romanzo “Phoenikiká” di Lollianos // VetChr. 1973. 10. P. 305–318.

Chantraine P. 1968 – *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque : Histoire des mots. T. I–II. Paris, 1968.

Collignon. 1900–1904 – *Collignon M.* Matrimonium // DAGR. 1900–1904. T. III. P. 1639–1662.

The Construction of the Real and the Ideal. 2013 – The Construction of the Real and the Ideal in the Ancient Novel Ancient Narrative. Eds. M. Paschalis and S. Panayotakis // Ancient Narrative. Supplementa 17. 2013. Vol. 12.

Dreyer. 1969 – *Dreyer O.* Lollianus // KP. München, 1969. Bd. III. Sp. 727.

Frisk. 1960 – Griechisches etymologisches Wörterbuch. Von H. Frisk. Heidelberg, 1960.

Garsía Gual. 1972 – *Garsía Gual C.* Los orígenes de la novela griega. Madrid, 1972.

Harland. 2007 – *Harland Ph. A.* “These people are... Men Eaters”: Banquets of the Anti-Associations and Perceptions of Minority Cultural Groups // A. Crook and Philip A. Harland, eds. *Identity and Interaction in the Ancient Mediterranean: Jews, Christians and Others. Essays in Honour of Stephen G. Wilson.* Toronto, 2007. P. 56–75.

Henrichs. 1969 – *Henrichs A.* Lollianos, Phoinikika: Fragmente eines neuen griechischen Romans // *ZPE.* 1969. Bd. 4. S. 205–215.

Henrichs. 1970 – *Henrichs A.* Nachtrag zu Lollianos, Phoinikika // *ZPE.* 1970. Bd. 5. S. 22.

Henrichs. 1970a – *Henrichs A.* Lollianos und P.Oxy. 1368 // *ZPE.* 1970. Bd. 6. S. 42–43.

Henrichs. 1970b – *Henrichs A.* Pagan Ritual and the Alleged Crimes of the Early Christians: A Reconsideration // *Kyriakon. Festschrift J. Quasten.* Münster, 1970. I. S.18–35.

Henrichs. 1972 – *Henrichs A.* Die Phoinikika des Lollianos. Fragmente eines neuen griechischen Romans herausgegeben und erläutert (Papyrologische Texte und Abhandlungen 14). Bonn, 1972.

Jones. 1980 – *Jones C.P.* Apuleius’ “Metamorphoses” and Lollianus’ “Phoinikika” // *Phoenix.* 1980. Vol. 34. N. 3. P. 243–254.

Keuls. 1985 – *Keuls E.C.* The reign of the phallus. Sexual politics in ancient Athens. N. Y., 1985.

Koenen. 1979 – *Koenen L.* Notes on Papyri P. Cologne Inv. 3328: Lollianos “Phoinikika” // *BASP.* 1979. 16. P. 109–114.

Leitao. 1995 – *Leitao D.D.* The Perils of Leukippos: Initiatory Transvestism and Male Gender Ideology in the Ekdusia at Phaistos // *CA.* 1995. Vol. 14. № 1. P. 153–154.

Lopez Martinez. 1998 – *Lopez Martinez M.P.* Fragmentos papiraceos de novela griega. Alicante 1998.

Maas. 1916 – *Maas P.* Hymenaios // *RE.* Stuttgart, 1916. Vol. IX/1. Sp. 130–134.

Merkelbach. 1962 – *Merkelbach R.* Roman und Mysterium within der Antike. München, 1962.

Merkelbach. 1995 – *Merkelbach R.* Isis regina – Zeus Sarapis. Die griechisch-ägyptische Religion nach den Quellen dargestellt. Stuttgart–Leipzig, 1995.

Mitchell. 2013. – *Mitchell E.* The Boy’s Own Love Story: The Romantic Adventures of Leukippe, Kleitophon, and Kleitophon’s Friends // *Ancient Narrative.* 2013. Vol. 11. – Режим доступа:

<https://www.questia.com/library/journal/1G1-384338539/the-boy-s-own-love-story-the-romantic-adventures>.

Montiglio. 2013 – *Montiglio S.* Love and Providence: Recognition in the Ancient Novel. Oxford; New York, 2013.

O’Sullivan. 1983 – *O’Sullivan J.N.* Some Thoughts on Lollianus Fr. B 1 // ZPE. 1983. Bd. 50. S. 7–11.

Perentidis. 1995 – *Perentidis S.* Διαπαρθένια. Une correction sur le Liddell-Scott // *Philologus*. 1995. Vol. 139. Issue 2. P. 339–340.

Prauscello. 1998 – *Prauscello L.* Il fr. A.2r 11–13 delle Storie fenicie di Lolliano // ZPE. 1998. Bd. 122. S. 67–70.

Regling. 1927 – *Regling K.* Solidus // RE. Stuttgart, 1927. Bd. II, 5. Sp. 920–926.

Ribichini. 2000 – *Ribichini S.* Al servizio di Astarte. Ierodulia e prostituzione sacra nei culti fenici e punici // Il Congresso Internacional dei Mundo Púnico. Cartagena, 2000. P. 55–68.

Roscher. 1884–1890 – *Roscher H.W.* Adonis // Roscher H.W. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Lpz., 1884–1890. Bd. I. S. 69–77.

Sandy. 1979 – *Sandy G.N.* Notes on Lollianos’ Phoenicica // *AJPh*. 1979. Vol. 100. № 3. P. 367–376.

Schissel. 1926 – *Schissel von Fleschenberg O.* Lollianos aus Ephesos // *Philologus*. 82. N. S. 36. S. 181–201.

Schissel. 1927 – *Schissel von Fleschenberg O.* Lollianus // RE. Stuttgart, 1927. Bd. XIII. 26. Hbd. Sp. 1367–1375.

Schmid. 1899 – *Schmid W.* Celer // RE. Stuttgart, 1899. Bd. III. Sp. 1870.

Sissa. 1984 – *Sissa G.* Une virginité sans hymen. Le corps feminine en Grèce ancienne // *Annales, Économies, Sociétés, Civilisations*. 1984. Vol. 39. № 6. P. 1119–1139.

Stephens, Winkler. 1995 – *Stephens S.A., Winkler J.J.* Ancient Greek Novels. The Fragments. Princeton 1995. P. 314–357.

Stephens. 1996 – *Stephens S.* Fragments of Lost Novels // *The Novel in the Ancient World, Mnemosyne Suppl.* 159, Leiden-New York-Köln, 1996. P. 669–672.

Stramaglia. 1992 – *Stramaglia A.* Covi di banditi e cadaveri “scomodi” in Lolliano, Apuleio e [Luciano] // ZPE. 1992. Bd. 94. S. 59–63.

Szepessy. 1978 – *Szepessy T.* Zur Interpretation eines neu entdeckten griechischen Romans // *AAASH*. 1978. 26. S. 29–36.

Triantaphyllopoulos. 1988 – *Triantaphyllopoulos J.* Virginité et déflation masculines // Proceedings of the XVIII International Congress of Papyrology, Athens 25–31 May 1986. Athens, 1988. P. 327–333.

Wessner. 1931 – *Wessner P.* Scholia in Juvenalem Vetustiora. Lpz., 1931.

Winkler. 1980 – *Winkler J.* Lollianos and the Desperadoes // JHS. 1980. Vol. 100. P. 155–181.

Whitmarsh. 2005 – *Whitmarsh T.* The Greek novel: Titles and genre // AJPh. 2005. Bd. 1256. P. 587–611.

Yébenes. 2007 – *Yébenes S.P.* Violencia, sexo y antropofagia ritual en los bajos fondos, según los fragmentos papiráceos de una novela gore del siglo II d. C., las Phoinikika de Loliano, y otros paralelos // Formas y usos de la violencia en el mundo Romano. Ed. G. Bravo, R.G. Salinero. (Signifier. Monografías y Estudios de Antigüedad Griega y Romana. 26). Madrid, 2007. P. 321–332.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ – Вестник древней истории.

AAASH – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

AJPh – American Journal of Philology.

BASP – Bulletin of the American Society of Papyrologists.

CA – Classical Antiquity.

DAGR – Le Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines de Daremberg et Saglio.

JHS – Journal of Hellenic Studies.

KP – Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. I–V. München, 1964–1975.

LSJ – A Greek-English Lexicon. By H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones. Oxford. 1996.

RE – Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G. Stuttgart.

VetChr – Vetera Christianorum.

ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

М. С. Петрова

О СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ*

Ключевые слова: надпись, реконструкция, супружеские отношения, Претекстат, Паулина.

Аннотация: В работе анализируются супружеские отношения государственного деятеля и ученого, яркого представителя языческой партии в Риме Веттия Агория Претекстата и римской матроны Аконии Фабии Паулины, реконструируемые по эпитафическим источникам. Отмечается, что надпись 1779 является свидетельством не только позднеантичных идеалов совместной жизни и любви, но и сообщает о том, что женщина по собственному выбору могла вместе с мужем стать посвященной в тайные культы. Обсуждаются вопросы, связанные с ролью Паулины в составлении этой надписи; композиция текста и причины его создания. Исследование сопровождается переводом рассматриваемых надписей.

В настоящей статье речь пойдет о сложившихся в период Поздней Античности супружеских отношениях государственного деятеля и ученого, яркого представителя языческой партии в Риме Веттия Агория Претекстата (310 / 320–384)¹ и римской матроны Аконии Фабии Паулины (ум. п. 384)².

Сведений о Претекстате немного. О его спокойном характере, нравах, замечательных личных качествах и делах пишет в

* В основу этой работы положены материалы доклада: «Претекстат и Паулина. К вопросу об идеале супружеских отношений», прочитанного на Круглом столе «Гендерные стереотипы и социальные практики Средневековья и раннего Нового времени» в Институте всеобщей истории РАН (2 июня, 2014 г.)

¹ См. Prosopogr. Vol. I.: 722-724; Boissier. 1891: 265; Bloch. 1945: 203-204, 217-219; Davies. 1969: 4-5; Klein. 1971: 47-50; Flamant. 1977: 26-36; Kahlos. 1994: 13-25; Kahlos. 2002: Introd.; Лоцев. 1992: Т. VIII. Ч. 2; Ведешкин. 2011: 26-34; Петрова. 2013: ix-xv.

² О Паулине известно лишь то, что она была дочерью Акония Катублины Филоматия. См. Prosopogr. Vol. I: 675: Paulina 4; *Ibid.* Vol. I: 187-188: Catullinus 3 (Fabius Aconius Catullinus Philomathius).

«Римской истории» (XX, 7, 6; XXVII, 9, 8-9; XXVIII, 1, 24) Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 390), который, как правило, осуждал римских сенаторов и их нравы³. О деятельности Претекстата известно из текстов Симмаха (Rel. X)⁴; адресованных Претекстату (как префекту Города и префекту претория) законодательных актов, собранных в “Codex Theodosianus”; нескольких писем о религиозных дебатах, направленных Претекстату императором Валентинианом II (371–392; имп. – 375), находящихся в серии документов “Collectio Avellana”⁵. Помимо этого, знавший римскую аристократию Иероним (347–420) упоминает о Претекстате в двух письмах (XXIII⁶; XXXIX), а также в полемическом сочинении “Contra Iohannem Hierosolymitanum” (397 г.).

³ См. XXII, 7, 6: «Свидетелем... его поступков был сенатор Претекстат, сочетавший благородный образ мыслей с древнеримской важностью. Он случайно оказался по личным делам в Константинополе, и Юлиан... назначил его правителем Ахайи с проконсульской властью»; XXVII, 9, 8-9: «[8] В это время префектуру города [Рима] управлял с отличием Претекстат. Многообразными проявлениями своей неподкупности и высокой честности, которыми он прославился с ранней юности, он достиг того, что редко случается, а именно, что, хотя сограждане боялись его, он не потерял их любви, которая вообще не выпадает на долю чиновным лицам, внушающим к себе страх. [9] Своим авторитетом и правильными, самой истиной продиктованными приговорами он успокоил волнение, которое вызвали раздоры христиан... Множество полезных мероприятий этого прекрасного правителя умножали его славу»; XXVIII, 1, 24: «Эти и подобные бедствия... вызвали всеобщую панику. Чтобы эти бедствия... не повлекли за собой целой громады несчастий, по решению знати [т. е. сената], было отправлено к императору посольство. Бывший префект Претекстат, бывший викарий Венуст и бывший консул Минервий должны были подать императору прошение, чтобы кары не оказывались выше проступков и чтобы не подвергали пыткам сенаторов вопреки обычаю и праву» (пер. Ю. А. Кулаковского).

⁴ См. MGH: Auct. Ant. 6 / 1: 288.

⁵ См. Blair-Dixon. 2007.

⁶ В этом письме Иероним не упоминает имени Претекстата, но нет сомнения, что “consul designatus” и Претекстат – одно и то же лицо, поскольку именно он был избран консулом на следующий год.

Имеется анонимная поэма “Carmen adversus paganos”, составленная в период между 365–395 / 401 гг., в которой также говорится о сенаторе Претекстате⁷. О нем пишут и более поздние авторы, в числе которых Макробий (V в.), сделавший Претекстата главным действующим лицом своих «Сатурналий»⁸; Зосим (пер. пол. VI в.), описавший его как защитника эллинистических греческих культов в “Historia nova” (IV, 3, 3), и Иоанн Лид (сер. VI в.), упомянувший об иерофанте по имени Претекстат в трактате “De mensibus” (IV, 2, 24–25).

В добавление к перечисленным выше законодательным, эпистолярным и литературным источникам сохранились и эпиграфические – несколько римских надписей (CIL VI, 1779; CIL VI, 1779a; VI, 1778; VI, 2145; VI, 1777), из которых наиболее известна та (CIL 1779), что посвящена самому Претекстату и его жене Аконии Фабии Паулине⁹.

Эта надпись, в которой перечислены религиозные, политические и административные посты, а также должности Претекстата, является свидетельством позднеантичного идеала супружеской жизни и любви, и говорит о том, что женщина по собственному выбору могла вместе с мужем стать посвященной в тайные культы. Кроме того, текст надписи позволяет ре-

⁷ Текст поэмы и ее перевод на французский язык, см.: Carm. с. pag. / Ed. Voxus, Poucet. 2010. См. также: Cracco Ruggini. 1979: 3–141; Cracco Ruggini. 1989: 274 (n. 55). В этих исследованиях высказано предположение, что упомянутые в поэме (v. 115–122) анонимный сенатор и его вдова – Претекстат и Паулина.

⁸ В «Сатурналиях» Претекстат — знаток священных обрядов, учнейший муж (I, 17, 1; I, 7, 17; I, 24, 1), которому свойственно душевное равновесие и спокойствие (I, 7, 2), обладающий силой характера (I, 5, 4) и чувством юмора. Его высокая образованность, интерес и любовь к старине просматриваются в дискуссиях о происхождении праздника Сатурналий (I, 7 – 10) и римского календаря (I, 12 – 16); знание языческой религии и соблюдение обрядов — в рассуждении о законах Понтификов (III, 4 – 12) и в пространной речи о солнечном монотеизме (I, 17 – 23). См. также: Davies. 1969: 4–5; Уколова. 1988; Уколова. 1992; Лосев. 1992. Т. III. Ч. 2; Петрова. 2013: ix–xv.

⁹ См. примеч. 2.

шить ряд вопросов, связанных с кончиной Претекстата, ролью Паулины в составлении надписи, композицией текста и причинами его создания¹⁰.

Сведения о магистратурах Претекстата (“*cursus honorum*”) обнаруживаются и в других надписях (CIL VI, 1777, 1778, 1779; 1779a). Например, в CIL VI, 1779a говорится:

*Веттию Агорию Претекстату /
мужу сиятельному, наместнику Тускии и Умбрии /
[бывшему] консулу Лузитании, проконсулу Ахайи,
префекту Города, префекту претория Иллирика и
Италии.*

Согласно надписям (1779 и 1779a), Претекстат был кандидатом в квесторы (*questor candidatus*), городским претором (*praetor urbanus*), наместником Тускии и Умбрии (*corrector Tusciae et Umbriae*) и консулом Лузитании до 362 г. (*consularis Lusitaniae*)¹¹. После должности городского префекта в Риме в 367–368 гг. Претекстат был послом Сената пять или семь раз¹². Во время правления Валентиниана II (371–392; имп. – 375), после смерти Грациана (359–383; имп. – 375), он стал префектом претория Илирика, Италии и Африки (*praefectus praetorio Illyrici, Italiae et Africae*)¹³.

В 384 г. Претекстат был избран консулом на следующий год, но умер перед Новым годом¹⁴. Весь Город оплакивал его

¹⁰ Текст надписи и ее перевод см. *ниже*.

¹¹ См. CIL VI, 1777, 1778, 1779.

¹² См. CIL VI, 1779: “...*legatus a senatu missus...*”; CIL VI, 1777: “...*legato amplissimi ordinis septies et ad impetrandum reb(us) arduis semper opposito...*”.

¹³ См. CIL VI, 1779. Согласно CIL VI, 1777 и CIL VI, 1778: “...*praefectus praetorio II Italiae et Illyrici*”. Возможно, Претекстат был префектом претория дважды – в 383 г. и в 384 г. (см. Nistler. 1910: 469).

¹⁴ Symm. Rel. XII, 4 (P.290). Претекстат был еще жив 9 сентября 384 г., но умер до 1 января 385 г. См. Cod. Iust. I, 54, 5 (I, 50, 5 – [1548. P. 72]). См. Varrow. 1973: 72. С учетом «Сатурналий» Макробия, Претекстат умер после 19 декабря 384 г. (см. Петрова. 2013: xxx-xxxii).

смерть¹⁵. Симмах сообщает, что его кончина вызвала столь великую скорбь, что люди отказались от обычного посещения театра. Сам Симмах был настолько расстроен смертью друга, что покинул городскую префектуру. Его слова (*Rel. X, 2*) позволяют предположить, что он сильно нуждался в духовном утешении¹⁶. Вероятно, в связи с этим император Флавий Валентиниан Август (375–392) даровал Симмаху разрешение установить статую Претекстата как римского сенатора на форуме¹⁷. Об этом можно судить по надписи CIL 1778.

...Веттию Агорцию Претекстату, мужу светлейшему // понтифику Весты / понтифику Солнца / квиндецемвиру / авгуру / тавроболию / куриалу / неокуру / иерофанту / священному отцу / квестору / кандидату / претору Города / наместнику Тускии и Умбрии / [бывшему] консулу / Лузитании / проконсулу / Ахайи / префекту Города / дважды префекту претория / Италии и Иллирика / избранному / консулу / посвящается в Февральские Календы / нашим господином Флавием Валентинианом Августом III...

Претекстат был верховным понтификом (*pontifex Vestae*) и оказывал поддержку культу дев-весталок. После его смерти благодарные жрицы-весталки (*sacerdotes virginum Vestalium*) решили воздвигнуть статую в его честь. Симмах препятствовал этому проекту, поскольку у жриц священной Весты не было таких полномочий; к тому же такие почести никому не воздавались со времен Нумы Помпилия, Метелла или какого-либо другого великого понтифика (*pontifex maximus*)¹⁸. Очевидно, Симмах не смог воспрепятствовать весталкам, и статуя все же была уста-

¹⁵ Hier. Ep. XXIII, 3: "...ad cuius interitum urbs universa commota est...".

¹⁶ Ad loc. (P. 288): "Et ille quidem functus est lege naturae, nos vero socios animi sui vestrique iudicii tanto dolore confudit, ut otii remedium postulemus...".

¹⁷ См. также: Symm. Rel. XII, 2 (P. 289).

¹⁸ Symm. Ep. II, 36 (P. 54). Это утверждение позволяет предположить, что существовало два языческих течения, духовные взгляды которых различались (см. Bloch. 1963: 217-218 [п. 6]), а мнение Симмаха было экстремистским по отношению к таковому его соратников по партии (см. Brown. 1961: 4). См. также Matthews. 1990.

новлена. Об этом свидетельствует надпись (CIL VI, 2145), выгравированная на пьедестале другой статуи, установленной Паулиной в честь великой девы-весталки:

Фабия Акония Паулина распорядилась изготовить и установить статую деве Целии Конкордии, великой весталке, не только вследствие ее славнейшего целомудрия и замечательного благочестия в почитании богов, но и за то, что она ранее установила статую ее мужу, Веттию Агорию Претекстату, мужу светлейшему, единственному и достойному, которая должна была всячески почитаться девами и жрицами.

Слова Паулины и их тон можно рассматривать как продолжение полемики против Симмаха.

Еще одна надпись (CIL VI, 1777) свидетельствует о воздвижении статуи в честь Претекстата также, вероятно, Паулиной во дворе его дома:

*Веттию Агорию Претекстату, мужу светлейшему и сиятельному, /
наместнику Тускии и Умбрии, /
[бывшему] консулу Лузитании, проконсулу /
Ахайи, префекту Города, префекту претория /
Иллирика, Италии и Африки, избранному консулу, /
легату, посланному [сенатом] свыше 7 раз подряд /
и добившемуся [решения] сложнейших дел, /
всегда борющемуся /
отцу государства и внушающему уважение своим именем, /
что даже статуя в его доме, /
свидетельствующая о его заслугах, воздвигнута...*

Далее рассмотрим упомянутую выше надпись 1779¹⁹, выгравированную на четырех сторонах мраморного основания. Она содержит перечень должностей (cursus honorum) Претекстата как священнослужителя и государственного деятеля (часть А) и «траурную поэму», составленную ямбическим сценарием (части В, С и D). Эта поэма представляет собой двойное восхваление (laudatio). В части D Паулина обращается к мужу и превозносит его качества и достижения. В частях В и С Претекстат

¹⁹ Основание с надписью было обнаружено в Риме. В настоящее время оно хранится в Капитолийском музее в Риме (Capitoline Museum in Rome). Первая публикация надписи датируется 1750 г.

славословит Паулину. Нет возможности установить правильный порядок этих частей²⁰.

Должности Претекстата лишь кратко перечислены (А, 18-20), поскольку он считал, что такого рода вещи относятся к бренному и ничтожному (*caduca ac parva*). Бóльшее внимание уделено его религиозной и ученой деятельности, а также частной жизни.

Применительно к надписи остается без ответа целый ряд вопросов, а именно: была ли эта надпись составлена сразу же после смерти Претекстата или Паулины; вдвоем ли они решили увековечить свою супружескую любовь, преданность друг другу и общие идеалы, или Паулина одна написала этот текст; могли ли их дети (если таковые были) сделать это, или же ее составили друзья и сторонники Претекстата? Вполне возможно, что хвалебная речь Претекстату могла быть создана Паулиной после его смерти, а часть, касающаяся самой Паулины, — ее родственниками, уже после ее кончины. Но может быть, оба восхваления были составлены Претекстатом и Паулиной еще при их жизни.

Цель «поэмы» — показать, что Паулина была тесно и крепко связана с мужем в течение всей его жизни — государственной, религиозной, культурной, так же, как и мирской.

Текст надписи возможно сопоставить с траурной речью (*laudatio funebris*)²¹, произнесенной Паулиной по поводу смерти

²⁰ Исследователи предлагали различный порядок частей надписи. Например, С–D–B, когда Претекстат начинает говорить первым, а Паулина ему отвечает, и тем самым, поэма достигает своей кульминации (см. Boissier. 1891: 264). О порядке С–B–D, см. CSLE (Cholodniak). N. 55 (1904: 20-22); о порядке B–C–D, см. Lambrechts. 1955: 11. Последний порядок представляется более логичным, поскольку такая последовательность демонстрирует форму диалога между мужем и женой: Паулина задает вопрос, Претекстат отвечает.

²¹ *Laudatio funebris* — древний литературный жанр и неотъемлемая часть аристократической погребальной традиции в Риме. Надгробная речь (*elogium*) аристократу состояла, как правило, из двух частей. *Laudatio funebris* произносилось членом семьи на рострах в день погребения, а его краткая версия записывалась на надгробной плите.

Претекстата²². “*Laudatio funebris*” все еще практиковалось в IV веке²³, и Паулина обратилась к этому жанру. Восхваление Претекстата могло быть высечено на надгробной плите, подобно тексту, именуемому “*Laudatio Turiae*” (CIL VI, 1527)²⁴.

Согласно Светонию, Август произнес такую речь по случаю смерти Друза, составив ее в прозе и стихах, выгравировав ее текст на камне. См. Suet. De vita Caes.: Cl. I, 5: «...и после его [Друза. – М. П.] смерти [он] так восхвалял его перед народом, что даже молил богов, чтобы молодые Цезари [т. е. Гай и Луций. – М. П.] были во всем ему подобны, и чтобы сам он мог умереть так же достойно, как умер Друз. И не довольствуясь этой похвалой, гробницу его он украсил стихами своего сочинения, а о жизни его написал воспоминания в прозе» (пер. М.Л. Гаспарова). Заметим также, что из текста Лукиана (*De luctu*) следует, что погребальные речи посвящались и мужчинам, и женщинам (см. также: Lambrechts. 1955: 9-10 [п. 5]). Согласно обычаю, отец и мать, изливая печаль по поводу смерти своего ребенка, должны были выражать горе громко и ясно (Luc. De luctu 13). Лукиан также упоминает людей, произносивших речи у надгробных памятников (Ib. 23).

²² См. Lambrechts. 1955: 10-14.

²³ Например, Авсоний (ок. 310 – ок. 394 г.) составил серию восхвалений своих почивших родственников и коллег (см. «О родных»; «О преподавателях Бурдигалы»). См. Durry. 1950: xxx-xxxii, ixhix.

²⁴ Надпись (“*Laudatio Turiae*”) именуется так потому, что атрибутирована Квинту Лукрецию Веспилу (Q. Lucretius Vespillo), восхвалявшему свою жену Турию. Но эта атрибуция не бесспорна – см. Durry. 1950: lvii-lxii; Wistrand. 1976; Lattimore. 1942: 278 (п. 96); Lambrechts. 1955: 53. Вероятно, овдовевший муж произнес эти слова над гробом жены (между 8 и 2 г. до н. э.). В надписи представлен идеализированный образ умершей как римской женщины-аристократки, жизнь которой протекала в соответствии с общепринятыми установлениями, касающимся семьи и нравственности. Из надписи следует, что родной отец умершей женщины и мачеха погибли насильственной смертью. В заслугу умершей ставится то, что смерть родителей она не оставила неотомщенной (“...non remansit inulta mors parentum”). Далее речь идет о том, что осиротевшая девушка вступила в наследство, завещание ее родителей чуть было не объявили недействительным. В браке она состояла 41 год и была во всех отношениях примерной женой. Супружескую чету постигло горе: ребенок, которого они долго ожидали, умер вскоре после рожде-

Вероятно, слова Паулины мог слышать Иероним, так как в «Письме к Марцелле о кончине Лии» (XXIII) он упоминает о Претекстате, говоря о «назначенном консуле» (*consul designatus*), ныне умершем (Ib. XXIII, 2)²⁵: «богач, некогда носивший пурпурную тогу, консул в тоге, украшенной пальмами, теперь [в загробной жизни – облачен] в рубище» (Ib. XXIII, 3)²⁶. Иероним противопоставляет христианку Лию, после смерти радующуюся на лоне Авраамовом, язычнику Претекстату, душа которого пребывает в аду (Ib. XXIII, 2):

...тот, кто за несколько дней до этого достиг высшей из своих должностей, кто поднимался на Капитолийский холм, словно справляя триумф над поверженными врагами, кого плеском рук и топотом ног встречал римский народ, кончиною коего был потрясен вселенский Город, теперь, покинутый и лишенный всего, пребывает не в небесном дворце Млечного [пути], как измышляет его несчастная жена, но среди тьмы и смрада²⁷.

Очевидно, Иероним пишет «Письмо Марцелле» вскоре после смерти Претекстата²⁸. Он со злорадством отвергает представление о том, что Претекстат после смерти был вознесен в

ния. Других детей не было, и жена даже предлагала мужу разойтись с ней и вступить в другой брак, чтобы иметь потомство. Это дало повод супругу упрекнуть ее за это в прощальном слове. Конец речи посвящен выражению скорби овдовевшего мужа; она завершается его пожеланием, чтобы божественные маны упокоили ее с миром (“*Te di manes tui ut quietam patiantur atque ita tueantur opto*”). См. Машкин.1949: 427-428; Kierdorf.1980: 59; Lambrechts. 1955: 12-14.

²⁵ Ad loc.: “...ut designatum Consulem, de suis saeculis detrahentem, esse... in tartaro”. См. также *выше*, примеч. 6.

²⁶ Ad loc.: “...divitem purpuratum, et non palmatum Consulem, sed atratum...”.

²⁷ Hier. Ep. XXIII, 2-3: “...quem ante paucos dies dignitatum omnium culmina praecedebant, qui, quasi de subjectis hostibus triumpharet, Capitolinas ascendit arces, quem plausu quodam et tripudio populus Romanus excepit, ad cuius interitum urbs universa commota est, nunc desolatus, et nudus, non in lacteo coeli palatio, ut uxor mentitur infelix, sed in sordentibus tenebris continetur”, пер. И. П. Стрельниковой (с изменениями).

²⁸ См. Lambrechts. 1955: 9-10 (п. 5).

звездные чертоги. Видимо, не случайно Паулина (которая именует себя счастливой [felix] в тексте «поэмы»), у Иеронима названа «несчастной» (uxor infelix). Небесный дворец (существование которого отрицает Иероним) может подразумеваться у Паулины в словах «ты всегда пребудешь со мной на небесном престоле» (caelestium iam sede semper mecum eris) или в строке о «заботе мудрецов, которым открыты врата небес» (cura soforum porta quis caeli patet)²⁹.

Нападки Иеронима в «Письме к Марцелле» были направлены на представления языческой религии, предполагавшие посмертное вознесение души и ее бессмертие. Паулина утешает себя, говоря, что после смерти она снова будет вместе с Претекстатом: «Теперь, когда всё это отнято, я, твоя жена, изнываю в печали, // была бы я счастлива, если бы боги даровали мне мужа // [меня] пережившего; но даже и так я счастлива, // поскольку твоя я есть, была и скоро буду после смерти» (CIL VI, 1779, 84-87).

Паулина и ее умерший муж являются объектом ненависти Иеронима также и в «Письме к Пауле». Он противопоставляет язычницу Паулину христианке Пауле, дочь которой недавно умерла. Иероним вкладывает в уста самого Христа слова: «Пусть лучше будет служанкой дьявола, чем моей, та, что измышляет, будто ее неверный муж был перенесен на небеса» (“Melior diaboli ancilla quam mea est. Illa infidelem maritum translatum fingit in caelum”). «Неверный» применительно к Претекстату означает и «неверующий в Христа», и «неверный супруг»³⁰.

Еще одну параллель эпитафии предоставляют слова Симмаха из обращенного к императору «Воззвания» (Rel. XII, 2-4), восхваляющие качества Претекстата: “gaudia corporis ut caduca

²⁹ Cp. Mart. Cap. De nupt. I, 97: “...uti postridie omnis ille deorum senatus in palatia, quae in Galaxia Iovis arbitri habitationem potissimam faciunt”.

³⁰ См. Hier. Ep. XXXIX, 3.

calcavit” («он попирал телесные радости как бранные» [ср. v. 66: “caduca ac parva”]).

Что касается Паулины, то в рассматриваемой надписи она изображена как идеал римской жены. Восхваляются ее целомудрие, чистота души и тела, верность мужу (*veri et castitatis conscia... pudens* [26-29], *fidelis* [29], *pura mente et corpore* [*Ib.*]; *fomes pudoris* [35], *castitatis vinculum* [*Ib.*], *amorque purus et fides caelo sata* [36]). *Castitas* (целомудрие), *pudor* (почтение, благопристойность) и *fidelitatis* (верность) – супружеские качества женщины, которые часто превозносятся в латинских надгробных надписях³¹.

Паулина изображена не только как супруга префекта, но как любящая мать, заботливая сестра и послушная дочь (40-41: *pietate matris, coniugali gratia, // nexu sororis, filiae modestia*). О ней говорится как о женщине, которая помогает, любит, заботится и почитает мужа (“...iuvans maritum, diligens, ornans, colens...” [45-46]). *Pietas* (почтительность) по отношению к семье, мужу, детям, родителям и родственникам считалась важным качеством женщины. Муж мог ожидать этих качеств от жены; они были соединены друг с другом в доверии как друзья (“...et quanta amicis iungimur fiducia...” [42]). Хорошая, трудолюбивая жена, всегда хлопочущая о пользе дома (*utilis penatibus*)³², была счастливым даром мужу³³.

³¹ См. CIL VIII, 11294: «Постумия Матронилла была *pudica, univira* и *unicuba*»; CIL VI, 10230: «Мурдия отличалась *modestia, probitas, pudicitia* и *fides*»; CIL VI, 9499: «Аврелия... была *fido fida viro, casta* и *pudens*. Как для христиан, так и для язычников *castitas, continentia* и *pudicitia* были не только женскими, но и мужскими добродетелями (см., напр., CIL VI, 11602: «Некто был *pudica* and *casta*»). См. также: Cracco Ruggini. 1989: 266.

³² Ср. CIL VIII, 11294, где Постумия Матронилла упомянута как “...mater bona, avia piissima, laboriosa, efficax, vigilans, sollicita, totius industriae et fidei matrona”; CIL VI, 1527, 31670, 37053: “...reverentia in patrem, pietas in sororem, tuorum caritas, familiae pietas, lanificium”; CIL VI, 11602: “...lanifica, pia, domiseda”; ILS 8394: “...lanificium, diligentia”; CIL I², 1007 (= CIL VI, 15346): “...domum servavit, lanam fecit”. *Lanificium* (прядение шерсти) — было традиционно упоминае-

Возможно, по этой причине Претекстат вверил Паулине «сокровенные тайны души» (“...arcana mentis cui reclusa credidi...” [37])³⁴.

В надписи также упомянуто, что совместная жизнь Претекстата и Паулины продолжалась 40 лет (“*Ni coniuncti simul vixerunt annos XL*” [23]). Союз супругов представляется как дар богов; вера и любовь, посеянные небесами (“...amorq[ue] purus et fides caelo sata...” [36]). Чистота их супружеского ложа восхваляется такими словами: “*munus deorum, qui maritalem totum // nectunt amicis et pudicis nexibus*” (38-39). Супруги, видимо, имели ребенка или детей (“...subolemque pulchram, si tuae similis, putant” [81]). Лишь кончина Претекстата разделила их. В конце надписи Паулина выражает надежду на то, что вновь соединится с мужем после смерти³⁵.

мым в надписях занятием женщин. Например, оно имеется у Авсония, восхвалявшего свою мать. Однако применительно к Паулине такого упоминания нет (Aus. Par. II, 4). См. Flach. 1991: 38; Durry. 1950: 39; Galletier. 1922: 224.

³³ *Laudatio Turiae* (CIL VI, 1527) по композиции весьма схоже с рассматриваемой нами «поэмой». Муж, оплакивая умершую супругу, выражает величайшую благодарность жене за ее преданность ему, восхваляя ее семейные добродетели (*pudicitia, obsequium, comitas, facilitas, religio sine superstition*). В его словах нет религиозного измерения, но выражено пожелание, чтобы память о жене была бессмертной (“...desiderem quod immortalitati ad memoriam consecratam tradidi”).

³⁴ Близость и тесные дружеские отношения между мужем и женой в эпоху Поздней Римской империи считались идеалом. Мужья-аристократы нуждались в супругах, которым могли доверять. Жены, подобно Паулине, руководили огромным хозяйством, пока мужья были заняты государственными делами или интеллектуальными и культурными занятиями. См. Brown. 1988:15.

³⁵ Мысль, что супружеская любовь продолжится даже после бренной жизни, – основная тема латинских надгробных надписей. В некоторых эпитафиях совместная могила мужа и жены сравнивается с супружеским ложем. См. CIL VI, 25427, в которой имеется фраза: “...quos iungit tumulus, iunxerat ut thalamus...”. Ср. христианскую надпись (CLE 1432), в которой речь идет о том, что супруги после

Заметим, что в композиционном плане надпись представляет собой диалог супругов. Можно указать на похожий «диалог» между неким Альтиметом и умершей Омонойей, в котором звучат и плач мужа по поводу жестокости судьбы, унесшей его жену, и утешения супруги, просящей мужа прекратить стенания, поскольку слезы бесполезны (CIL VI, 12652, Рим, I в.):

*parce tuam, coniux, fletu quassare iuventam
fataque maerendo sollicitare mea!
nil prosunt lacrimae nec possunt fata moveri.*

Хотя, как правило, диалог в погребальных поэмах Греции и Рима происходит между уже умершим и еще живым супругами³⁶, в рассматриваемой нами надписи (CIL VI, 1779) оба беседующих супруга уже умерли.

Основная тема надгробных (языческих) надписей — выражение горя от утраты близкого человека. Они не содержат уверенности в бессмертии ушедшего. В этом смысле тональность речи в надписи 1779 резко отличается от большинства ей подобных. Выраженная в ней уверенность в посмертном существовании схожа с таковой у христианских авторов, например, у того же Иеронима (см. Ер. XXIII, XXXIX).

Смысл многих латинских эпитафий иллюстрируется положением эпикурейского нигилизма: “...non fui, fui, non sum, non curo...” («...меня не было, я был, меня уже нет, мне все равно»). Напротив, слова Паулины: “...tua quia sum fuique postque mortem ero...” («...поскольку твоя я есть, была и скоро буду после смерти...»), — демонстрируют веру в жизнь после смерти, направленную против подобного скептицизма. Хотя Паулина оплакивает разлуку с супругом, финал надписи выражает стоический и религиозный оптимизм: за словом *maceror* («изны-

смерти будут “...thalami tumulique comis...”; а также другие погребальные надписи о супругах (CLE 1559; CLE 1027). См. также: de Iturrospe. 2009: 255-278.

³⁶ См. CIL VI, 9499 — диалог между Аврелием Гермией и Аврелией Филематой (I в. до н. э.).

ваю», 84) следует *felix*, написанное дважды (85 и 86)³⁷. Паулина убеждена в своем бессмертии, что связано с таинствами, в которых принимал участие Претекстат, и в которые она сама была посвящена. В «поэме» она повествует, что муж, сделав ее посвященной, таким образом освободил от смерти (68-71).

Действительно, Претекстат обучал и наставлял жену в отправлении священных мистерияльных обрядов (72-75³⁸): Паулина была посвящена Претекстатом в Элевсинские мистерии (v. 20), в культы Цереры (v. 19) и Гекаты (*sacrata apud Eginam Hecatae; hierophantia* [21-22]). Он ввел ее в их храмы и посвятил ее богам как их служительницу (24, 28-29); он присутствовал при жертвоприношениях, которые совершала Паулина (“...te teste cunctis imbuor mysteriis...” [v. 71]); он был свидетелем того, что боги приняли ее³⁹.

Заметим, что о женщине, посвященной своим мужем в таинства, говорится и в одной эпитафии на саркофаге из Равенны, который некий Гай Сосий Юлиан установил для дочери Сосии Юлианы и жены Терции Исиады. Текст представляет собой беседу Сосия Юлиана и Терции. Рельеф и рисунки на саркофаге указывают на культ Исиды. Изображена сидящая женщина, которая держит в левой руке крышку от небольшой коробочки, находящейся в левой руке стоящего рядом с ней мужчины; правой рукой он смазывает её левый глаз мазью,

³⁷ См., напр., CIL VI, 13528: “Quod fueram non sum, sed rursus ero quod modo non sum”. Тертуллиан высказывает ту же мысль в словах (Apol. XLVIII, 6): “Qui non eras, factus es, cum iterum non eris, fies”. См. Lambrechts. 1955: 50-52.

³⁸ См. также CIL VI, 1780.

³⁹ См. Festugière. 1963. P. 135-146. Подобная ситуация описана в «Метаморфозах» (XI, 21-23) Апулея, когда Луций пожелал принять посвящение в таинства Исиды. Жрец отвечает Луцию, что нужно ждать, ибо день посвящения указывается божественным знамением. Наконец, богиня сообщает и Луцию, и жрецу, с которым он связан «средством светил», что день посвящения настал, и священнослужитель проводит обряд посвящения.

что, видимо, дает ей способность мистического видения⁴⁰.
Надпись гласит:

*ὡς με] φίλων ἐδίδαξας ἀοίδιμα ὑράμματα φωνεῖν
“Χαῖρε καλλιφανής,” εἶποι σοι, “πληροφόροῦ, ψυχῆ”.*

*Вот так, мой милый, ты научил меня пропевать сладкозвучные
слоги. // “Здравствуй, сияющая красотой душа”, — пусть скажет
тебе [Исида], — // “исполнись уверенности [в своей участи]”⁴¹.*

Таким образом, в первой строке жена говорит, что муж научил ее пропевать магические слова, произнесение которых перед кончиной спасительно для души. Во второй строке муж выражает пожелание того, что Исида благосклонно встретит душу его жены словами о том, что той не о чем тревожиться.

Показательный отрывок имеется в трактате Плутарха «Наставления для вступающих в брак». Плутарх пишет, что у мужей и жен должны быть общими боги и друзья. Женщина должна почитать только тех богов, которых признаёт её муж; чужеземные боги и обряды отождествляются с суевериями⁴². Если мужья предоставят женщин самим себе, у тех могут возникнуть вредные и нежелательные помыслы и переживания. Вот почему муж должен быть наставником и руководителем своей

⁴⁰ Надпись (SIRIS 586, II в.) написана по-гречески латинскими буквами. Здесь приводится интерпретация двух последних строк, предложенная Фестюжьером (см. Festugière. 1963: 137-144). См. также: Egger. 1951. S. 37, 51-53, 57-58; Vidman. 1970: 130-137 (перевод Уйдмана: “Sei willkommen”, möge dir die in Person Erscheinende sagen, “Seele, sei vollkommen [deiner Rettung] versichert”); Heyob. 1975: 62-64; Kahlos. 2002: Ch. 4. 3.

⁴¹ Пер. В. В. Петрова.

⁴² См. Plut. Praec. con. 19, 140D: «Жена не должна заводить своих друзей, но должна общаться с теми, что у неё общие с мужем. Первые и важнейшие друзья – это боги. Поэтому жене подобает почитать и знать только тех богов, которых признает муж, и держать на запоре наружную дверь перед вызывающими праздное любопытство обрядами и чужеземными суевериями. Ибо никому из богов не угодны обряды, совершаемые женщиной украдкой и втайне (κλεπτόμενα καὶ λανθάνοντα)» (пер. В. В. Петрова). По всей видимости, наставление направлено против тайных христианок (см. Cracco Ruggini. 1989: 263).

жены⁴³. Слова Паулины из надписи CIL VI, 1779 демонстрируют схожее отношение к мужу: «ты даешь свет отечеству, сенату и супруге, // душевной порядочностью, а равно нравом и ученостью; // ты обладаешь верхом добродетелей» (51-53). Сама же Паулина благодаря мужу познала блаженство (v. 77).

Имеются и другие, датируемые III–IV веками, надписи, в которых мужья посвящают жен в таинства⁴⁴. Однако союз Претекстата и Паулины, в котором Претекстат дает языческое религиозное образование своей жене, следует рассматривать как исключение. В целом же, к внутрисемейным различиям в религиозных предпочтениях римские аристократы того времени относились толерантно. В смешанных браках между язычниками и христианками муж-язычник, как правило, принимал религиозные убеждения своей жены-христианки⁴⁵. Таким образом, совету Плутарха римская аристократия IV века, в общем, не следовала.

Очевидно, что брак Претекстата и Паулины, как он описан в тексте надписи (CIL VI, 1779), исполнен гармонии и согласия: “...iugi fideli simplici concordia” (v. 44). Аристократические фамилии составляли брачные договоры, в которых утверждались моральные качества мужа⁴⁶. Муж, который жил в гармонии со

⁴³ Plut. Praec. con. 48, 145E: «Нужно следить за тем, чтобы такого не возникало в умах женщин. Ведь если они не воспримут семени добрых учений (λόγον χρηστών) и вместе с мужьями не будут приобщаться к образованности (παιδείας), то, предоставленные самим себе, начинают множество нелепых (ἄτοπα) и дурных замыслов и переживаний (πάθη)» (пер. В. В. Петрова). См. также: Brown. 1988: 13.

⁴⁴ См. Vidman. 1970:136-138.

⁴⁵ Жены и матери аристократов оказывали влияние на своих мужей и детей, обращая их в христианство (см. Brown. 1961: 6). Впрочем, отмечалось, что роль женщин в христианизации римской аристократии после правления Константина весьма преувеличена (см. Salzman. 1989: 214).

⁴⁶ В античный период женское влияние на мужчину обсуждалось в двух аспектах: негативном и позитивном. Женщина выступает либо как ведущая праведный образ жизни (когда побуждает мужчину при-

своей законной женой, мог рассчитывать на гармонию с обществом, агорой, друзьями⁴⁷. Такого рода супружеские отношения были нормой и свидетельствовали о самоконтроле.

Традиционные добродетели Паулины, как они описаны при её восхвалении, ярко подчеркивают активную роль, которую она играла в обществе Позднего Рима. Паулина была изображена как образец женской скромности и почтительности. Она представляет своего мужа, однако, ее добродетели, в свою очередь, возвеличивают Претекстата. И хотя сама Паулина была влиятельной личностью в частной и религиозной сферах, в общественной жизни она находилась в подчиненном мужу положении.

Последнюю (четвертую) часть надписи, составленную Паулиной, можно рассматривать как эпитафию. Эти строки начертаны позади мраморного постамента (который, вероятно, служил опорой не сохранившейся до нашего времени статуе префекту претория) — по должности Претекстату полагалась статуя из позолоченной бронзы. Не случайно, в надписи приводится его “*cursus honorum*” — перечень обязанностей на государственной службе и при священнодействиях.

Паулина намекает и на литературные занятия мужа. Об этом свидетельствует фраза: «...того, что изложено не ритмизованной речью, ты передал в лучшей форме, чем, читая, воспринял» (“...*meliora reddis quam legendo sumpseras*” — v. 58). Эти слова скорее всего свидетельствуют о том, что Претекстат (подобно другим образованным аристократам) мог принимать участие в собирании и критическом издании классических текстов. В этом случае, его усовершенствования сводились к выправлению текста и составлению маргинальных глосс, поскольку он был лишь образованным любителем, но не учёным-филологом⁴⁸.

слушаться к голосу разума), либо как соблазнительница. См. Cooper. 1992:151-156, 163.

⁴⁷ Plut. Praec. con. 43, 144C. См. также: Brown. 1988: 14; Cooper. 1992: 153.

⁴⁸ См. Cameron. 2010: 478-480, 542-544.

Сама Паулина была весьма хорошо образована, и, возможно, лично составила эпитафию. Если это так, то её можно считать лучшей поэтессой IV столетия. Единственной её соперницей можно назвать Пробу, которая соединяла воедино фрагменты из Вергилия и библейских сказаний.

Как бы то ни было, в принадлежащих ей строках мы ощущаем волнение её души, мы слышим её голос, а её искренность не подлежит сомнению. Она описывает самые сокровенные эпизоды своей жизни, говорит не об общественных праздниках, но о таинственных ритуалах и сокровенном знании, ею полученном. Она не только раскрывает перед нами свою личную жизнь, превращая её в жертвоприношение, но и заявляет о бесценности пути, по которому она и ее муж прошли вместе.

Ниже мы приводим перевод надписи (CIL VI, 1779)⁴⁹.

- [1] *Богам [и] Манам /
Веттий Агорий Претекстат /
авгур [и] понтифик Весты /
понтифик Солнца, квиндецемвир,
священный куриал Геркулеса /*
5 *иерофант Либера и Элевсинских [таинств] /
неокур, тавроболат /
глава сенаторов государства /
кандидат в квесторы /
претор Города /*
10 *наместник Тускки и Умбрии /
[бывший] консул Лузитании /
проконсул Ахайи /
префект Города /*
15 *пять раз легат, посланный сенатом /
дважды префект претория Италии /
и Илирика /
назначенный /
консулом-ординарием /
и Акония Фабия Паулина, сиятельная матрона /*

⁴⁹ Учен английский перевод заключительного фрагмента, выполненный Питером Доннелли (Donnelly, Peter), см. <http://skookumpete.com/Praetextatus.htm> (июль, 2011).

- 20 посвященная [в таинства] Цереры и Элевсина /
 посвященная в Эгинские [таинства] Гекаты /
 тавроболия, церофанта, /
 в совместном браке они прожили 40 лет //
- [II] Веттий Агорий Претекстат /
 супруге Паулине /
 25 Паулина, знающая, что такое целомудрие и истина, /
 преданная храмам, подруга богов, /
 предпочитающая себе — супруга, а мужу — Рим /
 скромная, верная, чистая умом и сердцем, /
 любезная всем, полезная Пенатам, /
 30 ты всегда будешь со мной на небесном престоле. //
- [III] Веттий Агорий Претекстат /
 супруге Паулине. /
 Паулина — спутница нашего сердца, /
 очаг благопристойности, хранительница целомудрия, /
 чистая любовь и вера, посеянная небом, /
 35 которой я вверил сокровенные тайны души, /
 дар богов, что связывают супружеское ложе /
 дружескими и целомудренными узами, /
 с преданностью матери, с супружеской благосклонностью, /
 40 с привязанностью сестры, с послушностью дочери, /
 с доверием, равным тому, что связывает нас с друзьями,
 в пожизненной близости, освященном союзе /
 в прочной связи, открытости и согласии, /
 [ты], помогаешь, любишь, заботишься,
 45 считаешь супруга. //

[ЭПИТАФИЯ ПАУЛИНЫ
 ВЕТТИЮ АГОРИЮ ПРЕТЕКСТАТУ]

- [IV] Блистательность моих предков дала мне не большие, /
 чем то, что я уже тогда была явлена достойной супруга.
 весь блеск и красу [я обретаю] в имени мужа, /
 Агория. Рожденный от благородного семени, /
 50 ты даешь свет отечеству, сенату и супруге, /
 душевной порядочностью, а равно нравом и ученостью; /
 ты обладаешь верхом добродетелей. /
 Ибо все, что создано на двух языках [латинском и греческом] /

- 55 усердием мудрецов, которым открыты врата небес, /
 будь то мастера в создании поэзии, /
 или того, что изложено не ритмизованной речью, /
 ты передал в лучшей форме, чем, читая, воспринял. /
Но этого мало. Благочестивый мист*, явленное в священных /
 таинствах, ты сокрыл тайниках ума, /
- 60 многообразный закон богов ты был научен почитать. /
 К супругу подругу привлек для священных таинств, /
 разделившую [с тобой] знание о богах и людях, верную тебе. /
Здесь нет мне нужды упоминать о [твоих] чинах и должностях, /
 радостях, к которым стремятся в своих чаяниях люди, /
 и которые ты всегда считал бранными и ничтожными. /
- 65 Ты жрец богов, слышишь возвышенным в своей святости. /
 Ты, о супруг, научив меня благу, /
 жребию чистоты и целомудрия, освободил от смерти. /
 Ты вводишь меня в храмы и делаешь служанкой богов; /
- 70 ты свидетель того, как меня пропитала кровь [жертвоприноше-
 ний] во всяческих таинствах. /
 Благочестивый супруг, ты [делаешь меня] /
 жрицей Кибелы и Аттиса, удостаиваешь таинствами быка, /
 ты наставляешь меня в троякой тайне как служанку Гекаты; /
 делаешь меня достойной таинств греческой Цереры. /
- 75 Благодаря тебе все почитают меня как благу и благочестивую, /
 хвалят, ибо ты сам прославил меня как благу; /
 прежде безвестная я теперь известна всему миру. /
 Ибо как с таким мужем не нравиться всем? /
 Матроны Рима взирают на меня как на образец /
- 80 и если их дети похожи на твоих, они считают их красивыми, /
 теперь и мужчины, и женщины стремятся перенять отличия, /
 которые ты, как учитель**, явил. /
Теперь, когда всё это отнято, я, твоя жена, изнываю в печали, /
 была бы я счастлива, если бы боги даровали мне мужа /
- 85 [меня] пережившего; но даже и так я счастлива, /
 поскольку твоя я есть, была и скоро буду после смерти.

*Петрова Майя Станиславовна,
д. и. н., в.н.с., руководитель
Центра гендерной истории ИВИ РАН,
+7(495)9544489
beionyt@mail.ru*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

Amm. Marc. Rerum ges. – *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / Rec. V. Gardthausen. Vol. 1–2. Lipsiae, 1874–1875. – *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни / Ред. Л. Ю. Лукомского. СПб.: Алетейя, 1994.

Apul. Met. – *Apuleius Madaurensis. Metamorphoses* // РИИ 5. 1212. – *Апулей*. Метаморфозы / Пер. М. А. Кузьмина / Ред. С. П. Маркиша, А. Я. Сыркина // *Апулей*. Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: АН СССР, 1958.

Aus. Comm. prof. Burd. – *Decimus Magnus Ausonius. Commemoriatio professorum Burdigalensium* / Ed. S. Prete. 1978 // ВТЛ. – *Авсоний*. О преподавателях. Бурдигалы / Пер. Ю. Ф. Шульца // *Авсоний*. Стихотворения. М.: Наука, 1993.

Aus. Par. – *Decimus Magnus Ausonius. Parentalia* / Ed. S. Prete. 1978 // ВТЛ. – *Авсоний*. О родных / Пер. М. Л. Гаспарова // *Авсоний*. Стихотворения. М.: Наука, 1993.

Carm. c. pag. – *Carmen contra paganos* / Texte et Traduction par Anne-Marie Boxus et Jacques Poucet // *Folia Electronica Classica*. Louvain-la-Neuve 19 (janvier-juin 2010) //

<http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/19/CCP/02Text.htm> (июль, 2014).

Hier. Ep. – *Hieronimus. Epistolae* // PL 26. – *Saint Jérôme*. Lettres / Ed. J. Labourt. T. II. P.: Les Belles Lettres, 1951. – *Иероним*. Письмо XXIII // Пер. И. П. Стрельниковой // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М.: Наука, 1970.

Luc. De luctu. – *Lucianus. De luctu* / Ed. A. M. Harmon // *Lucian*. Vol. 4. Cambridge: Harvard University Press, 1925 (repr. 1961) // TLG (0062 036). – *Лукиан*. О скорби / Пер. Н. П. Баранова // *Лукиан Самосатский*. Сочинения в двух томах. Т. 2. СПб.: Алетейя, 2001.

Macr. Sat. – *Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia* / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963. – *Макробий Феодосий*. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В. Т. Звиревича / Общ. ред., составл. вступит. ст. М. С. Петровой / Примеч. и указат. В. Т. Звиревича и М. С. Петровой / Прил. М. С. Петровой. М.: Кругъ, 2013.

Mart. Cap. De nupt. – *Martiani Capellae De nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. A. Dick. Leipzig, 1925.

Suet. De vita Caes. – C. *Suetonius Tranquillus*. De vita Caesarum // РНІ 5. 1348. – Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993.

Symm. Ep. – *Symmachus*. Epistolae / Q. Aurelii Symmachi quae supersunt / Hrsg. Otto Seeck // MGH: Auctores antiquissimi 6 / 1. В.: Weidmann, 1883. – *Symmaque*. Correspondance. T. 1. Livres I–II – T. 2. Livres III–V; Lettres. T. 3. Livres VI–VIII – T. 4. Livres IX–X / Texte établi, traduit et commenté par J.- P. Callu. P.: Les Belles Lettres, 1972. – Симмах. Письмо об алтаре Победы / Пер. А. Б. Рановича // Ранович А. Б. Античные критики христианства. М., 1990.

Symm. Rel. – *Symmachus*. Relations / Q. Aurelii Symmachi quae supersunt / Hrsg. Otto Seeck // MGH: Auctores antiquissimi 6 / 1. В.: Weidmann, 1883.

Tert. Apol. – *Plutarchus*. Praecepta coniugalia // LCL. Vol. 2. 1928. – Plut. Praec. con. Q. S. F. Tertulliani Apologeticus adversus gentes pro christianis / Ed. T. H. Bindley, M.A. [Merton College]. Oxford: Clarendon Press, 1889.

Zos. Hist. – *Zosimus*. Historia nova / Ed. F. Paschoud // *Zosime*. Histoire nouvelle. Vols. 1 – 3.2. P.: Les Belles Lettres, 1971–1989.

ЛИТЕРАТУРА

Barrow. 1973. – *Barrow R. N.* Prefect and Emperor: the Relations of Symmachus, AD. 384. Oxford: Clarendon Press, 1973.

Blair-Dixon. 2007. – *Blair-Dixon K.* Memory and Authority in Sixth-century Rome: the Liber Pontificalis and the Collectio Avellana // Religion, Dynasty and Patronage in Early Christian Rome, 300–900. / Ed. K. Cooper and J. Hillner. Cambridge University Press, 2007. P.59-76.

Bloch. 1945. – *Bloch H.* A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393–394 A. D. // Harvard Theological Review. Vol. 38. 1945. P.199-241.

Bloch. 1963. – *Bloch H.* The Pagan Revival in the West at the End of the Fourth Century // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / Ed. A. Momigliano. Oxford, 1963. P.193-218.

Boissier. 1891. – *Boissier G.* La Fin du Paganisme. Vol. 2. P., 1891.

Brown. 1961. – Brown P. Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of Roman Studies. Vol. 51. 1961. P.1-11.

Brown. 1988. – *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. Columbia University Press, 1988.

Cameron. 2010. – *Cameron A.* The Last Pagans of Rome. Oxford University Press, 2010.

Cooper. 1992. – *Cooper K.* Insinuations of Womanly Influence: An Aspect of the Christianization of the Roman Aristocracy // *Journal of Roman Studies*. Vol. 82. 1992. P.150-164.

Cracco Ruggini. 1979. – *Cracco Ruggini L.* Il Paganesimo Romano tra Religione e Politica (384–394): per una Reinterpretazione del Carmen contra paganos // *Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell'Accademia dei Lincei*. 8. 23. 1979. P.1-144.

Cracco Ruggini. 1989. – *Cracco Ruggini L.* La Donna e il sacro, tra paganesimo e cristianesimo // *Atti del II convegno nazionale di studi su la donna nel mondo antico*. Torino 18 – 19–20 aprile 1988. Torino, 1989. P.243-275.

Davies. 1969. – *Davies, P. V.* Introduction // *Macrobius*. The Saturnalia. N. Y. – L., 1969. P.1-23.

de Iturrospe. 2009. – *de Iturrospe M. T. M. G.* Angelicae legis docta, dicata deo (CLE 1443 b, 2): modelos femeninos excepcionales en ‘carmina epigraphica’ y en la tradición cristiana // *Literatura epigráfica, estudios dedicados a Gabriel Sanders* / Ed. X. G. Font, concepción F. Martínez, J. G. Pallarès. Zaragoza: Libros Pórtico, 2009. P. 255-278.

Durry. 1950. – *Durry M.* Praefatio // *Éloge funèbre d'une matrone romaine* / Texte établi, traduit et commenté par M. Durry. P., 1950.

Egger. 1951. – *Egger R.* Zwei Oberitalienische Mystensarkophage // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts*. T. 4. 1951. S.35-65.

Festugière. 1963. – *Festugière A. J.* Initiée par l'époux // *Monuments et Mémoires*. Fondation Piot 53. 1963. P.136-138.

Flach. 1991. – *Flach D.* Die sogenannte Laudatio Turiae. Darmstadt, 1991.

Flamant. 1977. – *Flamant J.* Macrobe et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle. Leiden, 1977.

Galletier. 1922. – *Galletier, E.* Étude sur la poésie funéraire d'après les inscriptions. P., 1922.

Heyob. 1975. – *Heyob S. K.* The Cult of Isis among Women in the Graeco-Roman World. Leiden: Brill, 1975.

Kahlos. 1994. – *Kahlos M.* Fabia Aconia Paulina and the Death of Praetextatus – Rhetoric and Ideals in Late Antiquity (CIL VI, 1779) // *Arctos*. Vol. 28. 1994. P.13-25.

Kahlos. 2002. – *Kahlos M.* Vettius Agorius Praetextatus. A Senatorial Life in Between. Roma, 2002.

Kierdorf. 1980. – *Kierdorf W.* Laudatio funebris. Interpretationen und Untersuchungen zur Entwicklung der Römischen Leichenrede [Beiträge zur Klassischen Philologie 106]. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1980.

Klein. 1971. – *Klein R.* Symmachus. Eine Tragische Gestalt des Ausgehenden Heidentums. Darmstadt, 1971. Wissenschaftliche Buchgesellschaft [Impulse der Forschung, Band 2].

Lambrechts. 1955. – *Lambrechts P.* Op de Grens van Heidendom en Christendom: het Grafchrift van Vettius Agorius Praetextatus en Fabia Aconia Paulina // Mededelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen. Letteren en schone Kunsten van België. Klasse der Letteren XVII. B. 3. Brussel, 1955.

Lattimore. 1942. – *Lattimore R.* Themes in Greek and Latin Epitaphs. Illinois, 1942.

Mathews. 1990. – *Mathews J.* Western Aristocracies and Imperial Court, AD 364–425. Oxford University Press, 1990.

Nistler. 1910. – *Nistler J.* Vettius Agorius Praetextatus // Klio. 10. 1910. S.462-475.

Salzman. 1989. – *Salzman M. R.* Aristocratic Women: Conductors of Christianity in the Fourth Century // Helios. Vol. 16. 1989. P.207-220.

Vidman. 1970. – *Vidman L.* Isis und Sarapis bei den Griechen und Römern: Epigraph [Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten. T. 29]. B., 1970.

Wistrand. 1976. – *Wistrand E.* The so-called Laudatio Turiae / Introduction, Text, Translation and Commentary. Lund: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1976.

Ведешкин. 2011. – *Ведешкин М. А.* Ветгий Агорий Претекстат и языческая оппозиция в римском сенате // Научные ведомости Белгородского государственного университета 13. 2011. С. 26-34.

Лосев. 1992. – *Лосев А. Ф.* Претекстат // История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1992. Т. VIII. Ч. 2.

Машкин. 1949. – *Машкин Н. А.* Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. М. – Л.: Издат.-во Академии наук СССР, 1949.

Петрова. 2007. – *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Круг, 2007.

Петрова. 2013. – *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и

древнегреч. В. Т. Звиревича / Общ. ред., составл., вступит. ст. М. С. Петровой / Примеч. и указат. В. Т. Звиревича и М. С. Петровой / Приложения М. С. Петровой. М.: Кругъ, 2013.

Уколова.1988. – *Уколова В. И.* Макробий и его «Сатурналии» // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М.: Наука, 1988.

Уколова.1992. – *Уколова В. И.* Поздний Рим. Пять портретов. М.: Наука, 1992.

СОКРАЩЕНИЯ

CIL	– Corpus inscriptionum latinarum // http://cil.bbaw.de/cil_en/index_en.html (май, 2014).
CLE	– Anthologia latina: carmina epigraphica. Fasc. 1, 2: Carmina latina epigraphica. Lipsiae, 1897.
Cod.	– Codex Iustiniani. Lib. 1 – 6 (Vol. 1); Lib. 7 – 12 (Vol. 2) / Auct. Gregor Haloander. 1548.
Iust.	
CSLE	– Carmina sepulcralia latina: epigraphica / Coll. Johannes Cholodniak. Petropoli, 1904.
ILS	– Inscriptiones latinae selectae / Ed. Hermannus Dessau. Vol. II. Part 2. Berolini, 1892.
LCL	– Loeb Classical Library.
MGH:	– Monumenta germaniae historica: auctores
Auct. Ant.	antiquissimi.
PHI 5	– Packard Humanities Institute (Version 5).
PL	– Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J-P. Migne. P., 1844–1865. T. 1 – 225.
Proso-	– The Prosopography of the Later Roman Empire
pogr.	/ Ed. J. R. Martindale. L. – N. Y. – New Rochelle – Melbourne – Sydney, 1971–1992. In 3 vol.
SIRIS	– Vidman, Ladislaus. Sylloge inscriptionum religionis Isiacae et Sarapiacae [Religiongeschichtliche Versuche und Vorarbeiten 28]. B.: Walter de Gruyter, 1969.
TLG	– Thesaurus linguae graecae. 1999.

**М.В. Фадеева,
Е.А. Вишленкова**

СЕМЬЯ, ЛЮБОВЬ И «СТУДЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС» В РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА*

Ключевые слова: Российская империя, история университетов, XIX век, студенческие семьи, правительственная политика, гендерные стереотипы.

Аннотация: В статье прослеживается правительственная политика в области брачных отношений студентов. Авторы выявили правовые ограничения, аргументированные патерналистской заботой правительства. Приведены примеры студенческого восприятия семьи, возрастная статистика и количество разрешений на венчание. Их соотнесение с правительственными постановлениями позволило заключить, что министерство руководствовалось представлениями о среднестатистическом студенте и гендерными стереотипами о семье как обузе. Оно не учитывало реальной дифференциации студенчества по возрасту, доходам и их политические настроения.

Изучение темы

В течение всего XX века и по сей день студенческие браки, а также так называемый «половой вопрос»¹, рассматриваются исследователями как одна из характеристик в социальном портрете университетских учащихся. К изучению семейного статуса студентов историки университетов обращались редко и не специально. В 1903 г. о быте современных ему студиях рассказал читателям П.К. Иванов. Он утверждал, что семей они, как правило, не заводят, довольствуясь временными подругами². Такой способ компенсации подтверждают тревож-

* Данное научное исследование (№ 14-05-0061) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

¹ Термин, заимствованный исследователями из лексикона студенческих переписей начала XX века. См: Иванов. 2010: 85

² Иванов. 1903.

ные статьи университетских медиков того времени³ и исследовательские наблюдения С.Ю. Малышевой, исследовавшей формы досуга в университетском городе⁴.

Сообщая о малочисленности женатых студентов, П.К. Иванов назвал три причины, побуждавшие учащегося связать себя узами Гименея: финансовые выгоды (к примеру, бесплатное проживание на съемной квартире с условием последующей женитьбы на дочери хозяйки), редко – романтические чувства, иногда – идейные соображения («платонический брак»). О распространенности фиктивных браков и о «духовных семьях» той эпохи писала Ирина Паперно, показавшая влияние романа Н.Г. Чернышевского на модели организации жизни его современников⁵.

А.Е. Иванов подтверждает наблюдения своего предшественника-однофамильца. Более того, он считает, что «женатые студенты и замужние курсистки составляли особый культурный феномен. Это была малочисленная категория учащихся высшей школы»⁶. К сожалению, историк не объяснил суть их культурной особенности. Что касается мотивов создания семьи, то Иванов на первое место ставит всё же романтические настроения, которые считает универсальными для юношеского возраста всех времен: «К этому предрасполагала молодость студентов и курсисток»⁷. Исследователь признает существование в изучаемое время брака по расчету, на который студент соглашался ради возможности заниматься наукой, завершить обучение и так далее. Что касается моды на «идейные браки», то, как и предшественника, А.Е. Иванова здесь больше интересует не мода, а прочность такого союза. Он утверждает, что духовные

³ Приват-доцент Казанского императорского университета А.И. Елистратов сообщал, что «современное культурное студенчество, по крайней мере, на четверть состоит из лиц, страдающих или болевших венерическими заболеваниями» (См: Елистратов. 1900: 513)

⁴ Малышева. 2014: 97-100

⁵ Паперно. 1996.

⁶ Иванов. 2010: 298

⁷ Иванов. 1999: 337

семьи были недолговечными, тогда как самые крепкие браки складывались под патронажем родителей, а также у студентов, имевших собственные средства существования. Данные утверждения исследователь основывает на свидетельствах мемуаристов и «Половой переписи московского студенчества», которую в 1903 г. провел приват-доцент М.А. Членов.

Свидетельства, что среди студентов Московского университета были люди женатые, есть не только в мемуарной литературе⁸, но и в университетском делопроизводстве⁹. В данной статье мы анализировали архивы двух императорских университетов – Московского и Казанского. Дополнив их материалами периодики и распорядительными документами Министерства народного просвещения, мы получаем возможность объяснения сложной культурно-социальной ситуации, которая для сторонников семейной жизни явно не исчерпывалась финансовыми аспектами.

Аналитическую рамку для улавливания и интерпретации таких свидетельств предложили историкам Ирина Паперно, Сьюзан Морриссей, Марина Могильнер и Ребекка Фридман. Их работами создана культурная перспектива в изучении студенческой темы¹⁰. После выявления литературных моделей, которыми задавалось и регулировалось групповое поведение университетских воспитанников позднеимперской России, стало возможным объяснение академических высказываний (вербальных и поведенческих) о любви и браке как проявлений специфической субкультуры. Использование такого подхода рождает социальную реконструкцию, отличающуюся от той, которую ранее создали историки университетов.

⁸ Напр., см.: Верер. 1936, Курбский. 1912

⁹ К примеру, в делах о наблюдениях и обысках у студентов Московского университета: ГБУ «ЦГА Москвы» ЦХД до 1917 года лее - ЦХД до 1917 г.). Ф. 46. Оп. 11. Д. 23. Л. 36; Ф. 475. Оп. 19. Д. 141. Л. 28; Оп. 17 Д. 1212. Л. 4.

¹⁰ Паперно. 1996; Morrissey. 1998; Могильнер. 1999; Friedman. 2005.

Правительственный взгляд на вещи

Самая ранняя из обнаруженных нами правовых норм, регулирующих личную жизнь университетских воспитанников, датируется 19 мая 1821 г. Это указ Святейшего Синода, запретивший священникам венчать казенных воспитанников учебных заведений до окончания ими обучения. На своекоштных студентов этот запрет не распространялся. Ограничение объяснялось тем, что находящиеся на содержание государства учащиеся «с семейными обязанностями не могут совершенно посвятить себя наукам»¹¹. Указ родился в недрах «соединенного» Министерства духовных дел и народного просвещения, настороженно и критически относившегося к деятельности университетов, опасавшегося студенческой вольности и даже преждевременного взросления учащихся.

Синодальный указ не вошел в Полное собрание законов Российской империи, но о нем вспомнили профессора Казанского университета в 1868 г. Тогда в ученый совет поступило прошение от студента медицинского факультета второго года обучения Николая Туманского, просившего позволить ему вступить в брак. Во время заседания проректор сообщил, что еще несколько воспитанников «без всякого с чьей-либо стороны разрешения» вступили в брак¹². Члены совета не знали, как им поступить, и обратились за разъяснением к попечителю.

Формально законодательство ограничивало только брачный возраст российских подданных: 18 лет – для молодых людей и 16 лет – для девиц¹³. В 1830 г. «воспрещено было священникам отныне впредь венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый осьмнадцати, а последняя – шестнадцати лет»¹⁴. С 1833 г. применение этой правовой нормы стало

¹¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5105. Л. 1об.

¹² НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5105. Л. 1.

¹³ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ) Собр. 2-е. Том V. 1831: 740.

¹⁴ Там же.

повсеместным¹⁵. Имеется в виду то обстоятельство, что только спустя три года данный закон стал известен «всем обывателям без исключения», а не только священникам¹⁶. Стало быть, к середине века все достигшие 18-летнего возраста подданные, включая студентов, имели право на семейную жизнь.

Но университетские уставы и правила для студентов – основные законы, которыми регулировались мужские учебные заведения, молчали по этому поводу. Ни одна их статья не упоминала о праве студентов жениться, или об условиях обучения молодых людей, имеющих семьи. Вероятно, в наполненные реформами, демократические 1860-е гг. этот вопрос не регламентировался потому, что тогда за студентами признавались равные с прочими подданными гражданские права. К тому же после слома курсовой системы обучения у воспитанников появилась возможность значительно растянуть срок своего пребывания в университетских стенах, что привело к появлению среди учащихся великовозрастных сокурсников. Еще больше их число выросло после официального дозволения принимать в университет выпускников духовных семинарий. Когда в 1907 г. Николай Астров проводил перепись среди студентов юридического факультета Казанского университета, то возраст его информантов варьировался от 18 до 38 лет¹⁷. Особенно много «вечных» и «старых» студентов училось на медицинских факультетах.

Через пару лет после обсуждения брачного вопроса в Казани, в местный профессорский совет пришел из Петербурга запрос (1870). Письмо содержало проект правил для студентов Новороссийского университета и выписку из протокола заседания совета, учрежденного при министре народного просвещения. Его резолюция гласила:

¹⁵ ПСЗ РИ Собр. 2-е. Том VIII. 1834: 789.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Поволжского) федерального университета. Ед.хр. 7294.

«Родители студентов и общество ожидают, что университет возвратит им молодых людей полных всяческих сил для борьбы с жизнью, для подвигов на разных путях жизни, а не людей неудачами, теснотами, лишениями и борьбами с жизнью семейною подорванных в лучших силах их»¹⁸.

Члены министерского совета предлагали запретить браки среди студентов. Не рискуя принимать такое решение единолично, министр запросил по этому поводу мнение профессоров нескольких университетов.

В ответных посланиях настроенная либерально профессура возмутилась таким ограничением гражданских прав своих воспитанников и смогла убедить в опасности данной меры столичных чиновников. Мнение Казанского университета сформулировали ординарный профессор церковной истории И.М. Добровторский и проректор, ординарный профессор кафедры римского права Н.А. Кремлев.

«Ожидания родителей и общества (если таковые существуют), что университет возвратит им молодых людей полных всяческих сил для борьбы с жизнью, основано на недоразумении, – иронически заметили они, едва скрывая возмущение глупостью министерских чиновников, – Университет есть учреждение не воспитательное, а образовательное; он предлагает своим слушателям знания, то есть теорию и практические навыки... Давать же слушателям еще и особые силы для борьбы с жизнью и прочим, университет не может»¹⁹.

Получив почти единодушные отклики «с мест», министр не стал настаивать. Он согласился с тем, что такое ограничение вызовет студенческое недовольство, и что не стоит представлять студенчество в качестве единой корпорации. Лучше считать, что это отдельные частные лица, пожелавшие учиться.

«Университет не есть закрытое воспитательное заведение, – завершил он свою реляцию словами казанских профессоров, – а потому не может быть и речи об ответственности универси-

¹⁸ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 5522. Л. 7.

¹⁹ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 5522. Л. 3.

тета перед родителями студентов и пред обществом за вступление их в законный брак»²⁰.

Тогда было решено вопрос о студенческих браках не поднимать.

Иной стала обстановка в стране десять лет спустя. Конец правления Александра II ознаменовался усилением правительственного контроля над студенческой жизнью. Повсеместно в университетах была восстановлена курсовая система, установлен контроль за поведением студентов посредством педелей (инспекторов), введена обязательность посещения лекций²¹. В черед этих ограничений в университеты пришли министерские предписания запретить студентам жениться. Сначала такое распоряжение поступило в профессорские советы в порядке конфиденциального письма²².

«Вследствие конфиденциального циркулярного распоряжения министерства народного просвещения от 19 января 1880 г. за № 28, – напоминал об этом несколько лет спустя вновь назначенный в Москву попечитель П.А. Капнист, – бывший попечитель московского учебного округа [Н.П. Мещерский – М.Ф., Е.В.] в конфиденциальном предложении от 6 марта того же г. за № 14 сообщил г. проректору Московского университета, чтобы университетское начальство отнюдь не дозволяло студентам университета вступать в брак и чтобы в число студентов не принимались лица женатые; заявляющих же желание вступить в брак или просящих о выдаче им бумаг, ясно с этой целью, предостерегать: что по вступлении в брак они не будут вновь принимаемы в студенты»²³.

В марте 1880 г., действительно, появился официальный указ, в котором министр народного просвещения Д.А. Толстой потребовал от университетского начальства препятствовать вступлению учащихся в брак. В разосланном циркуляре он писал о «вреде, наносимом учебному делу легкомысленным и

²⁰ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 5522. Л. 9.

²¹ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 5439.

²² НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 6708. Л. 2.

²³ ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 52. Д. 515. Л. 1, 1 об.

необдуманным вступлением в брак молодых людей, не покинувших еще школьную скамью»²⁴. Послание было доведено до сведения профессоров. 7 апреля 1880 г. Н.П. Мещерский сообщил членам совета:

«Г. Министр народного просвещения предложением от 15 минувшего марта за № 3354 поручил мне сделать распоряжение, чтобы студентам не дозволялось вступать в брак, и чтобы в число студентов не принимались лица женатые»²⁵.

Дабы продемонстрировать важность этой меры и довести ее до сведения студентов, он потребовал, чтобы профессора прописали этот запрет в правилах для студентов.

Однако после отставки Толстого запрещение было отменено. Буквально через два месяца после этого его приемник заявил, что поскольку «в Высочайше утвержденном уставе 1863 г. не содержится запрещения студентам вступать в брак и что такое запрещение было установлено бывшим министром народного просвещения графом Толстым в связи с современными правилами о надзоре за студентами, он, статский секретарь барон Николаи, находит, что ныне за отменой означенных правил удовлетворение подобных ходатайств зависит от университетского начальства»²⁶. Очевидно, сменивший Толстого и менее года возглавлявшего министерство А.А. Сабурова, барон А.П. Николаи был намерен смягчить методы дисциплинирования студентов. Реагируя на послабление новой власти, московский попечитель Капнист передал в университетский совет прошения двух студентов-медиков второго года обучения Венедикта Невировского и Николая Коробова с просьбой разрешить им венчаться.

Поскольку барон Николаи через год ушел в министерского поста, то заявленный им курс либерального отношения к студентам быстро был свернут. Возможностью вступить в брак воспользовались буквально единицы учащихся. Бывший ми-

²⁴ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 6675. Л. 2.

²⁵ ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 49. Д. 241. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 4, 4об.

нистр просвещения Д.А. Толстой стал влиятельным министром внутренних дел, а сферу образования стал курировать человек с охранительной политической позицией – граф И.Д. Делянов.

В ноябре 1883 г. попечитель Капнист сообщил ректору об очередном резком развороте правительственного курса в деле регулирования личной жизни студентов:

«Ныне же г. министр народного просвещения [А.Д. Делянов], уведомляя меня, что по дошедшим до него сведениям оказывается, что начальство некоторых университетов разрешает студентам университета вступать в брак до окончания ими курса... предложением от 22 прошлого октября, за № 13554, просит меня подтвердить начальству Московского университета о строгом исполнении вышеупомянутого циркуляра»²⁷.

Этот запрет вошел в новый университетский устав 1884 г. и в принятые в 1885 г. «Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов». Параграф 17 этих Правил гласил: «Студентам воспрещается вступать в брак во все время пребывания их в университете»²⁸. Женатые мужчины лишились права учиться в университете. Таким образом, семья была официально признана «отягчающим обстоятельством» для желающего получить высшее образование молодого человека.

Поскольку в конце столетия должность министра народного просвещения стала одной из самых ненадежных в силу обострения «университетского вопроса» (кризиса академической жизни, порожденного политическим радикализмом студентов), Делянову приходилось постоянно лавировать и менять политику своего ведомства. С начала 1890-х г. министерство стало выдавать разрешения жениться тем студентам, которые смогли подтвердить справками свою лояльность («благоденность»)²⁹. Так право студентов иметь семью стало объектом политического торга.

²⁷ Там же. Л. 1об.–2.

²⁸ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов, 1885: 14.

²⁹ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 9884. Л. 1.

В феврале 1898 г. вновь назначенный министр народного просвещения Н.П. Боголепов запросил мнение попечителей о том, стоит ли запрещать студентам вступление в брак. В ответ на этот вопрос инспектор казанских студентов П. Кочкин заверил, что такой запрет просто необходим.

«Это правило, – писал он, – основано на примерах и фактах практической жизни. Семейная жизнь в большинстве случаев несовместна с возрастом, обязанностями и материальным положением студентов»³⁰.

Он привел целый ряд аргументов, которые порождались низкой оценкой уровня культурного развития воспитанников.

«Браки, – уверял опытный наставник, – иногда заключаются ими под влиянием мимолетных юношеских увлечений и побуждений и без достаточного сознания предстоящих обязанностей и условий семейной жизни. Известны случаи вступления в брак в обманчивой надежде найти в нем средство ослепеть и освободиться от нетрезвости»³¹.

Признавая студентов не вполне дееспособными гражданами, инспектор видел опасности на их пути к семейной жизни в виде коварных девиц.

«Невесты, – сообщал он начальству, – иногда выбираются студентами из круга далеко не равного и не соответствующего по происхождению и образованию. Нередко такие опрометчивые браки вызывают впоследствии семейные раздоры и сожаления. Официальное запрещение студентам жениться иногда оказывает им существенную услугу, делая тщетными неотвязчивые домогательства искательниц женихов»³².

В этом отношении запрет жениться представлялся в качестве заботы патерналистского правительства над своими неразумными детьми.

Но главное препятствие к тому, чтобы дать студентам полные гражданские права, Кочкин видел в том, что «новый круг семейных забот и обязанностей в соединении с необходи-

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 2об.

мостью больших материальных издержек на содержание семьи в случае недостаточной обеспеченности студента немало усложняет и затрудняет его жизнь, отнимая дорогое время и внимание от научных занятий и заставляя в погоне за добыванием средств работать с утра до ночи в ущерб физическим силам организма. По окончании университетского курса и по вступлении в военную службу, семья бывшего студента, нуждающегося в средствах содержания, некоторое время должна жить одна в довольно бедственном положении»³³.

Инспектор считал возможным разрешать браки только избранным студентам, удостоверившись в благонравии невесты, материальной состоятельности будущей семейной пары и получив согласие от родителей с обеих сторон. Для таких студентов брак даже полезен, уверял Кочкин. Он препятствует «незаконному сожителству, разрушающему физическое здоровье юношей», доставляет им душевное спокойствие и здравый взгляд на вещи³⁴.

В ответ на это послание министр сообщил, что мнение Казанского университета совпадает с прочими российскими учебными заведениями. В результате проведенного мониторинга было признано, что студенческий «брак влечет за собой несчастье» и потому должен быть решительно запрещен³⁵.

Личная жизнь по правилам и без

Конечно, законодательные акты, уставы, распоряжения и конфиденциальные предписания министра – мощные средства дисциплинирования студентов и регулирования социальной реальности в университете. Однако между намерениями субъектов власти и желаниями объектов их воздействия всегда есть дистанция, в которую укладываются сопротивительные действия и протестные высказывания, признанные в данный момент девиантными. Обнаружить их можно в протоколах про-

³³ Там же. Л. 2-2об.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 4.

фессорских советов, в публицистических изданиях и в эго-документах.

Что касается делопроизводства Московского университета, то до 1892 г. нам не удалось обнаружить свидетельств студенческих обращений за позволением жениться в профессорский совет. Выявленные нами документы, связанные с решением этой проблемы, охватывают период с 1892 по 1904 г. Алгоритм бюрократической процедуры был таков. Сначала студент отправлял личное прошение министру народного просвещения. Одобренный в Петербурге документ возвращался через попечителя в профессорский совет. Обычно текст резолюции министерского чиновника гласил:

«Г. министр народного просвещения предложением от 21-го сего апреля за № 7230 уведомил меня, что он со своей стороны не встречает препятствий к разрешению студентам Московского университета Константину Острейко и Михаилу Селиванову, согласно их прошениям, вступить в брак, если они от личного поведения. Уведомляя о сем Ваше Превосходительство для зависящих распоряжений, нужным считаю присовокупить, что свидетельства на вступление в брак должны быть выданы студентам Острейко и Селиванову по представлении ими письменных согласий родителей женихов и невест»³⁶.

Предоставив профессорам письменное заверение от своих и невесты родителей о согласии на венчание, студенты ждали окончательный приговор министра, который вновь рассматривал весь пакет документов и мнение университетского совета.

Из полученных на основе анализа делопроизводства цифр явствует, что процедура получения первичного согласия действовала только с 1892 по 1898 гг. За это время прошения подали 272 московских студента, из них 66 человек получили окончательное разрешение и женились. Это приблизительно 24% от всех желавших иметь семью университетских воспитанников. Вероятно, это были те, кто смог убедить полицейских и министерских чиновников в своей благонадежности.

³⁶ ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 307. Д. 980. Л. 2.

В студенческой массе Московского университета они составляли 1,56 %³⁷. В 1898 г. по данным инспектора казанских студентов из 856 студентов местного университета женатыми были 53 человека (около 6,2%). Из них 46 женились во время учебы, а семь были приняты в университет уже будучи семейными. Большинство женатых воспитанников на тот момент учились на старших курсах. Среди них 20 человек были достаточно обеспеченными со стороны родителей, остальные искали «средств к существованию»³⁸. Более высокий процент семейных людей в провинциальном университете может быть объяснен более слабой вовлеченностью казанских студентов в революционные организации.

При новом министре Н.П. Боголепове получать предварительное согласие уже не требовалось. Желаящий обрести семью студент отсылал в Петербург прошение, письменно выраженное согласие родителей и справку о политической благонадежности на себя и невесту. К этому комплекту ректор должен был добавить заполненный формуляр:

*«Студент Императорского Московского университета *ФИО* подал мне прошение о разрешении ему вступить в брак с *ФИО*. Вследствие сего и на основании предложения Господина управляющего министерством народного просвещения от 18 мая 1898 г., за № ***, имею честь предоставить таковое ходатайство на благоусмотрение Вашего Превосходительства, присовокупляя, что **ФИО студента* поведения [хорошего или очень хорошего] и что со стороны университета к удовлетворению его ходатайства препятствий не встречается. При сем прилагаются документы по описи [прошение студента, разрешение отца его, разрешение матери, разрешение*

³⁷ С 1892 по 1898 гг. в Московском университете в общей сложности учились 27564 студента (данные о 1892 г. из статьи: Терехов. 2005; данные за другие годы: ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 515. Д. 24.; Оп. 65. Д. 68; данные за 1896 и 1897 гг. по материалам Отчётов о состоянии и действиях Московского университета за 1896 и 1897 гг.; данные за 1898 г. по ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 515. Д. 51).

³⁸ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 9884. Л. 3.

отца невесты, разрешение матери, отзыв о благонадежности невесты]»³⁹.

С 1899 по 1904 год с разрешения министра в брак вступили 163 московских студента.

Статистика, которой располагал приват-доцент Московского университета М.А. Членов, была получена им в результате анкетирования в 1903 году 2150 студентов⁴⁰. Участникам переписи были заданы 207 вопросов, в том числе касавшихся частной жизни и способов удовлетворения полового влечения. По этим данным⁴¹, женатых студентов в Московском университете на тот момент было меньше 7%. При этом многие информанты сообщили, что хотели бы иметь семью. Отсутствие жены они объясняли не запретами властей или препятствием со стороны университетских профессоров, а собственной финансовой несостоятельностью (37,4 %) или тем, что еще «не представилось случая» (39,9 %). На основании этих свидетельств М.А. Членов заключил, что холостяцкие настроения в студенческой среде порождены «в значительной степени, как и в зрелом обществе, чисто экономическими моментами»⁴². Вряд ли в те годы выводы могли быть иными в официально опубликованном не для служебного пользования статистическом тексте.

Иную интерпретацию данной темы предоставляют нам данные периодической печати. В октябре 1887 г. в казанской газете «Волжский вестник» была опубликована большая по объему статья Е. Чирикова «Был ли он прав?» В ней сообщалось об обстоятельствах самоубийства казанского студента, застрелившегося «из-за любви». Узнав об этом однокурсники пригорюнились: «образ покойного товарища потускнел в нашем воображении, – сообщал начинающий журналист, – как-то расплылся и потерял свою прежнюю таинственную загадоч-

³⁹ ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 313. Д. 858. Л. 8.

⁴⁰ Членов, 1909: 28–75.

⁴¹ Там же. 54–55.

⁴² Там же. 92.

ность»⁴³. Причина сведения счетов с жизнью казалась всем такой мешанской и банальной. По этому поводу возбужденные случившимся студенты много спорили. «Общее мнение, – сообщал читателям Чириков, – состояло в том, что лишать себя жизни стоит только за идею, принципы и общественные интересы. Любовь, по общему признанию, относилась к мальчишеству», а сам факт самоубийства был проявлением безнравственности и подлости⁴⁴.

Только один сокурсник возражал товарищам и защищал покойного. Он поведал присутствующим типичную историю трагической любви студента. Влюбившийся в свою ученицу молодой человек забросил учебу, провалил экзамены, залез в долги, унижался перед друзьями, страдал от их насмешек и уколов. А между тем, легкомысленная девушка флиртовала с ним ради того, чтобы получить выгодное предложение о замужестве от другого претендента. В этом она преуспела и вышла замуж. Разбитый и разочарованный юноша ушел из жизни.

В статье, написанной студентом, изложены гендерные стереотипы, свойственные его социальной среде. Со слов осведомленного товарища, возлюбленная погибшего юноши была «бойкая, что называется сорвиголова, девушка, умная и эксцентричная, любившая иногда огорошивать своего собеседника неожиданною странностью, каким-нибудь оригинальным вопросом или до крайности откровенным ответом». Это новый тип женственности, появившийся в российском образованном обществе в результате увлечения романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?»

Интересно, что хотя покойный много рассказывал о возлюбленной своему соседу по комнате, он не упоминал ее внешности. «О ее наружности ничего не могу сказать», – признавался Паклин. И тут же добавлял: «Впрочем, это лишнее». Такие проговорки свидетельствуют об изменении мужского идеала любимой. В отличие от вполне осязаемой девушки с

⁴³ Чириков, 1887: 1

⁴⁴ Там же.

хорошеньким личиком, жившей в мечтах и песнях студентов 1840-1850-х гг.⁴⁵, объект поклонения и мечтаний студента 1880-х гг. – существо одухотворенное и практически бестелесное. Она живет в мыслях любящего ее юноши как товарищ и собеседник. «Они много говорили между собою, часто читали, сошлись и стали большими друзьями», – рассказывал Паклин.

В этом месте рассказчик остановился и спросил слушателя: «Господа! Здесь пока ведь нет с его стороны ничего глупого и безнравственного?» И сам себе он нетвердо ответил: «Я думаю, что нет...» Вероятно, такие сомнения порождены подозрением, что любовь к женщине никем из присутствующих на похоронах не рассматривается как норма. В этом с товарищами, пожалуй, солидарен и Паклин. Но в отличие от многих, он не считал земную любовь подлостью. Скорее, для него это было несчастьем, а точнее – болезнью. Проявления любви описываются рассказчиком как симптомы нервного заболевания: «он стал тосковать, сделался сердитым и до крайности раздражительным». Насмешки сокурсников сделали его изгоем, и он впал в депрессию, приведшую к суициду.

Таким образом, Паклин описал состояние влюбленного студента как путь к смерти. Она была запрограммирована с самого начала, так как любовь вообще связана с жертвой. Другое дело – чему и кому эта жертва приносится. Собравшиеся на похоронах студенты считали единственно достойной тратой жизни любовь к народу, этому абстрактному и глобальному существу. Жертва, принесенная на алтарь такой любви, благородна и даровала герою бессмертие. Такие настроения толкали многих студентов в политические организации и на проявления открытого неуважения к властям.

Впоследствии Е.Н. Чириков опубликовал воспоминания, в которых рассказал о своей студенческой молодости в Казани. Постоянные посиделки, разговоры о судьбах человечества, гитара, стихи, нелегальные брошюры.

⁴⁵ Вишленкова. 2007.

«А за ними, в тайниках души, радость от встречи глаз, от голоса, от нечаянных касаний: она тайно любимая тут же среди нас, и никто не подозревает, что мы любим друг друга и пойдем вместе на жертвенный подвиг»⁴⁶.

И тут же Чириков признавался:

«Так как самая любовь в революционном лагере считалась зловредной глупостью, то, конечно, я старательно прятал от людей этот тайный порок»⁴⁷.

Итак, данные студенческих опросов, а также описанная в провинциальной газете история фиксируют индифферентность студентов к явно дискриминационной матримониальной политике университетских властей, наполненной метаниями между признанием пользы или вреда от семейной жизни учащихся. Проведенное исследование показало, что, во-первых, на всех уровнях обсуждения данной темы (от министерского совета до студенческого собрания на похоронах) в качестве аргументов использовались гендерные стереотипы, наделявшие семью демоническими (реже – защитными) свойствами (это – либо обуза, разрушение, препятствие службе обществу, науке, государству; либо – меньшее зло в решении «полового вопроса»). В этом отношении многие (особенно революционно настроенные) студенты были солидарны с начальством.

И, во-вторых, изучение убедило нас в том, что профессора и министерские чиновники демонстрировали незнание студенческих настроений, культурных ценностей и потребностей, действовали исходя из иллюзорного представления о них. В начале XIX в. ограничения студентов в любых формах общения с женщинами объяснялись в университетах почти монашеским братством академиков и студiuозусов, совместно живущих в университетских корпусах. Тогдашние профессора говорили со студентами (и о них) в категориях семейных ценностей – отцов и сыновей. Но во второй половине XIX в. университет перестал рассматриваться его жителями как аналог

⁴⁶ Чириков. 1993: 307.

⁴⁷ Там же.

семьи. Студенты представляли себя либо прогрессивными исследователями, либо прогрессивными политиками, идущими впереди своих архаичных учителей. Между тем, власти продолжали вести себя с учащимися как с не вполне дееспособными, ограниченными в гражданских правах недорослями. Навязанная идентичность, а также непонимание и занижение другого вкупе с желанием иметь контроль над всеми сторонами жизни учащихся провоцировали принятие университетской администрацией неадекватных решений. Вероятно, такие решения не добавляли уважения к ним воспитанников и усиливали радикализацию их политических настроений.

*Фадеева Марина Владиславовна
магистрант факультета истории НИУ ВШЭ
marina.fadeeva.o@gmail.com, +7(906)7096107*

*Вишленкова Елена Анатольевна
д.и.н., проф., заместитель директора ИГИТИ НИУ ВШЭ
evishlenkova@mail.ru, +7(965)3453205*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5105 «Выписка из протокола заседания совета и отношение правления о правилах вступления в брак казенных студентов университета». 1868-1869.

НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5522 «Документы о разъяснении студентам по вопросу вступления в брак». 1870.

НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5439 «Переписка с попечителем Казанского учебного округа о предложении Харьковского университета об обязательном посещении студентами профессорских лекций». 1870-1872.

НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6675 «Препровождение попечителя Казанского учебного округа копии с предложения министерства народного просвещения о разрешении студентам вступать в брак в исключительных случаях». 1880.

НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6708 «Документы о запрещении студентам университета вступать в брак». 1880.

НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9884 «Дело по вопросу о том, дает ли опыт прежних лет достаточно оснований к строгому применению требования воспрещения студентам вступать в брак». 1898.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Поволжского) федерального университета. Ед.хр. 7294 «Астров Н. Студенчество юридического факультета императорского Казанского университета в религиозном, научном, политическом и общекультурном отношениях по анкете 1 ноября 1907 г.»

ЦХД до 1917 г. Ф. 46. Оп. 11. Д. 23. «Дело канцелярии московского обер-полицмейстера по отношению С. Петербургского обер-полицмейстера об учреждении надзора полиции за дворянином Иваном Пажен-де-Монсе, студентом Бутурлиным и отставн. колл. асесс. Висковатовым (обвиняемым в принадлежности к кружку Нечаева), привлекавшихся по делу кружка Нечаева». 1871.

ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 49. Д. 241 «О недозволении студентам вступать в брак и чтобы в число студентов не принимать лиц женатых». 1880.

ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 52. Д. 515 «О недозволении студентам вступать в брак». 1883.

ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 65. Д. 68. С доставлением статистических сведений об учащих и учащихся за 1895 год. 1895.

ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 307. Д. 980. «О разрешении студентам вступать в брак». 1893.

ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 313. Д. 858 «О разрешении студентам вступать в брак». 1899.

ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 515. Д. 24. Конduitный список. 1893-1894 уч. г. 1893

ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 515. Д. 51. Конduitный список. 1898-1899 уч. г.).

ЦХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17 Д. 1212 «Хамовнической части. Наряды секретные бумаги по наблюдению за разными лицами». 1891-1892.

ЦХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 19. Д. 141 «Секретно по охранному отделению 2 участка Тверской части, по розыску и сведения и справки по наблюдениями за разными лицами». 1901.

Вегер. 1936. — Мемуары «ректора бутырской академии». Воспоминания И.С. Вегера (отца) // Советское студенчество. М., 1936. № 4. С. 40–43; № 5. С. 68–70.

Елистратов. 1900. — *Елистратов А.* К вопросу о судьбе домов терпимости в г. Казани // Деятель. 1900, №11.

Иванов. 1903. — *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы: Очерки. М., 1903.

Курбский. 1912. — *Курбский В.* Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). М., 1912

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1832.

Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб., 1885.

Чириков. 1887. — *Чириков Е.* Был ли он прав? // Волжский вестник. 1887. 18 октября (№272).

Чириков. 1993. — *Чириков Е.Н.* На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний / Публ. А.В. Бобыря // Лица: биографический альманах. М.-СПб, 1993. С.281-418.

Членов. 1909. — *Членов М.А.* Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909.

ЛИТЕРАТУРА

Вишленкова. 2007. — *Вишленкова Е.А.* Норма и девиация в Казанском университете в первой половине XIX века // Гендер и общество в истории / Ред. Л.П.Репина и др. СПб, 2007. С. 496-518.

Иванов. 2010. — *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М., 2010.

Иванов. 2010. — *Иванов А.Е.* "Половой вопрос", брак, семья в бытовом сознании и поступках российских студентов (1880-е гг. - начало XX в.) // *Российская история.* 2010, № 6. С. 84-96.

Иванов. 1999. — *Иванов А.Е.* Студенчество в России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999.

Мальшева. 2014. — *Мальшева С.Ю.* «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 2014.

Могильнер. 1999. — *Могильнер М.Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Паперно. 1996. — *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.

Терехов. 2005. — *Терехов Е.Е.* Численность студентов Московского Университета, их сословный и национальный состав в 1890-1914 гг. // Вторые открытые исторические чтения "Молодая наука", (13 марта 2004 г.): Сборник статей. М, 2005. С. 138-144.

Friedman. 2005. — *Friedman R.* Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804-1863. L., Berkeley, 2005.

Morrissev. 1998. — *Morrissev S.K.* Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York: Oxford University Press, 1998.

СОКРАЩЕНИЯ

ЦХД до 1917 г. — ГБУ «ЦГА Москвы» ЦХД до 1917 года (бывший ЦИАМ)

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан

ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи

ГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

С.В. Крадецкая

ЖЕНСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТРУД В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕМИНИСТОК

Ключевые слова: женский труд, профессия, эмансипация, феминизм.

Аннотация: В статье анализируется проблема женского профессионального труда в пореформенной России и его восприятие лидерами и активистками феминистского движения в контексте процесса социальной модернизации.

В 1858 г. в одном из номеров журнала «Экономический указатель» появилась во многом оригинальная и неожиданная статья с провокационным для того времени названием «Женский труд». Позднее выяснился еще более провокационный факт: автором статьи, скрывавшимся под псевдонимом «М.В.», оказалась женщина¹. Практически впервые в русской истории женщина, не облеченная властью, решилась публично высказаться о проблемах, далеко выходящих за пределы сферы домашнего хозяйства, рукоделия и мод, традиционно ассоциировавшихся с женским трудом. Автор рассуждала о том, насколько важны для самой женщины образование и общественный труд, позволяющий реализовать полученные знания на практике. Если женщина стремится быть наравне с мужчиной самостоятельным и независимым человеком, то труд – это единственный путь к поставленной цели.

¹ Подробнее см. Юкина. 2007: 94–95.

«Mesdames, перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками <...> перестаньте стыдиться и презирать работу; пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что – только в одном труде – истинная свобода женщины!»² – писала М.В.

В 1850-х гг. подобные утверждения звучали радикально, если не сказать, революционно. Так, на рубеже 1850-х – 1860-х гг. в России возник еще один вопрос, встревоживший общественность – вопрос о женском труде. При этом разговор шел, прежде всего, о высококвалифицированном труде и профессиональной самореализации образованных женщин, что было обусловлено общим социокультурным контекстом пореформенного времени. Стремительные изменения, которые повлекли за собой реформы Александра II, в том числе бурно развивавшиеся процессы формирования новых социальных и профессиональных групп, заставили современников во многом переосмыслить сами понятия «труд» и «профессия»³.

В зависимости от принадлежности человека к той или иной группе для него существовали разные способы мыслить и говорить о профессии, настоящей или будущей. Такие понятия как «профессия», «профессиональная деятельность» наделялись разными смыслами. Особый интерес в данном отношении представляют социальные группы, представители которых ранее не допускались в сферу профессионального труда и все еще могли встречать препятствия на своем трудовом пути. Их размышления о профессиональном труде принципиально отличались от взгляда тех, кто имел право свободно трудиться.

Именно к таким группам могут быть отнесены те женщины, от лица которых говорила и к кому обращалась в своей статье М.В. Эти «новые женщины» стремились получать образование и работать наравне с мужчинами. С каждым днем их становилось все больше, что было связано, прежде всего, с

² М.В. 1858:167.

³ Балзер. 2003.

общеэкономической ситуацией, с возросшей необходимостью заработка для лиц женского пола. В то же время свою роль здесь сыграла и «ментальная трансформация»⁴, рост самосознания женщин, которые хотели получать образование и профессию, быть самостоятельными и независимыми.

Ни общество, ни государство не были готовы к столь быстрому выходу женщин из частной сферы дома и семьи, рамками которой раньше ограничивалась их жизнь и деятельность. «Новые женщины» выпадали из традиционного видения социального мира, не попадали ни под одну из его привычных категорий. Само выражение «женская работа», разумеется, появилось не в 1850-х – 60-х гг., но теперь его значение начало радикально изменяться, что не всегда адекватно воспринималось патриархально настроенной общественностью. Более привычным было использование этого термина применительно к домашней работе, примером чему может послужить один из многочисленных журналов для женщин, который начал выходить в Санкт-Петербурге в 1872 г. Этот журнал имел характерное для традиционного взгляда на женский труд название – «Женские работы», и не менее показательное содержание, которое ограничивалось вопросами, связанными с семьей и домашними бытом.

В редакторской статье, открывавшей первый номер журнала, утверждалось, что «из программы издания «Женских работ» публика может видеть, что оно имеет задачей доставить действительную пользу *семействам* (курсив мой – С.К.)»⁵. Все номера за 1872 г. состояли из выкроек для самостоятельного изготовления предметов одежды (женской, мужской и, разумеется, детской) и домашнего рукоделия («узор на салфетку для сухарницы»). Позднее, вполне в духе патриархального дискурса, редакция журнала пришла к выводу, что «уменье хозяйничать – качество немаловажное (для

⁴ Пиетров-Эннкер. 2005: 201.

⁵ Женские работы. 1872: без страниц.

женщины – С.К.)»⁶, и к выкройкам добавились советы по ведению домашнего хозяйства.

Таким образом, 14 лет спустя после публикации знаковой статьи в «Экономическом указателе» единственно законной сферой приложения женского труда все еще считались дом и семья, а положение «новых женщин» не претерпело значительных изменений. Они по-прежнему испытывали двойное давление: во-первых, со стороны мужчин и в целом общества, придерживавшихся традиционных гендерных моделей поведения (в духе журнала «Женские работы») и, во-вторых, со стороны государства, которое пыталось вписать этих женщин в патриархальную социальную реальность.

Традиционно перед женщиной, желавшей работать в дореволюционной России, были открыты двери лишь непрофессионального, низкоквалифицированного и, соответственно, низкооплачиваемого труда (прислуга, фабричное производство и т.н. «ремесла»). Возможности же профессиональной самореализации для интеллигентных, образованных женщин были крайне скудны и часто зависели от субъективных факторов. Профессиональные корпорации редко принимали женщин в свой состав. В результате женщины оказывались практически на нелегальном положении, зависимые и от настроений власти, и от благорасположения коллег и начальства. Тем не менее, во второй половине XIX – начале XX вв. женщинам удалось завоевать некоторые отрасли профессионального труда. Речь идет, прежде всего, о педагогическом поприще, где женщины иногда достигали профессиональных успехов в качестве учительниц, и о врачебном деле.

И государство, и общество относились достаточно лояльно к женщинам, работающим в этих областях. Вероятно, в этом случае потребности в профессиональных работниках и взгляды государства на женщину в целом не противоречили друг другу, до известного момента. Как отмечает Б. Пиетров-Эннкер, «представление о женщине, лежавшее в основе вы-

⁶ Женские работы. 1873:1.

движения женских учительских кадров, исходило из природной, свойственной женщине способности к воспитательной деятельности»⁷. То же можно сказать и о способностях женщин лечить. Однако к попыткам женщин выйти за рамки этих стереотипных представлений и общество, и государство отнеслись отрицательно.

Также относительно спокойно реагировала общественность на женщин, занимающихся творческими профессиями, в т.ч. публицистикой. Связано это было с тем, что профессия писательницы или журналистки не предполагала постоянной занятости и, в теории, не сильно угрожала семейному очагу. Постепенно женщины начали работать в качестве служащих в частных конторах и предприятиях, в конце 1860-х гг. их стали допускать и на государственную службу (первоначально в качестве телеграфисток). Однако в этой сфере женщины занимали низшие должности, их труд оплачивался ниже, чем труд их коллег-мужчин, и они не имели прав ни на какие служебные привилегии. В целом эта ситуация с незначительными изменениями сохранялась и в начале XX в.

Однако, несмотря на относительно спокойную реакцию общественности на некоторые сферы профессионального женского труда, и здесь женщины занимали крайне неустойчивое и спорное положение, которое часто зависело от субъективных факторов. Это сказывалось, например, в широко распространенной практике ограничений личной жизни, что особенно активно применялось к учительницам. Хотя формально вопрос об увольнении замужних учительниц решался «для каждого случая отдельно»⁸, в соответствии с циркуляром Министерства Народного Просвещения от 28 августа 1880 г., на практике во многих учебных округах широко практиковалась подобная мера. К примеру, в 1897 г. Петербургская городская Дума запретила городским учительницам выходить замуж. Этот запрет был отменен только в 1913 году. Харак-

⁷ Пиетров-Эннкер. 2005: 227.

⁸ Зубков. 2010: 265.

терно также и то, что сам вопрос о возможности увольнения по причине замужества был поставлен только в отношении учительниц, но не учителей.

Фактический запрет на замужество существовал и для служащих телеграфных и телефонных станций. Считалось, что замужняя женщина может открыть «телеграфную» или «телефонную» тайну своему мужу, поскольку ее жизнь в замужестве подчинялась другим – семейным – законам, в соответствии с которыми жена обязана была беспрекословно повиноваться мужу.

Однако помимо широко распространенного представления о близости некоторых профессиональных занятий к «женской природе» существовали и другие причины, по которым женщин охотно принимали в учительницы с полного одобрения благосклонной общественности (исследователи даже отмечают «феминизацию» женских учительских кадров в пореформенной России⁹). Наибольшее количество женщин преподавало в земских, народных школах, считавшихся низшей ступенью в образовательной системе дореволюционной России. Жалованье в этих школах было низким и у учителей-мужчин, а их коллеги женского пола зарабатывали еще меньше. Условия повседневной жизни сельских учителей и условия преподавания в школах низшей ступени были очень тяжелыми. Поэтому в обществе утвердился взгляд на них, как на «подвижников». Считалось, что для преподавания в земской школе требуется «некоторое идеальное настроение»¹⁰.

Разумеется, далеко не все мужчины, при наличии выбора, согласны были на такую тяжелую работу. Для женщин же это часто был единственный шанс получить самостоятельный заработок. Именно поэтому так много было учительниц в земских школах, при этом уровень их образования часто не уступал мужскому, и даже превосходил его, однако, устроиться они могли только на эту низкооплачиваемую работу.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Зубков. 2010:118.

Интересно, что и общество, и государство практически одинаково оценивали «подвижничество» русских женщин на nive народного образования. Прежде всего, отмечалась практическая выгода для земских школ, происходившая от безвыходного положения женщин. В работе И.В. Зубкова приводятся две интересные цитаты, одна – мнение известного педагога и общественного деятеля Н.Ф. Бунакова об учительницах земских школ, другая – выдержка из официального циркуляра министра народного просвещения И.Д. Делянова (возглавлял министерство в 1882 – 1897 гг.). Оба солидарны в том, что низкие профессиональные запросы образованных интеллигентных женщин благотворно сказываются на народном образовании. При этом о тех условиях, в которые попадала земская учительница и о причинах их упоминается как об объективном факте, бороться с которым нет необходимости¹¹.

И общественность в лице Бунакова, и государство в лице Делянова констатировали, что работа сельским учителем в российских условиях очень тяжелая и неблагодарная, и потому женщины являются лучшими кадрами для замещения этой должности. Им некуда больше идти, и они вынуждены соглашаться работать учительницами в земских школах, тогда как мужчины-учителя могут и сбежать из них в поисках лучшей жизни. Сами учительницы оценивали подобное отношение к себе весьма скептически:

«Она отдает лучшие свои силы на служение народу, а выходит, как будто ей оказывают бесконечное снисхождение, позволяя служить за гроши и не предоставляя в будущем ничего»¹².

Таким образом, работающая женщина не была застрахована ни от внезапного увольнения, ни от ограничений своей личной жизни, ни от оскорблений, сексуальных домогательств или насилия со стороны своих коллег-мужчин или начальства. Также не существовало никакой гарантии, что, получив работу, она сможет действительно реализовать свои

¹¹ Зубков. 2010:118–120.

¹² Женский труд. 1905: 181.

профессиональные знания на практике. Даже женщины-врачи, представительницы одной из немногих профессий, одобренных обществом и государством, находились в неопределенном положении. Известно, что в 1912 г., во время Первой Балканской войны, Славянское благотворительное общество решило не принимать женщин в специальные санитарные отряды, посылаемые на фронт¹³.

Несмотря на то, что женщинами осваивалось все большее количество профессий, трудящаяся интеллигентная женщина и в начале XX в. оставалась непонятной «новинкой» для русского общества и государства. Ее право на труд по-прежнему оспаривалось, причины, толкавшие женщин на поиски работы, не принимались всерьез и многие все еще говорили, что это «блажь», модное увлечение буржуазных женщин. Существовали даже общепризнанные, зафиксированные в учебниках по политэкономии, объяснения низкой зарплаты женщин, выводимые из законов экономического развития:

«Труд женщины, одинаковый с трудом мужчины, оплачивается дешевле именно потому, что в плате последнему содержится и доля на содержание семьи, чего нет в плате первой»¹⁴.

Будучи угнетенной группой, испытывая двойное давление, «новые женщины» естественно стремились отстаивать свои интересы, защитить свое право на новую жизнь и на труд. При этом им было трудно найти общественных защитников своих профессиональных интересов. Традиционно в либеральном, консервативном и радикальном дискурсах «работницами» называли только «пролетарку», т.е. женщину, занятую в фабричном производстве. Иногда «трудовым элементом» считали и прислугу. Другими словами, единственными законными сферами приложения женского труда считались фабрика или наемный труд домашней прислуги. Различными специалистами и общественными деятелями изучались условия их труда, описывались различные опасности, угрожавшие

¹³ Иванова. 1912.

¹⁴ Исаев. 1894: 220.

женщинам в этих сферах. К примеру, одной из самых серьезных угроз для женщин, трудящихся в указанных сферах, считалась опасность вовлечения в проституцию¹⁵. В реальности же сексуальная угроза на рабочем месте существовала и для интеллигентных женщин, но на это общественность редко обращала внимание.

Как уже было сказано, женщины «интеллигентных» профессий продолжали рассматриваться как некая случайность, необходимость момента. Они автоматически попадали в категорию «буржуазных» женщин, работающих по прихоти, а не по суровой необходимости, и фактически сидящих на горбу «пролетарок». В результате этим женщинам самим приходилось защищать свое право на труд и профессию. В основном, непростую задачу защиты женских трудовых прав брали на себя активистки феминистского движения. Поскольку практически все участницы движения были обладательницами т.н. «интеллигентных» профессий, доступных женщинам в то время (врачи, учительницы), они на собственном опыте чувствовали гендерные предрассудки по отношению к интеллигентной работающей женщине. Часто именно этот негативный жизненный опыт и приводил их в феминистское движение. Как часть дискриминируемой группы, феминистски наиболее остро реагировали на происходящее и не боялись публично выражать свои мысли и опасения относительно положения «новых женщин».

Одним из наиболее ярких примеров здесь может служить история «жизни и борьбы» одной из предводительниц феминистского движения, основательницы и председательницы Женской прогрессивной партии, редактора-издательницы журнала «Женский Вестник» М.И. Покровской. Ее называют «одной из ярчайших фигур российского феминизма», его «интеллектуальным лидером»¹⁶. Она была одной из первых женщин, окончивших Женские врачебные курсы в Санкт-

¹⁵ Елистратов. 1907.

¹⁶ Юкина. 2007: 304.

Петербурге. Полученная профессия сыграла решающую роль в ее жизни, что неоднократно подчеркивала сама Покровская. Во многих ее произведениях фамилия автора предшествует важная, с точки зрения самоидентификации, категория «женщина-врач». Подчеркивая свою профессиональную принадлежность, Покровская утверждала свое право говорить о самом широком круге проблем с универсальной, равной мужской и общественной признанной позиции профессионала.

Уже в первые годы своей профессиональной деятельности Покровская на собственном опыте почувствовала гендерные предрассудки по отношению к женщине вообще и к интеллигентной работающей женщине, в частности. Впоследствии именно с этими гендерными предрассудками она боролась уже как лидер феминистской организации. Однако, несмотря на все трудности, свою врачебную деятельность Покровская не оставила. Уже в то время, еще до ее вхождения в актив женского движения, Покровская не хотела и не могла «помириться с мыслью, что женщины в умственном отношении стоят ниже мужчины и не способны изучать науки так, как последние»¹⁷. Еще до открытия для себя феминизма она дорожила своим самоуважением:

«Я была не беспомощный инвалид и у меня было образование. ... Если я дурно исполнила свое дело, укажи мне на это, требуй от меня лучшего или прямо скажи, что не нужна. Но не третируй меня, как лакея, не унижай во мне человеческого достоинства. Я, как человек, равна своему начальству, и унижений от него терпеть не согласна, не могу»¹⁸.

Показательно, что, будучи практикующим врачом, Покровская рассматривала себя как представительницу всех женщин-врачей и чувствовала ответственность, возложенную на нее ее положением и профессией:

«Я не только была врачом, но и пионером женщин на новой дороге. Я не только должна была приносить пользу населению, но и

¹⁷ Покровская. 1903: 6.

¹⁸ Там же. 66–67.

доказывать обществу, что женщины могут быть на практике не худшими врачами, нежели мужчины»¹⁹.

Точно описанное Покровской положение интеллигентной женщины было следствием разрушения в российском обществе «традиционных форм женской социализации»²⁰. Женщины получали высшее образование, профессию, даже имели некоторые права на труд, на профессиональную самореализацию, однако при этом они были отчуждены и от профессиональных сообществ, и от общества в целом. Женщины были лишены жизненных ориентиров и, при всем желании, им было трудно идентифицировать себя с каким-либо социальным образованием, какой-либо организацией. В этой ситуации Покровская и другие активистки движения совершенно естественно пришли к выводу о необходимости эти ориентиры сформировать, чтобы в той или иной степени направить и урегулировать жизнь интеллигентных женщин в целом и их положение в профессии в частности.

Неопределенное, отчужденное и угнетенное положение женщины-профессионала было некомфортным, прежде всего, с психо-эмоциональной точки зрения. Поэтому одну из своих главных задач феминистки видели в создании для работающих женщин своеобразного социального пространства, в котором женщины чувствовали бы себя свободными от общественного давления и предрассудков. Активистки движения взяли на себя задачу помочь работающим женщинам сориентироваться в стремительно меняющемся мире, предложить им новые модели поведения. И самое главное – новое отношение к труду.

Это стремление нашло свое отражение на страницах феминистской периодической печати, журналов «Женский Вестник» (Санкт-Петербург, 1904 – 1917 гг.) и «Союз Женщин» (Санкт-Петербург, 1907 – 1909 гг.). Тема труда занимала одно из центральных мест в дискурсе обоих журналов. Ре-

¹⁹ Там же. 6.

²⁰ Юкина. 2007: 300.

дакции изучали условия труда интеллигентных женщин, проблемы, с которыми эти женщины сталкивались или могли столкнуться, что само по себе было крайне важным, т.к. способствовало утверждению нового взгляда на работающих женщин.

Прежде всего, феминистки выступали против распространенного взгляда на женский профессиональный труд как на простую, ненавязчивую деятельность с целью скоротать время до замужества. Выше уже говорилось о том, какие экономические доводы приводили противники этого труда в пользу низкой заработной платы женщин. Активистки феминистского движения писали по этому поводу следующее:

«В оправдание своих преимуществ мужчины говорят, будто бы большинство служащих женщин обеспечено квартирой и полным содержанием от своих родных, а служат будто бы только из прихоти. Этим они, видите ли, лишают «хлеба» «кормильцев-мужчин», содержащих своих престарелых родителей. <...> Только подумать о страданиях бедных мужчин, которых так притесняют женщины, что даже отнимают у них кое-где низшие места! И подумайте еще какова дерзость: мы, женщины, осмеливаемся утверждать, что угнетенные – это мы; <...> что не прихоть, а нужда в куске хлеба заставляет нас искать тяжело достигающейся службы, за которую нам дают жалкие, грошовые оклады»²¹.

Не менее важным было снятие противопоставления женского интеллигентного и неинтеллигентного труда, для чего феминистки исследовали условия работы всех женщин без исключения, полагая, что «исследование условий труда современной женщины в высшей степени важно»²². Неприятие активистками движения подобного разделения работающих женщин на две категории было вполне естественно, если вспомнить, что большинство из них подобно Покровской были заняты как раз в «интеллигентных» профессиях. Феминистки писали и о работницах на фабриках, и о домашней

²¹ Женщина. 1907: 47.

²² Покровская. 1913а: 155.

прислуге, и о женщинах-врачах, и об учительницах, и о женщинах, занятых на государственной службе. В журнале «Женский Вестник» даже существовала специальная рубрика «Женский труд в России», в которой публиковались статьи, посвященные различным профессиям.

Редакция журнала отмечала, что, несмотря на распространность женского труда в России, «его условия совершенно не выяснены. Между тем это необходимо для улучшения положения женщин и для борьбы за их равноправие»²³. Соответственно, журнал поставил себе задачу по возможности осветить все сферы труда, в которых были заняты женщины. Редакция наметила и примерную программу исследования:

«Желательно получить сведения об учреждениях правительственных, общественных и частных, в которых служат и работают женщины, обозначить число работающих в них, занимаемые ими должности, минимум, максимум и средний размер их вознаграждения, их права на государственную службу и пенсию, отношение к ним начальства и товарищей – мужчин и другие условия их труда. Желательно также выяснить, как широко развита половая эксплуатация работниц и служащих женщин в данной местности»²⁴.

Сама Покровская написала несколько статей в этой рубрике, в том числе, о труде фабричных работниц и ремесленниц²⁵.

В рассуждениях феминисток о женском труде можно выделить два главных вопроса. Первый – это улучшение условий труда в тех отраслях, доступ к которым женщинам был открыт. Несмотря на распространение женского труда, ни общество, ни государство, ни, за редкими исключениями, профессиональные сообщества не принимали работающих женщин. Женщины везде занимали низшие и плохо оплачиваемые должности, практически не имея надежд на карьерный рост, и подвергались постоянной критике. Т.е. «открытость» определенных профессий носила весьма условный характер.

²³ Женский труд. 1913: 183.

²⁴ Там же.

²⁵ Покровская. 1913а.; Покровская 1913б.

«Никакие двери для женского труда никогда и нигде не были широко раскрыты», напротив, всегда и всюду «господа мужчины» старались всеми правдами затормозить всякий труд и всякую службу для женщин»²⁶, – писали феминистки.

Особенно интересовали феминисток условия труда в сферах, которые были наиболее «доступны» для женщин. Рассуждая о гендерной стратификации учительской профессии, российские феминистки, в отличие от других представителей общественности и государства, писали не только об идеализме учительниц и о том, как можно использовать этот идеализм на благо общества и в ущерб женщинам, но также и о негативных сторонах данной профессии для женщин. Они акцентировали внимание именно на гендерной дискриминации учительниц, на всей несправедливости их положения. Суммируя все негативные черты учительской профессии, феминистки писали, что «для учительницы равенство означает уничтожение ее вечно подчиненного положения, право на одинаковое вознаграждение с мужчинами, на занятие всех тех мест, какие занимают последние; отмена таких ограничений, как обязательное безбрачие»²⁷. Авторы феминистских журналов неоднократно обращали внимание и на необоснованные увольнения женщин²⁸, и на сексуальные домогательства или насилие со стороны коллег-мужчин или начальства²⁹.

Публиковались и письма работающих женщин, в которых они рассказывали о трудностях, встречавшихся на их профессиональном пути. Часто подобные письма читательниц ярче всего иллюстрировали сомнительное положение образованной женщины на рынке труда пореформенной России. В одном из номеров «Женского Вестника» описывается случай, произошедший со знакомыми корреспондентки. Двум тридцатилетним женщинам отказали в приеме на службу в почто-

²⁶ Женщина. 1907: 46.

²⁷ Покровская. 1906: 100.

²⁸ Женщины на службе. 1908.

²⁹ Известия и факты. 1905.

вое ведомство, мотивировав отказ тем, что обе кандидатки были «старыми» и «некрасивыми».

«Разве нельзя быть полезной и дельной служащей, будучи даже невзрачной, некрасивой и, главное, тридцатилетней? – спрашивает автор статьи. – Бедные женщины! Сколько достоинств им нужно иметь, чтобы получить даже самое жалкое место в почтамте. Что же делать всем этим «невзрачным», «некрасивым» и старым с тридцатилетнего возраста?»³⁰.

Способов решения обозначенных проблем было два. Феминистки были уверены, что первым необходимым шагом для улучшения условий работы было объединение работающих женщин по профессиям в общества, артели, союзы для защиты своих трудовых прав. В качестве примера подобного объединения приводилась Первая Петербургская артель кассирш, бухгалтерш, продавщиц и конторщиц, образованная в 1899 г. Она была создана «с целью объединения и правильной организации службы женщин ... и для предоставления нанимателям наибольших гарантий в отношении этой службы»³¹. О необходимости объединения женщин, работающих в одном учреждении, писала и одна из подписчиц «Женского Вестника». Она отмечала, что это могло бы помочь «интеллигентным» и «неинтеллигентным» работницам противостоять мужской критике.

«Часто приходится слушать дерзости, насмешки, но все это бледнеет по сравнению с тем, что между женщинами нет солидарности, постоять за себя они не умеют и не хотят»³².

Следующим же шагом было завоевание избирательных прав для женщин и их активная работа по обеспечению законодательной защиты работающей женщины.

Второй вопрос, волновавший феминисток в связи с женским трудом – это проблема расширения сферы его применения за счет освоения новых профессий. В связи с этим одной

³⁰ Петрова. 1908: 118.

³¹ Первая Петербургская женская артель. 1905: 6.

³² Условия женского труда. 1913: 251.

из самых популярных в феминистском дискурсе тем стало требование допуска женщин к адвокатской практике и, в целом, к работе в суде (в качестве присяжных заседателей, судей и т.д.).

С одной стороны, допуск к профессии адвоката, являвшейся одной из самых публичных, означал бы для женщин признание их права на публичную деятельность как таковую. Это был бы их пропуск в общественную сферу.

«Речь адвоката, – писала один из авторов «Союза Женщин», – становится первенствующим политическим фактором»³³.

С другой стороны, участие в деятельности суда (не только в качестве адвокатов), позволило бы женщинам корректировать одностороннее «мужское судопроизводство». Правосудие в России, по убеждению феминисток, носило исключительно мужской характер и несправедливо относилось как к женщинам, которым не прощалось ничего, так и к мужчинам, которым извинялось слишком многое.

«Женщины-адвокаты, судьи, присяжные заседатели окажут благотворное влияние на правосудие. Судьи тогда будут правильнее смотреть на мужские и женские преступления»³⁴.

Почти полвека спустя после выхода в свет статьи М.В. «Женский труд» проблема профессионального, т.е., требующего специального образования и подготовки и потенциально повышающего социальный статус человека, труда женщин все еще оставалась актуальной. Несмотря на условную «открытость» ряда профессий, женщинам по-прежнему приходилось испытывать многочисленные трудности при поиске и приеме на работу. Непосредственный процесс исполнения своих профессиональных обязанностей также был нелегким, как с практической, так и с психо-эмоциональной точек зрения.

Тем не менее, идея о труде как о необходимом условии эмансипации женщины не исчезала из публичного дискурса,

³³ Абкович. 1908: 16.

³⁴ Мужской суд. 1914: 22.

прежде всего, благодаря усилиям лидеров и активисток феминистского движения. В их статьях, посвященных труду, было сформулировано и предложено читательской аудитории представление о профессиональном труде как о необходимом условии освобождения женщины. С одной стороны, феминистки старались помочь самим женщинам в процессе усвоения ими самоидентификации профессионалок. С другой стороны, своей активной публикационной деятельностью они стремились изменить отношение общества к работающим интеллигентным женщинам, доказывая, что право на полноценный труд было гарантией освобождения не только женщины. Это было необходимым условием для коренного переустройства всего российского общества на новых – равноправных – началах.

*Сусанна Вячеславовна Крадецкая,
к.и.н., ст. преп. кафедры "История и политология"
Московского государственного
машиностроительного университета.
8-916-341-38-97
susanna.mosca@gmail.com*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Абкович. 1908. – *Абкович К.* Женщина и адвокатура // Союз Женщин. 1908. №9.

Елистратов. 1907. – *Елистратов А.* Бедность и проституция // Союз Женщин. 1907. №3

Женские работы. 1872. – Женские работы. 1872. №1.

Женские работы. 1873. – Женские работы. 1873. №1.

Женский труд. 1905. – Женский труд // Женский Вестник. 1905. №6.

Женский труд. 1913. – Женский труд // Женский Вестник. 1913. №9.

Женщина. 1907. – Женщина. Женщины на службе // Женский Вестник. 1907. №2. С.47.

Женщины на службе. 1908. – Женщины на службе // Женский Вестник. 1908. №2.

Иванова. 1912. – *Иванова.* Равноправны-ли женщины-врачи? // Женский Вестник. 1912. №11.

Известия и факты. 1905. – Известия и факты, касающиеся женщин // Женский Вестник. 1905. №7.

Исаев. 1894. – *Исаев А.А.* Начала политической экономии. СПб., 1894.

М.В. 1858. – *М.В.* Женский труд // Экономический указатель. 1858. №8.

Мужской суд. 1914. – Мужской суд // Женский Вестник. 1914. №1.

Первая Петербургская женская артелью 1905. – Первая Петербургская женская артель // Женский Вестник. 1905. №1.

Петрова. 1908. – *Петрова.* Женская служба и наружность // Женский Вестник. 1908. №4.

Покровская. 1903. – *Покровская М.И.* Как я была городским врачом для бедных. СПб., 1903.

Покровская. 1906. – *Покровская М.И.* Равенство // Женский Вестник. 1906. №4.

Покровская. 1913а. – *Покровская М.И.* Фабрично-заводская работница // Женский Вестник. 1913. №7-8 – 10.

Покровская. 1913b. – *Покровская М.И.* Ремесленницы // Женский Вестник. 1913. №11.

Условия женского труда. 1913. – Условия женского труда в провинции // Женский Вестник. 1913. №11.

ЛИТЕРАТУРА

Балзер. 2003. – *Балзер Х.Д.* Интеллигентные профессии и интеллигенты-профессионалы // Из истории русской интеллигенции. СПб., 2003.

Зубков. 2010. – *Зубков И.В.* Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870 – 1916. М., 2010.

Пиетров-Эннкер. 2005. – *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.

Юкина. 2007. – *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

А.Ю.Прокопов.

БРИТАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ И ИХ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: суфражистки, Первая Мировая война, женское движение, лейбористы, тред-юнионы.

Аннотация: В статье рассматривается деятельность женских организаций в Великобритании в годы Первой Мировой войны, изменение структуры занятости женщин, их вовлечение в политические и общественные организации и профсоюзное движение.

Тотальный характер глобального военного конфликта начала XX века потребовал от главных стран-участниц, в том числе и от Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, не только создание массовых армий, привлечения огромных материальных и финансовых средств, но и мобилизации всех трудовых ресурсов, включая и женщин.

Рассмотрение проблемы «женщина и война» на примере Великобритании позволяет не только оценить вклад британок в достижение Соединенным Королевством победы, показать отношение к войне различных женских объединений, но и лучше понять, как менялось положение жительниц страны в 1914-1918 гг., представить значение этой войны в деле социального раскрепощения женщин. Исследование данных вопросов в свою очередь расширяет наше представление о таких более общих проблемах, как эмансипация масс начала XX столетия и становление в послевоенные годы массовой демократии в Британии.

Накануне 1914 г. из 45,6 млн. населения Великобритании женщин насчитывалось 23,4 млн., и они составляли 51,5% всех граждан¹. 5,9 млн. британок были заняты наемной работой, представляя около 35% рабочей силы страны². Большинство из

¹ Statistical Abstract. 1933: 4.

² Butler. 2000: 384

них были неквалифицированными и полуквалифицированными рабочими, многие трудились на текстильном и швейном производстве, в торговле, а также входили в число домашней прислуги. Заработок работницы до войны в среднем был в два раза ниже, чем у мужчин³. Жительницы Соединенного Королевства были ограничены в политических правах, они не имели возможности участвовать в выборах в парламент и избираться в высший законодательный орган страны⁴.

Великобританию вступила в войну 4 августа 1914 г., и первые месяцы были отмечены всплеском ура-патриотических настроений, которые затронули все британское общество. Ведущие политические партии (Либеральная, Консервативная и Лейбористская) поддержали правительство, возглавляемое либералом Гербертом Асквитом, в его стремлении военными средствами противостоять Германии и ее союзникам. Лидеры влиятельного объединения профсоюзов – Британского конгресса тред-юнионов – также были готовы оказать всемерную помощь государству.

Одной из особенностей общественной жизни Великобритании в предвоенные годы была активная деятельность суфражистских организаций, среди которых выделялись Женский социально-политический союз, основанный Эммелин Панкхерст, и Национальный союз обществ женского избирательного права, во главе которого находилась Милисент Фосетт. Эти союзы, объединявшие десятки тысяч членов, вели активную агитацию, добиваясь равноправия женщин и мужчин в британском обществе, и отстаивали право британок участвовать в формировании парламента.

После начала войны руководители названных суфражистских организаций объявили о приостановке борьбы за равноправие британок и призвали своих сторонниц направить все усилия для помощи стране в деле ведения войны. Э. Панкхерст

³ Bourne. 1991: 197.

⁴ Правом голоса в Британии накануне Первой мировой войны обладали около 60% мужчин старше 21 года.

выступала на митингах, агитируя британцев записываться в армию⁵, вместе с другими суфражистками добивалась для женщин возможности работать на военных предприятиях и тем самым помогать армии⁶. Представители Национального союза обществ женского избирательного права оказывали финансовую помощь военным госпиталям в Британии и за ее пределами⁷. Один из них был организован во Франции, девять лазаретов и амбулаторий к 1916 г. открылись в России, туда же направлялись женщины-врачи и медицинские сестры. Как утверждала М. Фосетт, основанное ею объединение находилось в России под покровительством «ее императорского высочества государыни Александры Федоровны»⁸.

Большинство населения Великобритании и многие общественные организации откликнулись на призыв правительства оказать помощь государству в военное время. Однако в стране с глубокими демократическими традициями, развитым гражданским обществом (в котором свобода слова на протяжении столетий являлась одной из основополагающих ценностей) даже в годы войны можно было высказывать взгляды, отличные от официальной точки зрения. Некоторые женские объединения Соединенного Королевства в 1914-1918 гг. заняли антивоенную позицию и не прекратили борьбу за права британок. Дочь Э. Панкхерст, Сильвия, еще весной 1914 г. основала Федерацию суфражисток восточного Лондона, в феврале 1916 г. переименованную в Рабочую суфражистскую федерацию (РСФ)⁹. Печатным органом РСФ стала газета «Вименз Дредноут»¹⁰. После 4 августа 1914 г. Федерация Сильвии Панкхерст

⁵ Pankherst. 1936: 152-153.

⁶ Подробнее об этом см. ниже.

⁷ Следует отметить, что небольшая часть активисток Национального союза обществ женского избирательного права не поддержала политику руководства союза и выступала против войны.

⁸ *Fausset M.* 1916: 332-333.

⁹ *Herald*, March 4, 1916. Руководимая Сильвией Панкхерст организация одно время носила название Рабочая социалистическая федерация.

¹⁰ В 1917 г. газета была переименована в «Воркерз Дредноут».

выступила против участия Британии в глобальном военном конфликте, а также продолжила агитацию за предоставления женщинам равных с мужчинами политических прав.

В ходе работы одной из конференции Рабочей суфражистской федерации ее делегаты утверждали, что война ведется в интересах капиталистов, противоречит интересам рабочих всего мира, личной свободе людей и благополучию всего человечества. Представители РСФ высказались за роспуск армий и уничтожение военно-морских флотов, призвали правительство незамедлительно начать мирные переговоры и заключить мир без аннексий и контрибуций¹¹. Активисты Рабочей суфражистской федерации выступали с требованием к ближайшим всеобщим выборам предоставить всем совершеннолетним гражданам страны возможность участвовать в голосовании. Кроме этого, в условиях все более обострявшейся в конце войны проблемы обеспечения населения продуктами питания члены РСФ считали, что правительство должно контролировать распределение продовольствия¹².

Еще одна организация, Объединенные суфражистки (ОС), так же, как и РСФ, не прекращала в 1914-1918 гг. борьбу за политические права женщин, но, в отличие от РСФ, не вела антивоенной пропаганды. Объединенные суфражистки были основаны Эммелин и Фредериком Петик-Лоуренс в начале 1914 г. Отделения ОС открылись в Лондоне, Манчестере, Ливерпуле, Болтоне, Портсмуте и некоторых других городах¹³. Это объединение выпускало ежемесячный журнал «Воутс фор Вимен», который в годы войны получило подзаголовок «Военная газета для женщин». Ее редактировала Эвелин Шарп, до этого принимавшая участие в деятельности союза Эммелин Панкхерст. В центре внимания данного издания были проблемы экономического и социального положения женщин, описывались успе-

¹¹ The Woman's Dreadnought, June 2, 1917: 768.

¹² Ibid. Nov. 4, 1916: 588.

¹³ Votes for Women. 1916. May: 166, June: 174. July: 179, 182. Aug: 190.

хи работниц в сельском хозяйстве, на заводах, выпускавших вооружение, но одновременно отмечалось отсутствие женщин в управляющих органах гражданских служб, а также низкая оплата женского труда¹⁴. На страницах журнала поднимались вопросы, связанные с политическими правами британок, выдвигалось предложение предоставить женщинам возможность участвовать в выборах в Палату общин¹⁵.

В 1916 г. власти посчитали необходимым начать рассмотрение возможности наделить военнослужащих правом голоса в ходе будущих всеобщих выборов. Дискуссия вокруг предполагаемого расширения электората способствовала активизации сторонников предоставления избирательных полномочий и жительницам страны, многие из которых заменили мужчин на производстве (о чем подробнее пойдет речь ниже). Эвелин Шарп была среди тех общественных деятелей (лейбористов и сторонников женского равноправия), кто подписал письмо Суфражисткой делегации, адресованное премьер-министру Г. Асквиту. В этом послании, переданном главе исполнительной власти 15 июня 1916 г., говорилось, что в условиях подготовки правительством нового списка избирателей необходимо в него включить и женщин¹⁶. Организация Эммелин и Фредерика Петтик-Лоуренс провела ряд митингов в различных городах станы в поддержку отмеченного требования¹⁷.

Помимо суфражистских организаций в Соединенном Королевстве существовало и немало других объединений британок. Одним из них являлась Женская рабочая лига (ЖРЛ), входившая в состав Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ). Созданная еще в 1906 г., накануне войны она включала в свои ряды 5 тыс. работниц¹⁸. Цель ЖРЛ заключалась в достижении «независимого лейбористского представительства, а

¹⁴ Ibid. 1916. June: 175, Aug: 189.

¹⁵ Ibid. 1916. Aug.: 169. July: 177.

¹⁶ Ibid. 1916. July: 179.

¹⁷ Ibid. 1916. July: 179.

¹⁸ Report. 1913: 1.

также прямого представительства женщин в парламенте и во всех местных органах власти»¹⁹.

Несмотря на то, что руководство ЛПВ активно поддержало военные усилия британского правительства, Женская рабочая лига заняла сдержанно антивоенную позицию. В октябре 1914 г. в журнале «Лэйбор Вумен», который являлся печатным органом ЖРЛ, появился манифест Лиги «Рабочие женщины и война». В нем лидеры ЖРЛ высказались за мир и против героизации войны. Они полагали, что главными причинами глобального вооруженного конфликта являлись тайная дипломатия и международная торговля оружием. Отмечалась также неспособность демократии противостоять небольшой группе богатых и влиятельных британцев, определявших внешнюю политику страны и поддерживавших международную гонку вооружений. «Это война дипломатов, королей, императоров и финансистов. Это война не народов», – говорилось в манифесте.²⁰

Представитель от ЖРЛ входит в состав Рабочего военного чрезвычайного комитета, созданного в начале августа 1914 г. с целью выработать меры для защиты заработков и условий труда рабочих во время войны. Кроме этого, как утверждалось в издании «Лэйбор Вумен», еще около 200 членов организации работали в различных благотворительных и чрезвычайных комитетах, созданных после 4 августа 1914 г.²¹

В начале войны в условиях определенного распространения националистических настроений в обществе, Великобританию захлестнула волна шпиономании, имели место случаи ничем не оправданного преследования немцев и австрийцев, проживавших в стране. Представители Женской лиги со страниц своей газеты резко критиковали подобные проявления выборочной ксенофобии. «С чувством стыда и отвращения мы вынуждены наблюдать, – говорилось в «Лэйбор Вумен», –

¹⁹ Школьников. 2002: 108.

²⁰ Labour Woman. Oct. 1914: 249-250.

²¹ Ibid. Apr. 1915: 285.

нападения на дома и магазины немцев в Дептфорде, Бермондси, Кейли, Крю», а также увольнение официантов с немецкими фамилиями из отелей, изгнание по той же причине ученых из университетов и колледжей²².

19 февраля 1915 г. состоялось заседание исполнительного комитета Женской рабочей лиги, на нем была подтверждена антивоенная позиция Лиги, осуждались ужасы войны, страдания женщин и детей в тылу, выражался протест против роста цен, снижения жизненного уровня, использования детского труда. Новым по сравнению с октябрьским манифестом являлось требование, чтобы были определены конкретные условия, когда Британия и ее союзники были бы готовы установить мир с Германией²³.

27-29 марта 1915 г. в Берне (Швейцария) прошла Чрезвычайная конференция рабочих и социалистических женщин, на которой присутствовали представители от Великобритании, Франции, Германии, Польши, России, Голландии, Швейцарии, Италии. Среди британских делегатов была и Мэри Лонгман от ЖРЛ²⁴. В резолюции, утвержденной на конференции, выражался протест против войны, вину за ее начало делегаты возложили на капиталистическое общество. Было выдвинуто требование немедленно прекратить кровопролитие, заключить мир без каких-либо аннексий, чтобы нации и народы имели право на независимость и самоуправление. Конференция призвала работающих женщин всех стран добиваться мира и на этом пути не отступать перед трудностями²⁵.

В конце 1915 г., когда в Британии готовился проект закона о всеобщей воинской повинности, ЖРЛ высказалась против его утверждения и против принуждения тех, кто не считал для себя возможным брать в руки оружие²⁶.

²² Ibid. Nov. 1914: 254.

²³ Ibid. March 1915: 281.

²⁴ Ibid. May 1915: 292.

²⁵ Ibid. May 1915: 293.

²⁶ Ibid. Dec. 1915: 337.

Вместе с тем, антивоенная позиция ЖРЛ не была в полной мере последовательной. Представители Лиги со страниц журнала «Лэйбор Вумен» призывали женщин, заменивших ушедших в армию мужчин, энергично трудиться на предприятиях, на транспорте и т.д. и добиваться равных условий и равной с мужчинами оплаты труда²⁷. Т.е. руководители ЖРЛ выступая в прессе против войны, одновременно фактически советовали британкам добросовестно и активно работать на производстве для обеспечения армии всем необходимыми.

Еще в начале войны, в 1915 г., ЖРЛ вступила в Союз демократического контроля (СДК), который являлся одним из ведущих британских объединений, резко критиковавших участие Британии в войне²⁸. Союз сотрудничал с различными женскими объединениями. В годы войны СДК не уделял первостепенного внимания проблемам женщин, тем не менее, уже на одном из первых заседаний Генерального совета СДК его участники приняли резолюцию, в которой говорилось:

«Союз демократического контроля убежден, что демократия должна основываться на равных гражданских правах мужчин и женщин»²⁹.

За годы войны ряды Лейбористской партии увеличилось почти в два раза (с 1,61 млн. до 3,01 млн. человек)³⁰. За это же время число членов Женской рабочей лиги возросло лишь на 10 % – с 5 тыс. до 5 500³¹. Думается, незначительный рост численности ЖРЛ был обусловлен не только традиционно меньшей политической активностью женщин, но и тем фактом, что антивоенные настроения в годы войны разделяло меньшинство населения Соединенного Королевства.

В Великобритании существовало развитое сообщество кооперативов, объединенное в Кооперативный союз, куда вхо-

²⁷ Ibid. Sept. 1915: 321.

²⁸ Ibid. March 1915: 281.

²⁹ Swartz. 1971: 58.

³⁰ Pelling. 1961:127.

³¹ Report. 1913:1. Report. 1918: 81.

дила и Женская кооперативная гильдия (ЖКГ), основанная еще в 1883 г.³² Целью гильдии было распространение среди женщин информации о теории и практике кооперации; гильдия также занималась вопросами защиты прав работниц. В середине войны в ней состояло более 31 тыс. членов, и существовало несколько сотен отделений по всей стране³³. Руководители Гильдии занимали сдержанно антивоенную позицию, выступали против того, чтобы споры между нациями решались военными методами, отстаивали идею взаимодействия между народами для поддержания мира³⁴. Представители Женской кооперативной гильдии сотрудничали с Рабочим военным чрезвычайным комитетом, а также и с уже упоминавшимся выше Союзом демократического контроля³⁵. Члены ЖКГ занимались уходом за ранеными, сбором пожертвований для комитетов помощи, помогали бельгийским беженцам³⁶.

Антивоенная агитация некоторых женских организаций не оказала серьезного влияния на настроения британок. Большинство из них, как будет показано ниже, прилагали немало усилий, чтобы поддержать свою страну в сложные военные годы. Многие женские организации, а также Лейбористская партия во время войны выступали за соблюдение прав британок на фабриках и заводах и, в частности, за справедливую оплату труда женщин на производстве. Это было не случайным, так как главным вкладом британских женщин в дело защиты своего отечества в военный период была работа на военных и других предприятиях.

В первые месяцы после 4 августа 1914 г. государство не предпринимало активных усилий для привлечения женщин на производство. Это было обусловлено тем, что в конце лета и осенью 1914 г. в британском обществе широкое распростране-

³² До 1884 г. организация имела название Женская гильдия.

³³ Cooperative Productive Federation: 81. Тюрбер.1917: 6.

³⁴ Cooperative Productive Federation: 82.

³⁵ Ibid.: 82. Тюрбер. 1917: 44.

³⁶ Тюрбер. 1917: 46.

ние получили надежды, что война не будет долгой и «к Рождеству» победно завершится. Более того, осенью и в начале зимы 1914 г. в связи с началом перехода промышленности на военные рельсы, в стране увеличилось число безработных, и среди них было около 190 тыс. британок, которые работали в основном на текстильных предприятиях и на производстве предметов роскоши³⁷.

Со временем огромный масштаб противостояния стран Антанты и Четверного союза, затягивание военного конфликта, тотальный характер войны потребовали от Британии создания массовой армии. Власти проводили активную пропаганду с целью привлечь мужчин в ряды вооруженных сил и для этого нередко использовали образ женщины³⁸. На улицах британских городов можно было встретить плакаты с такими призывами:

«Женщины Англии! Исполните свой долг! Сегодня направьте вашего мужа вступить в армию, овеянную славой!»³⁹.

К концу 1914 г. сотни тысяч рабочих добровольно вступили в армию, а всего в вооруженных силах Британии за годы глобального военного конфликта служило более 5 млн. человек⁴⁰. По мере формирования массовой армии, на производстве все явственнее ощущалась нехватка рабочих рук, и власти стали стремиться привлечь британок на фабрики и заводы. В конце 1914 г. правительство впервые обратилось к женщинам, призывая их помочь стране⁴¹. К марту 1915 г. откликнулось 79 тыс. человек, однако только 2 тыс. женщин позднее были трудоустроены⁴².

Многие профсоюзные правила мирного времени, а порой и просто предрассудки фабричного и профсоюзного руковод-

³⁷ Soldon. 1978:78.

³⁸ До 1916 г. в Великобритании армия формировалась на добровольной основе.

³⁹ Stevenson. 1984: 62.

⁴⁰ Bourne. 1991: 182.

⁴¹ Woodward 1967: 471

⁴² Ibid.: 471.

ства не позволяли использовать неквалифицированных рабочих (в том числе женщин) на целом ряде производств, на транспорте и т.д. Поэтому 19 марта 1915 г. представители правительства и ряда ведущих тред-юнионов подписали документ, который вошел в историю как «Казначейское соглашение»⁴³. Один из пунктов его гласил, что тред-юнионы не будут применять те профсоюзные правила, которые могли бы привести к ограничению выпуска вооружений; тред-юнионы обязались не препятствовать использованию неквалифицированных рабочих на тех работах, где ранее допускались только квалифицированные. Подобная практика получила название «разводнение», и немалое число неквалифицированных рабочих были женщины.

С лета 1915 г. и особенно после введения в начале 1916 г. всеобщей воинской повинности приток британок в промышленность и на государственную службу стал быстро увеличиваться. Правительство повсеместно использовало наглядную агитацию, стремясь привлечь жительниц страны к различной форме деятельности. Так, на одном из плакатов была изображена фабричная работница, а текст рядом гласил: «Она выполняет свой долг. Учитесь выпускать вооружение»⁴⁴. Как писал в своих мемуарах Д. Ллойд Джордж (занимавший на протяжении всей войны ряд ответственных постов в правительстве) значительную роль в деле «организации женщин и девушек для служения государству взяли на себя те самые люди, которые перед войной были самыми ожесточенными противниками правительства в вопросе об избирательных правах женщин» – это лидеры суфражистских организаций Эммелин и Кристабель Панкхерст, Энни Кенни и другие⁴⁵.

Э. Панкхерст была среди организаторов 30 тыс. шествия женщин, организованного 18 июля 1915 г. в Лондоне. Его участницы заявили о поддержке страны в военное время и

⁴³ Данный документ был подписан в помещении королевского казначейства.

⁴⁴ Bourne. 1991: 196.

⁴⁵ Ллойд Джордж. 1934: 214.

предложили свою помощь государству⁴⁶. Эта массовая демонстрация позднее вошла в историю, как марш «За право служить». Клара Батт – одна из вдохновительниц марша – в речи, произнесенной в ходе митинга демонстрантов, утверждала, что женщины просят предоставить им работу, которая позволила бы помогать армии⁴⁷. 18 июля Э. Панкхерст встретила с Ллойд Джорджем и от имени многих британок выразила желание женщин работать на заводах по производству вооружений. Она также высказала пожелание, чтобы заработок работниц был не ниже прожиточного уровня, и фабричная администрация не притесняла бы женщин⁴⁸.

Много рабочих требовалось для быстро расширявшегося производства военного снаряжения. В июле 1916 г. на подобных заводах и фабриках трудилось 520 тыс. женщин, что было в два с лишнем раза больше, чем перед войной⁴⁹. К 1918 г. там по разным оценкам работало от 600 тыс. до 900 тыс. женщин⁵⁰. Они выполняли около пятисот различных видов работ, две трети из которых были ими освоены только в годы мировой войны⁵¹. На некоторых фабриках, выпускавших вооружение, женщины составляли 95% рабочих, и они выполняли все виды работ, включая и квалифицированную⁵².

Помимо военного производства и в других жизненно-важных отраслях хозяйства страны заметно увеличилось число работниц. На транспорте количество женщин возросло почти в 6,5 раз – с 18 тыс. до 117 тыс.⁵³ Британки работали кондукторами и водителями общественного транспорта⁵⁴. На железных дорогах они проверяли билеты, убирали вагоны, были носиль-

⁴⁶ Marwick. 1978: 105. Ллойд Джордж. 1934: 214.

⁴⁷ Culleton. 2000: 20.

⁴⁸ Ллойд Джордж. 1934: 214.

⁴⁹ Marwick. 1978: 106.

⁵⁰ Soldon. 1978: 81. Culleton. 2000: 38.

⁵¹ Карлинер. 1961: 121.

⁵² Braybon. 1981: 63.

⁵³ Marwick. 1978: 106.

⁵⁴ The Woman's Dreadnought. Nov.4, 1916: 586. Braybon. 1981: 80.

щиками и охранниками. Почти 600 тыс. женщин работали на машиностроительных предприятиях⁵⁵. Британки также трудились на постройке кораблей, в литейных цехах, в авиационной промышленности, на фабриках, выпускавших обмундирование и обувь. Приблизительно вдвое возросла численность женщин в торговле, среди служащих, в органах управления⁵⁶.

Потребность в работницах была столь велика, что в конце глобального военного конфликта правительство выпустило специальное рекламно-информационное издание «Работа для женщин во время войны. Книга вакансий». На ее страницах можно было найти широкий перечень необходимых для страны профессий с указанием требуемой квалификации и заработка. Женщинам предлагалось работать на предприятии по производству вооружений, в различных вспомогательных полувойсковых организациях, водителями машин для доставки почты, таксистами, почтальонами, медсестрами, фармацевтами, полицейскими, телефонистками, кондукторами трамваев, учителями и т.д.⁵⁷

Тотальная война привела к существенным изменениям условий труда многих британцев. Продолжительность рабочего дня на контролируемых правительством военных предприятиях составляла 10-12 и более часов, условия работы были тяжелыми: порой негде было пообедать, не хватало мест в столовых, состояние туалетов оставляло желать лучшего⁵⁸. На многих фабриках и заводах ликвидировалась оплата сверхурочных, сокращались или отменялись выходные и отпуска. Ллойд Джордж признавал, что первоначально условия труда женщин на предприятиях, производивших военное снаряжение, были

⁵⁵ Soldon. 1978: 81.

⁵⁶ Havinghurst. 1979: 140. Marwick.1978: 107. В 1914-1918 гг. на 25% уменьшилось число домашней прислуги, большинство из которой составляли женщины. Lloyd. 1985: 62.

⁵⁷ Women's Work at War Time: 43-83.

⁵⁸ Braybon. 1981: 113. К концу войны государство поставило под свой контроль около 80% промышленных рабочих, и на них распространялось действие Закона о военном производстве. Соловьев. 1985: 39.

даже хуже, чем у мужчин⁵⁹. Как писала представительница Лейбористской партии Мэри Макартур, во время войны было немало примеров, когда женщины работали семь дней в неделю и имели лишь один выходной в месяц. Порой работницы трудились 13 ночей подряд по 12 часов; иногда женщины заканчивали работать в 22.30, а в 6.30 утра уже были вынуждены возвращаться на предприятие⁶⁰. В условиях интенсификации труда на производстве заметно возрос травматизм и количество несчастных случаев. Так, на заводах, где производились взрывчатые вещества и наполнялись порохом снаряды, от отравления тринитротолуолом и в результате непроизвольных взрывов погибло несколько сотен работниц⁶¹.

В связи с немалыми трудностями, с которыми сталкивались женщины на производстве, с августа 1915 г. заводы, где трудились работницы, стал посещать специальный инспектор министерства вооружений по вопросам женского труда⁶². А в 1917 г. при министерстве вооружений был образован совещательный комитет по вопросам, связанным с использованием женского труда⁶³.

Накануне войны страна обеспечивала себя продовольствием только на одну треть, и вследствие нарушения торговых связей и активных действий германского подводного флота проблема обеспечения продовольствием населения стояла очень остро, особенно в 1917-1918 гг. Рабочих рук не хватало не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Поэтому властям пришлось создать специальную организацию, именованную Женской земельной армией (Women's Land Army). К 1918 г. войны 16 тыс. женщин из этого объединения трудились на различных сельскохозяйственных фермах⁶⁴. В

⁵⁹ Ллойд Джордж. 1934: 247.

⁶⁰ Macarthur. 1918: 20.

⁶¹ Bourne. 1991: 195. Mitchel. 1965: 248.

⁶² Ллойд Джордж. 1934: 246.

⁶³ Карлинер. 1961: 287

⁶⁴ Bourne. 1991: 194.

целом в сельской местности Англии и Уэльсе к концу войны было задействовано в три раза больше женщин, чем в 1911 г. – более 200 тыс.⁶⁵

Общее число работающих британок с 1914 г. по 1918 г. увеличилось почти на 1 млн. 345 тыс. и к 1918 г. достигло 7,3 млн.⁶⁶ Из них почти 3 млн. трудилось на различных заводах⁶⁷. Готовность сотен тысяч британок впервые прийти на производство, в офисы, на транспорт и т.д. было обусловлено не только патриотическим подъемом, охватившим все общество, но и тем фактом, что тенденция увеличения числа работающих женщин в Соединенном Королевстве наметилась еще до 1914 г., а война придала этому процессу лишь дополнительный импульс.

Массовое увеличение числа работниц порой вызвало в отдельных отраслях хозяйства Британии определенные проблемы в рабочих коллективах. Ллойд Джордж писал в воспоминаниях, что пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы добиться приема на работу большого числа женщин-работниц в те отрасли промышленности, где ранее трудились только мужчины⁶⁸. Среди причин, почему некоторые рабочие занимали подобную позицию, были не только определенное недоверие к работницам, но и, в частности, опасения, что более дешевый женский труд может привести к уменьшению заработка мужчин.

На некоторых транспортных предприятиях женщинам не всегда и не сразу удавалось занять свое место вследствие сопротивления администрации и рабочих. Представители Объединенного общества рабочих трамваев и автомобилей выступали против предоставления женщинам права трудиться водителями, мотивируя это тем, что данная работа очень травмо-

⁶⁵ Ллойд Джордж. 1934: 170.

⁶⁶ Bourne. 1991: 196. Soldon. 1978: 80.

⁶⁷ До войны в промышленности насчитывалось 2 187 600 женщин. Culleton. 2000: 1.

⁶⁸ Ллойд Джордж. 1934: 214.

опасна, она может повредить будущим поколениям, а женщина-шофер якобы несет угрозу окружающим⁶⁹. Лондонская всеобщая кампания omnibusов только с марта 1916 г. начала привлекать женщин на должности кондукторов⁷⁰. На заводах «Ленг и сыновья» в городе Джонстон представители рабочего комитета без объяснения причин заявили, что ни одна женщина не должна участвовать в производстве токарных станков⁷¹. Престонская ассоциация операторов прядильных машин, также старалась не допустить британок на работы, выполнявшиеся мужчинами, Объединенная ассоциация машиностроителей заняла аналогичную позицию⁷².

18 июля 1915 г. в ходе встречи с Э. Панкхерст и Ллойд Джорджа последний поручился, что «сдельная оплата будет одинакова для мужчин и женщин»⁷³. Однако этого не произошло, и в годы войны, как правило, заработок британок был ниже, чем у мужчин. «Равной оплаты за равный труд нет нигде», – писала в конце войны лейбористская газета «Геральд», относительно положения женщин на производстве⁷⁴. Один из примеров этого была ситуация с женщинами–водителями, кондукторами и уборщицами трамваев в Глазго. Они, несмотря на предварительную договоренность о равной с мужчинами оплате труда, зарабатывали меньше, чем их коллеги⁷⁵. В газете «Геральд» в июле 1916 г. приводились следующие данные:

«Там, где мужчина-кондуктор автобуса получал в неделю 25-30 шиллингов, женщина на этой же должности зарабатывает 15-20 шиллингов»⁷⁶.

Схожая ситуация наблюдалась, по информации этого же издания, и в одном из кооперативных универмагов, где жен-

⁶⁹ Graybon. 1981: 74.

⁷⁰ Marwick. 1978: 106.

⁷¹ Ллойд Джордж. 1934: 215.

⁷² Graybon. 1981: 69, 73.

⁷³ Ллойд Джордж. 1934: 214.

⁷⁴ Карлинер. 1961. 423

⁷⁵ The Woman's Dreadnought. Nov.4. 1916: 586.

⁷⁶ Herald. 15 July 1916:

щины, заменившие ушедших на фронт мужчин – помощников продавцов, зарабатывали почти в два раза меньше, чем их предшественники⁷⁷. По данным британского исследователя Дж. Борна, к концу войны женщины получали в среднем две трети от заработка мужчин⁷⁸. Работницы далеко не всегда мирились с подобным положением. Так, в августе 1918 г. женщины-водители автобусов и трамваев объявили забастовку, требуя равной оплаты⁷⁹.

В годы войны заметно больше, чем ранее женщин вступало в тред-юнионы. Общее число британок членов профсоюзов увеличилось с 436 тыс. в 1914 г. до 1 млн. 209 тыс. в 1918 г.⁸⁰ На предприятиях, выпускавших вооружение, одна шестая часть работниц были членами тред-юнионов⁸¹. Некоторые профсоюзы, которые до войны по различным причинам не принимали женщин в свои ряды, в 1914-1918 гг. стал это делать. Среди подобных тред-юнионов были Национальная ассоциация рабочих шелкового производства, Национальный союз переплетчиков и операторов машин, Национальный союз железнодорожников, Национальный союз пекарей и некоторые другие⁸². В Тред-юнионе рабочих число членов-женщин увеличилось с 3 тыс. в 1914 г. до 80 тыс. в 1918 г.⁸³ Но были и такие профсоюзы, как Объединенное общество плотников и столяров, Объединенное общество машиностроителей, которые и в годы войны отказывались принимать женщин⁸⁴.

Помимо работы на различных предприятиях еще одним важным в военное время делом для многих тысяч британских женщин стал уход за ранеными солдатами и офицерами и не

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Bourne. 1991: 197.

⁷⁹ Braybon. 1981: 80.

⁸⁰ The Labour Year Book. 1924: 43. В конце войны работницы состояли в 383 профсоюзах. Boston. 1980: 127.

⁸¹ Culleton. 2000: 24.

⁸² Braybon. 1981: 68.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid.: 69.

только британской армии, но и ее союзников. В годы глобального военного конфликта немало британок трудилось в различных госпиталях на территории Соединенного Королевства и за его пределами, а наиболее деятельные и профессионально подготовленные организовывали свои лечебные заведения и объединения. Вскоре после начала войны два врача – Гаррет Андерсон и Флора Марри – основали Добровольный женский госпиталь, где о раненых заботились только женщины. Их госпиталь, рассчитанный на 100 коек, был открыт в Париже и принимал для лечения, как британцев, так и французов. Помимо столицы Франции британских лечебных заведений также открылись в Руане, Дюнкерке, Этапле и некоторых других французских городах⁸⁵. Британка леди Пэджет с ноября 1914 г. по февраль 1916 г. руководила британским госпиталем в Сербии в городе Узкуб. Врач Элси Инглес стала инициатором создания объединения Шотландских женских госпиталей, их представительства работали во Франции, Сербии, Румынии, на Корсике, в России. Врачи-рентгенологи из Британии Эдит и Флоренс Стоуни трудилась во Франции, в городе Шербур⁸⁶. Основанные еще до войны Добровольные вспомогательные отряды (Voluntary Aid Detachments) в 1914-1918 гг. занимались различной деятельностью, в том числе они подготовили и направили в различные госпитали 23 тыс. медсестры и 18 тыс. санитаров.⁸⁷

В период войны британские женщины не только помогали раненым, осваивали новые специальности и профессии на производстве, на транспорте, в сельском хозяйстве, но и привлекались на государственную службу. Миллисент Фосетт писала в одной из статей, что в военное время немало английских женщин получили ответственную работу в разных правительственных департаментах⁸⁸. Железнодорожное сообщение еще в

⁸⁵ Women's Work in War Time: 160.

⁸⁶ McLaren. 1917: 1-8, 19-21, 41, 55-61.

⁸⁷ Mitchel. 1965: 197.

⁸⁸ Фаусет 1916: 330.

августе 1914 г. было поставлено в Великобритании под государственный контроль. «На многих железных дорогах, – отмечала Фосетт, – интеллигентные женщины с университетским образованием занимают ответственные административные должности, в то время как их менее образованные сестры исполняют обязанности кассиров, билетных контролеров и т.д.»⁸⁹

В годы глобального военного конфликта британки впервые примерили полицейскую форму. В конце 1914 г. была основана организация Женских полицейских волонтеров (Women Police Volunteers), в начале 1915 г. ее переименовали в Женскую полицейскую службу (Women Police Service). Эти подразделения создавались Маргарет Дэмер Даусон при поддержке главного комиссара полиции. Первоначально сотрудницы полиции действовали в Лондоне и занимались теми делами, к которым оказывались причастны девушки и женщины⁹⁰. Многие работники в правоохранительных органах скептически относились к коллегам-женщинам, однако к 1918 г. британок в форме полиции насчитывалось уже несколько сотен, и они несли службу во многих крупных городах: в Лондоне, Эдинбурге, Бирмингеме, Глазго, Бристоле, Белфасте, Портсмуте, Брайтоне, Ноттингеме, Саутгемптоне и т.д.⁹¹ Женщины-полицейские вели наблюдение на улицах и во дворах, помогали населению во время авианалетов. Специальное отделение женской полиции было сформировано при Министерстве вооружений⁹². Его сотрудницы находились на тех предприятиях, где трудилось много работниц. Они проверяли пропуска, отвечали за то, чтобы женщины не проносили в цех запрещенные на военных заводах спички, сигареты, а также алкоголь, следили за порядком в очередях в столовые и к кассам⁹³. На попечении женщин-полицейских были и некоторые заключенные;

⁸⁹ Там же: 330.

⁹⁰ Mitchel. 1965: 215.

⁹¹ Ibid: 220.

⁹² McLaren. 1917: 63.

⁹³ Ibid.: 63-64. Mitchel. 1965: 216-218.

сотрудницы полиции присутствовали на судебных заседаниях, а порой и выполняли и специальные задания Адмиралтейства по выявлению наркотрафика⁹⁴.

Определенную помощь полиции оказывали Женские патрули, их сформировали в начале войны по инициативе Национального союза работниц для защиты женщин. Многочисленные обращения британок в союз работниц свидетельствовали о том, что там, где их предприятия соседствовали с лагерями военнослужащих, женщины порой подвергались опасности⁹⁵. Помимо поддержания порядка на улицах представительницы Женских патрулей проводили воспитательную работу среди работниц, которые «слонялись вблизи скопления солдат»⁹⁶. В функции патрулей также входила и помощь некоторым девушкам в «здоровом использовании часов досуга»⁹⁷. К 1917 г. в различных частях Великобритании в Женских патрулях участвовало более 2 тыс. женщин и, как свидетельствовала информация из издания «Работа для женщин в военное время. Книга вакансий», в последние годы войны все еще требовались волонтеры для подобной работы⁹⁸.

Яркими проявлением патриотических чувств и конкретной помощи вооруженным силам со стороны британских женщин в военное время стало участие десятков тысяч британок в различных полувоенных вспомогательных формированиях. 32 тыс. из них служили в Женских Королевских воздушных силах (Women's Royal Air Force), созданных в 1918 г. Более 3 тыс. работали в Женской королевской морской службе (Women's Royal Naval Service), основанной в 1917 г.; около 5 тыс. – в Женской секции легиона моторного транспорта (Women's Legion Motor Transport Section), созданной в мае 1916 г. при

⁹⁴ Mitchel. 1965: 216-218. Несколько суфражисток вступило в эти отряды полиции, т.к. считали, что «женщин должны защищать женщины».

⁹⁵ McLaren. 1917: 64.

⁹⁶ Ibid.: 65.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Ibid.: 63-64. Women's Work in War Time: 64-65.

Женском легионе⁹⁹. Но больше всего британок (57 тыс.) вступило в Женские армейские вспомогательные корпуса (Women's Army Auxiliary Corps), который начал формироваться в начале 1917 г.¹⁰⁰ Члены этих корпусов носили специальную форму, но не имели статуса военнослужащих; во Франции около 17 тыс. женщин были заняты в тылу различным подсобным трудом¹⁰¹.

Большинство из перечисленных женских подразделений появились в 1917-1918 гг. Это отразило тот факт, что к концу войны после огромных для британского общества потерь страна подошла к тому рубежу, когда были почти исчерпаны резервы мужского населения призывного возраста, и власти оказались вынуждены обратиться к женщинам. Последние выполняли различную вспомогательную работу на аэродромах, в портах, заменяли квалифицированных механиков, которым приходилось работать водителями и т.д.

Затяжной военный конфликт, потребовавший огромных усилий всего английского общества, привел к значительным изменениям во многих областях жизни британцев, включая и семейные отношения. Во время войны уменьшилось число заключения браков среди населения Соединенного Королевства. Если в 1913 г. было зарегистрировано 286,5 тыс. свадеб (15,7 на тысячу жителей), то в 1917 г. – уже 258,8 тыс. (13,8 на тысячу жителей)¹⁰². В 1914-1918 гг. значительно увеличилось число разводов: в 1913 г. приходилось 2 развода на 10 тыс. замужних женщин, в конце войны – 9 на 10 тыс.¹⁰³ Одновременно сокращалась и рождаемость: в 1913 г. она составляла 881,8 тыс. детей, в 1915 г. – 814 тыс., в 1917 г. – 668 тыс., в 1918 г. – 662 тыс.¹⁰⁴ В годы войны сексуальные отношения стали более сво-

⁹⁹ Mitchel. 1965: 221-222. McLaren. 1917: 137.

¹⁰⁰ Mitchel. 1965: 222.

¹⁰¹ Bourne. 1991: 196

¹⁰² Statistical Abstract. 1932: 20.

¹⁰³ Winter. 1986: 263.

¹⁰⁴ Ibid.: 136-137.

бодными, и как результат этого, увеличилось число внебрачных детей: накануне войны к ним относились 3 % от всех родившихся, то в 1918 г. – 6%¹⁰⁵. Говоря о матримониальных проблемах, необходимо сказать еще об одном неизбежном для женщин последствии войны. Как писал один известный английский писатель:

«Война всех одинаково облагает данью: мужчины расплачиваются кровью, женщины – слезами».

160 тыс. британок за время войны стали вдовами¹⁰⁶.

Не только отмеченные выше изменения коснулись жизни немалой части женщин Соединенного Королевства в 1914-1918 гг. Война привнесла много нового в сферу политических прав жительниц страны. Вопрос о предоставлении британкам возможности голосовать на всеобщих выборах был тесно связан со все более ясно осознаваемой в обществе необходимостью общей демократизации избирательной системы. Это к середине войны хорошо поняли в коридорах власти Великобритании. Осенью 1916 г. была организована межпартийная конференция, которая занималась проблемами избирательной реформы. Свои предложения она передала в парламент, и в мае 1917 г. члены Палаты общин приступили к обсуждению законопроекта о народном представительстве.

Министр внутренних дел консерватор Джордж Кэйв, представил в Плате общин проект закона, по которому все мужчины и значительная часть женщин включались в состав электората. В своем выступлении, говоря о британках, он обратился к слушателям с таким риторическим вопросом: можем ли мы отказать женщинам в праве голоса, в возможности участвовать в формировании будущего этой страны после тех огромных усилий, которые они приложили в деле поддержки страны во время войн?¹⁰⁷ Его коллега по партии тори С.А. Кокрен так-

¹⁰⁵ Ibid.: 253.

¹⁰⁶ Bourne. 1991: 178.

¹⁰⁷ Hansard. Col. 2135.

же говорил о значительной помощи, которую жительницы Великобритании оказали нации в годы войны.

«Их настойчивость, энергия, сила, способность адаптироваться превзошли все ожидания, – утверждал Кокрен. – ... Я думаю Палата общин согласится, что было бы невозможно вести войну без них»¹⁰⁸.

Ему вторил лейборист Лесли Скотт, он отмечал, что прекрасная работа британок в годы войны показала, что они достойны иметь право голоса¹⁰⁹. Интересный комментарий по поводу подобных высоких оценок роли британок в 1914-1918 гг. дал полковник Кавендиш-Бентинк. Он, как и названные выше ораторы, говорил о «замечательном самопожертвовании, которое женщины продемонстрировали во время войны». Однако Кавендиш-Бентинк не считал, что подобный факт является определяющим при решении вопроса о предоставлении права голоса британкам. Полковник призывал своих коллег-парламентариев относиться к женщинам как к полноправным гражданам страны, а не только как к «работягам» (drudges), заслуживших своим тяжким трудом возможность прийти на избирательные участки¹¹⁰.

В Палате общин звучали и критические суждения относительно проектов наделения женщин правом голоса. Консерватор Ф. Банбери выражал опасение, что в случае введения закона о всеобщем избирательном праве женщины количественно будут преобладать среди избирателей¹¹¹. Другой консерватор Х. Крэйк полагал, что предоставление избирательных прав женщинам «во многих отношениях ... будет противоречить воли большинства женщин в этой стране»¹¹². Ему вторил другой представитель партии тори М. Арчер-Ши. Он еще в 1910 г. провел опрос среди почти тысячи своих избирательниц, в ко-

¹⁰⁸ Ibid. Col. 2207.

¹⁰⁹ Ibid. Col. 2360.

¹¹⁰ Ibid. Col. 2411.

¹¹¹ Ibid. Col. 2389.

¹¹² Ibid. Col. 2236.

тором был поставлен вопрос о том, имеют ли они желание участвовать в выборах в парламент. По словам Арчер-Ши, более половины утверждали, что не хотят голосовать на выборах, 254 ответили, что им все равно и только 130 поддержали идею стать частью электората. Основываясь на этих данных, полковник делал вывод, что 80% опрошенных женщин или против, или безразлично относятся к возможности участвовать в выборах в парламент¹¹³. На этом основании он выступал против наделения британок правом голоса.

Подобную точку зрения все же разделяло незначительное число парламентариев, и большинство членов Палаты общин проголосовали в 1917 г. за билль о Народном представительстве. Члены палаты лордов, где было немало противников женского равноправия, все же поддержали этот законопроект, и в начале февраля 1918 г. после одобрения королем Георгом V названный билль стал законом. В результате впервые жительницы Соединенного Королевства старше 30 лет и все мужчины с 21-летнего возраста (включая военнослужащих) получили право голоса на выборах в парламент. Электорат Великобритании увеличился почти в три раза с 7,9 млн. до 21,4 млн. человек¹¹⁴, и среди них более 8 млн. были женщины¹¹⁵.

Без сомнения, участие сотен тысяч британцев в боевых действиях на фронтах мировой войны и самоотверженный труд миллионов мужчин и женщин в тылу оказали немалое влияние на решение политической элитой страны расширить число избирателей. Но, думается, были и другие столь же (если не более) значимые для британского политического истеблишмента причины, чтобы в военное время существенно увеличить электорат.

¹¹³ Ibid. Col. 2160.

¹¹⁴ Пью. 2001: 185.

¹¹⁵ В ноябре 1918 г. был принят отдельный закон, позволявший британкам избираться в состав Палаты общин. Первая женщина стала членом парламента в 1919 г.

Еще до 1914 г. в британском обществе получил развитие процесс эмансипации масс. Он находил свое выражение в различных проявлениях, в частности, в борьбе суфражисток за права женщин, в росте политической активности рабочих масс, в усилении тред-юнионов и т.д. Годы войны катализировали отмеченный процесс. Этому содействовала большая, чем ранее, вовлеченность британок в производственную жизнь страны, продолжившееся увеличение численности и влияния профсоюзов, стремительный рост Лейбористской партии и усиление стачечной борьбы в 1917-1918 гг. Война наглядно продемонстрировала несоответствие положения простых британцев в обществе той определяющей роли, которую они сыграли для защиты своей страны. Годы глобального военного конфликта способствовали большему, чем когда-либо ранее, осознанию массами своей значимости для судеб государства и породили у многих граждан Великобритании надежду на лучшую жизнь после победы.

Многоопытная политическая элита Британии была известна своей способностью вести диалог с обществом и вовремя идти на уступки населению. Проведение избирательной реформы стало тем шагом, который в условиях увеличения социальной нестабильности в 1917-1918 гг., ухудшения материального положения рабочих, распространения революционных настроений на востоке континентальной Европе должно было не допустить выхода общественных процессов в Британии из-под контроля властей, направить возросшую активность масс в русло парламентской деятельности и предотвратить возможность социального взрыва в послевоенные годы. Некоторые наиболее дальновидные представители государственной власти уже в 1917 г. ясно понимали, с какими огромными, не терпящими отлагательства, проблемами британскому государству предстояло столкнуться после окончания военного конфликта и столь же ясно осознавали, что для решения этих задач необ-

ходим новый парламент, сформированный с привлечением большинства населения¹¹⁶.

В заключение следует отметить, что «женское измерение» Первой мировой войны оказалось значительно более многоплановым и сложным, чем могло показаться изначально. Глобальный военный конфликт начала XX века отличался от всех предыдущих войн не только масштабом, но и тотальным характером. Противостояние враждующих коалиций государств не ограничивалось ведением военных действий на суше, в воздухе и на море, а распространялось на все важнейшие сферы жизни общества: на промышленное производство, финансовую политику, информационную область и т.д. Все это предопределило необходимость привлечь к различной форме деятельности большинство трудоспособного населения Великобритании, включая и женщин, чтобы экономика военного времени могла успешно функционировать. Сотни тысяч британок добровольно пришли на производство, на транспорт, в торговлю, на фермы, в различные полувоенные объединения и тем самым внесли весомый вклад в дело защиты своего отечества. Никогда до Первой мировой войны в Соединенном Королевстве в таком широком масштабе не использовался женский труд в различных областях народного хозяйства. Впервые в истории Великобритании для непосредственного ведения войны привлекались десятки тысяч жительниц страны (хотя и во вспомогательных военных службах). Все это не только позволило выстоять стране, но отчасти изменило и некоторые представления людей. Военные годы стали временем преодоления многих стереотипов, существовавших в различных слоях населения, в отношении роли женщин на производстве и в общественно-политической жизни.

Антивоенная позиция нескольких женских объединений, не оказала существенного влияния на настроения основной массы жительниц страны, но продемонстрировала, с одной

¹¹⁶ Выступление 15 мая 1917 г. в Палате общин министра по делам колоний консерватора У. Лонга. Hansard. Col. 1496-1497.

стороны, существование среди британок различных точек зрения на проблему участия страны в войне, с другой стороны, показала, что в демократическом обществе и в годы мирового вооруженного конфликта сохранялась возможность для плюрализма мнений. Кроме этого, выступления в печати и на митингах представительниц этих организаций свидетельствовали о том, что даже во время войны в Соединенном Королевстве не прекращалась борьба за равноправие британок, как в политической, так и в производственной областях. Деятельность отмеченных женских организаций позволяет также лучше понять причину, почему после войны в Великобритании столь широкое распространение получили антивоенные взгляды и стремление создать международный орган, призванный не допустить повторения кровавой бойни начала века.

В годы Первой мировой войны быстрее, чем ранее, менялось не только положение женщин в обществе, но и само британское общество. Война ускорила ясно наметившийся еще до 1914 г. процесс раскрепощения женщин, расширила сферу применения их сил и профессиональных знаний, а принятие закона о Народном представительстве 1918 г. явилось важным шагом не только на пути достижения равных политических прав мужчин и женщин, но и в целом для становления в послевоенные годы массовой демократии в Великобритании.

*Александр Юрьевич Прокопов
к.и.н, с.н.с. Центра истории
международных отношений ИВИ РАН
+7(495)954-48-69
aup276@mail.ru*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Cooperative Productive Federation. – Cooperative Productive Federation Limited. N.d.

Hansard. – Hansard (House of Commons) Parl. Deb. 5 Ser. Vol. 43. Labour Woman. – Labour Woman.

Macarthur. 1918. – *Macarthur M.* The Women Trade Unionists' Point of View. // *Women and the Labour Party.* L., 1918

McLaren. 1917. – *McLaren.* Women at War. L., 1917

Pankherst. 1936. – *Pankherst S.* The Life of Emmeline Pankherst. N.-Y., 1936. P. 152-153.

Report. 1913. – Report of the 13th Annual Conference of the Labour Party. L., 1913

Report. 1917. – Report of the 17th Annual Conference of the Labour Party. L., 1918.

Statistical Abstract. 1932 – Statistical Abstract for the United Kingdom. L., 1932

Statistical Abstract. 1933. – Statistical Abstract for the United Kingdom. L., 1933.

The Labour Year Book. 1924. – The Labour Year Book. 1924. L., 1924

The Woman's Dreadnought. – The Woman's Dreadnought

Votes for Women. – Votes for Women. 1916

Women's Work at War Time. – Women's Work at War Time. A Handbook of Employments. N.d.

Ллойд Джордж. 1934. – *Ллойд Джордж.* Д. Военные мемуары. Т.1-2. М., 1934.

Тюрбер. 1917. – *Тюрбер. С.* Английская женская кооперативная гильдия. М., 1917.

Фаусет. 1916. – *Фаусет М.* Английские женщины и война. // *Twentieth Century Russia.* Issue 4, July, 1916

ЛИТЕРАТУРА

Boston. 1980. – *Boston S.* Women Workers and the Trade Union Movement. L., 1980.

Bourne. 1991. – *Bourne J.M.* Britain at the Great War. 1914-1918. L., 1991.

Braybon. 1981. – *Braybon G.* Women workers in the First World War. British Experience. L., 1981

Butler. 2000. – *Butler D., Butler G.* Twentieth Century British Political Facts. L., 2000.

Culleton. 2000. – *Culleton. C.* Working Class Culture, Women and Britain. 1914-1921. L., 2000.

Havinghurst. 1979. – *Havinghurst A.* Britain in Transition. Twentieth Century. Chicago, London, 1979

Lloyd. 1985. – *Lloyd T.O.* Empire, Welfare State, Europe. L., 1985.

Marwick. 1978. – *Marwick A.* Britain in the Century of Total War. L., 1978

Mitchel. 1965. – *Mitchel D.* Monstrous Regiment. N.Y., 1965

Pelling. 1961. – *Pelling H.* A Short History of the Labour Party. L., 1961.

Soldon. 1978. – *Soldon N.* British Women in Trade Unions. 1874-1976. L., 1978

Stevenson. 1984. – *Stevenson J.* British Society. 1914-19145. L., 1984

Swartz. 1971. – *Swartz M.* The Union of Democratic Control in British Politics During the First World War. L., 1971

Winter. 1986. – *Winter J.* The Great War and the British People. Cambridge, Mass., 1986.

Woodward. 1967. – *Woodward L.* Great Britain and the War. 1914-1918. L., 1967.

Карлинер. 1961. – *Карлинер М.* Рабочее движение в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1961

Пью. 2001. – *Пью М.* История Великобритании. 1789-2000. М., 2001.

Соловьев. 1985. – *Соловьев С.* Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны М., 1985.

Школьников. 2002. – *Школьников И.А.* Лейбористская партия Великобритании и суфражистское движение. // Адам и Ева. Вып. 4. М., 2002.

**О.М. Морозова,
Т.И. Трошина**

КРАСНЫЕ ДЕЛЕГАТКИ КАК ВАРИАНТ СОВЕТСКОГО ФЕМИНИЗМА*

Ключевые слова: Феминизм, «женский вопрос» и политика большевиков, женская история, революционная эпоха, нэп, Европейская часть России, «делегатское» движение, «выдвиженчество».

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена «русского феминизма» и построена на материалах различных в этническом, экономическом и культурном отношении регионов Европейской России. Авторы обращают внимание на специфику понимания «женского вопроса» в России, а также на особенности форм и методов вовлечения женщин в социально-преобразующий процесс, начатый революцией 1917 г.

Женский аспект революционного движения в истории становления теории феминизма и судеб профессиональных революционерок изучен хорошо¹, но непосредственное участие женщин в вооруженной борьбе за советскую власть и делегатское движение в годы Гражданской войны и в первые послевоенные годы исследованы в гораздо меньшей степени.

Не без влияния идеи Ш. Фурье о расширении прав женщин как главном источнике социального прогресса² русские общественные деятели широко обсуждали пути эмансипации женщин, видя главным содержанием образование. Как писал Ф.М. Достоевский, женский вопрос перерос в вопрос универ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-01-00025 «Женский революционный нарратив: исторический, психологический, социальный контекст»).

¹ Дубинина. 1981: 14-34; Успенская. 1997: 70-80; Казарова. 1998: 142-146; Исбах. 1963; Иткина. 1970; Пржиборовская. 2008; Томашевский. 1969; Шейнис. 1987.

² Фурье. 1938: 174.

ситетский (1868)³. Впрочем, в нелегальных организациях, не подпадавших под общепринятые правила, а создававших новые, тезис Писарева о женщине как товарище мужчины⁴ был претворен в наиболее полной степени. По авторитетному свидетельству Веры Фигнер, значительную часть членов «Земли и воли» (около 21%) составляли женщины:

«Нигде в мире женщина не работала в освободительном движении так тесно рука об руку с мужчиной, как в народническом движении России»⁵.

То, чем это окончилось, ярко представил Ю.М. Лотман на примере судеб двух Софий – Ковалевской и Перовской:

«Факт получения С. В. Ковалевской ученого звания профессора (1884) и назначение ее через год руководителем кафедры механики в Стокгольмском университете можно сопоставить лишь с действием правительства Александра III, уравнившего Софью Перовскую с мужчинами-народовольцами в праве быть казненной. Женщина перестала получать и научные, и политические скидки. В последнем случае Александр III неожиданно проявил себя как Робеспьер, доказавший, что гильотина не знает галантной разницы между мужчиной и женщиной... Кафедра профессора и петербургская виселица знаменовали абсолютное приравнение мужчины и женщины. Только для первого надо было ехать в Стокгольм, второе осуществлялось дома»⁶.

Идеи суфражизма восприняли либеральные круги в России. В программе партии кадетов был пункт о равноправии женщин, а среди видных членов были графиня В.Н. Бобринская и А. Тыркова-Вильямс. Но консервативные силы стремились превратить движение за женскую эмансипацию в фарс. Противникам предоставления политических и иных прав женщинам нравилось высказывать «аргументы» подобного рода:

³ Достоевский. 1990: 284.

⁴ Писарев. 1903: 113.

⁵ Цит. по: Ткаченко. 1961: 78, 79.

⁶ Лотман. 2000: 97-98.

«...Вот зубодерши. Выдерут вместо больного здоровый зуб, что с ней делать? Доктора-то выругаешь, а то так и в физиономию дашь, ну а даме нельзя!..»⁷

Социалисты к тому времени стали рассматривать равноправие женщин не как цель, а как средство реализации своей основной программной цели. Анжелика Балабанова была противницей движения феминисток и суфражисток, поскольку полагала, что движение за свободу и права не должно делиться на мелкие потоки, и что необходимо бороться не против мужчин, а вместе с ними против общего врага – капиталистического общества⁸.

Опыт вовлечения женщин в активную социально-преобразующую деятельность на протяжении Русской революции весьма показателен. Ликвидация в феврале 1917 г. традиционных авторитетов в виде монарха и традиционной иерархии власти привела к усилению в стране общественной активности, причиной которой было, в том числе, и повышение нервозности населения в условиях исчезновения привычных ориентиров. Женщины по причине их более высокой, чем у мужчин, эмоциональности, оказались наиболее уязвимой и беззащитной перед этим испытанием группой.

В газетах 1917 г. отдельно отмечается активное участие женщин в сельских сходах, митингах, демонстрациях и других общественных акциях. Например, в «Известиях Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов» отмечалось, что в рабочих районах города «женщины охотнее посещают собрания, слушают и задают вопросы лучше, чем мужчины». Часто до половины участвующих составляли местные крестьянки и мещанки. Они восприняли революцию как освобождение от семейного угнетения и домашнего затворничества.

Бывшая делегатка Нина Ивановна Голанд (Друско) описала реакцию односельчан на то, что после Февральской революции на сходы стали пускать и женщин. Они говорили:

⁷ Кизеветтер. 1995: 350.

⁸ Балабанова. 2007: 44.

«Проходите вперед, бабоньки, ведь вы у нас теперь равноправные, вместе воевать пойдём». И получали на это достойный ответ: «Ладно, мы воевать, а вам придется ребят рожать да нянчить»⁹.

На собраниях женщины бдительно следили за принятием резолюций, стремясь проводить решения, выгодные женской половине, поэтому многие постановления о снижении цен, о прекращении продажи спиртных напитков, о запрете вывоза продовольствия за пределы города или уезда, о перераспределении жилой площади принимались по их инициативе. Эту активность важно было направить в условиях усиливавшегося продовольственного кризиса: ведь то, что переживала страна в 1918 и последующие годы, не шло ни в какие сравнения с хлебным дефицитом в столице в феврале 1917 г.

Большевики копировали наиболее плодотворные новации военного времени, в том числе и привлечение женщин к нетрадиционным для них занятиям, например, на железной дороге, предприятиях тяжелой промышленности и в различных учреждениях. Объектом особого интереса новой власти были женщины-простолюдинки – горожанки и крестьянки. «Приручить» тыл в их лице значило для советской власти поднять стабильность своего положения на несколько пунктов. Тем более была гениальной идея пытаться решать наиболее беспокоившие женщин проблемы с их же помощью.

Привлечение женщин в революцию, к активной общественной жизни было важнейшей задачей партии большевиков. Однако на первых порах это представлялось крайне сложной задачей. Вот как выглядит эта проблема в отчете «О состоянии дел в Пинежском уезде Архангельской губернии в марте 1919 г.»:

«Что же касается женщин в деле строительства новой жизни, то последние, хотя и участвуют на общих собраниях и митингах, но активного участия не проявляют, во-первых, по

⁹ ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 21. Л. 6.

своей врожденной уступчивости перед мужчиной, а во-вторых, по своей малосознательности»¹⁰.

В документе затем констатируется, что под влиянием масированной пропагандистской работы, «даже в этой костной среде крестьянства пробивается брешь, число сознательных женщин по волостям доходит до 3-16 [человек] на волость, т.е. зарождается ядро...»¹¹.

Терский совнарком в 1918 г. уделял много внимания работе среди женщин – русских и горянок. Народный комиссар просвещения Л.Я. Маркус сформулировал методы работы в этой сфере, дав на конференции беспартийных женщин интересную рекомендацию: ставить на собраниях не более трех вопросов и заканчивать их практическим делом – открытием клуба, детского сада. Была поставлена задача вовлечения мусульманок в общественную жизнь посредством коллективного производства – огородных артелей, кустарных мастерских. При этом Маркус подчеркивал:

«Коммунистические партии не создают и не поддерживают женских движений, но создают особые аппараты по работе среди женщин...»¹².

Этот же тезис можно встретить во многих разъяснениях, направляемых в низовые женотделы. В письме Псковского губкома в женотдел Островского комитета РКП(б) говорится: партия не признает отдельных женских организаций, кроме тех, которые работают с наиболее отсталой частью женской пролетарской массы (19.05.1920)¹³.

С сентября 1919 г. во главе этой работы стал Женский отдел ЦК РКП(б) (Женотдел) как орган для руководства мероприятиями, направленными на то, чтобы «поставить женщину в центр политической и экономической жизни». Его возглавляли профессиональные революционерки, сначала И. Арманд,

¹⁰ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 44. Л. 2 об.

¹¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 64.

¹² НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 290, 292, 295-298.

¹³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 541. Л. 8.

потом А. Коллонтай. Губернскими и уездными отделами по работе среди женщин руководили, как правило, представительницы образованного слоя – бывшие гимназистки, курсистки. Низовая масса этой структуры – делегатки – формировалась из простых работниц и домохозяек.

Среди работниц среднего уровня встречались как горячие сторонницы работы среди женщин, так и разочарованные таким назначением. Архангельский губком назначил заведующей губернским женотделом Р. Пластинину, однако она женским вопросом практически не занималась, будучи «перегруженной другой работой». И другие женработницы, как отмечалось в докладе женотдела, были «не совсем довольны возложенной... работой среди женщин...»¹⁴. Коммунисткам такая работа была неинтересна, они – по разным соображениям – хотели быть плечо к плечу с мужчинами. Поэтому отправляли на женский фронт всяких неудачниц, притом насильно. Но те, кто всерьез брался за работу, отличался особо радикальным пониманием революционной идеи. Так, некая Федорова была отправлена «на перевоспитание» в промышленный центр, поскольку «нетактично» работала с крестьянками, а именно за призыв женщин «к обыскам у комиссаров, имеющих двое валенок, две шубы...»¹⁵

Большевистская оценка работниц и крестьянок как отсталой части населения наверняка касалась лишь идейной стороны вопроса. Весь материал говорит о сообразительности, силе характера и инициативности женщин, привлеченных к общественной деятельности. А ведь еще Н.А. Добролюбов отмечал, что простолюдники отличаются солидными интеллектуальными способностями:

«Девушка... имеет несколько более свободы предаться своим мыслям. Самый род многих занятий благоприятствует этому: за пряжей, тканьем, шитьем и вязаньем гораздо удобнее думать и мечтать, нежели при сеянье, паханье, жнитве, мольбе, рубке дров и пр. [...] ...Припомнив многие наблюдения над жизнью простонародья, мы находим, что женщины здесь

¹⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 22.

¹⁵ ГААО. ОДПСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 127 об.

вообще более мужчин наклонны к рассуждениям о предметах возвышенных – о душе, о будущей жизни, о начале мира и т.п. [...] На разговор о том, как на свете правды не стало, и как все в мире беззаконствуют, – можно в несколько минут навести всякую бабу»¹⁶.

Взлет женской активности произошел сразу после Февральской революции, и связан он с осознанием солдатками своих прав и недовольством положением дел с оказываемой им помощью. Женщины оказались первыми жертвами урбанизации, когда, в силу существовавшей традиции, мужчина-отходник проживал в городе без семьи, остающейся в деревне. Поэтому случаи «двоеженства» были широко распространены. Городская семья, естественно, была неофициальной, и на нее не распространялись законные льготы. Однако на основании закона «О призрении нижних воинских чинов и членов их семейств» от 25 июня 1912 г. такие браки были уравнены в некоторых правах с церковными. Поскольку «невенчаные» семьи чаще всего проживали в городах, то именно они столкнулись с проблемой дороговизны, и такие «солдатки» стали самыми активными участницами массовых протестных движений. По воспоминаниям ростовской трамвайщицы Анны Коростылёвой, половина солдаток были невенчанными. Сама она в 1914 г. проводила на фронт мужчину, с которым сошлась без венца, потому что оставалась в церковном браке с бросившим ее и бесследно исчезнувшим мужем. Если венчанным женам давали 7 руб. квартирных и на каждого ребенка по 3 руб., то гражданским – квартирных 3 руб., на ребенка по 2 руб. И городские патронессы тоже дискриминировали невенчанных: «законные» наделялись детскими вещами, а «сожительницы» – только мылом и мочалками¹⁷.

Возмущение этой несправедливостью становилось первым опытом публичных выступлений для таких женщин. Но были и другие пути зарождения женской активности в годы Первой мировой войны. Этому послужила антиалкогольная

¹⁶ Добролюбов. 1952: 237-238.

¹⁷ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 4. Д. 603. Л. 9-10.

кампания, которая, разумеется, в первую очередь привлекла внимание именно женщин. Они стали той демократической силой, на которую правительство смогло опереться, проводя эти законы. Как известно, формально они были инициированы «снизу»: именно женщины, жительницы самых отдаленных поселений, представители самых низших социальных слоев, подписывали письма в поддержку запрета на продажу алкоголя до конца войны. А после Февральской революции стали возникать союзы фронтовичек (солдаток), которые приняли на себя обязанности контроля над выдачей пенсий, распределением топлива и продовольствия¹⁸.

Когда в 1919 г. на территории Советской России стали возникать при комитетах партии женотделы, некоторый опыт у женщин-работниц уже был. Делегатки для работы по поручениям женотделов выдвигались или на собраниях работниц или крестьянок, или назначались инструкторами женотделов, партийными организациями и комитетами.

Обзор деятельности женотделов Псковской, Бакинской, Архангельской губерний покажет особенные и общие черты в работе этих органов советской власти.

Полномочия делегатов распространялись на разные сферы рутинной повседневной жизни, которая не замечается, будучи налаженной, но больно ударяет по авторитету власти, если находится в состоянии беспорядка. В своих воспоминаниях бывшие делегатки могли пойти на излишнюю героизацию своей работы, писать о работе на строительстве железнодорожных линий или на лесозаготовках¹⁹, но в действительности им чаще поручался типично женский круг забот. Они следили за доставкой молока в приюты, детдома и молочные кухни, за чистотой этих заведений, распределением одежды и обуви, за их починкой в приютах, наблюдали за выпечкой хлеба в пекарнях, собирали лекарственные травы и сдавали их в аптеки, патронировали госпитали и раздавали раненым и больным солдатам

¹⁸ Сологуб. 1938: 67-70.

¹⁹ Напр.: ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 21. Л. 6.

табак. Ими было выявлено, что мамушки и нянюшки в яслях поили ночью детей кипятком, а не молоком, и при этом не следили за чистотой.

Если для мемуаров псковских делегатов труд на лесозаготовках был выдуманным сюжетом прошлого, то в северных губерниях на эту работу, действительно, посылали женщин, так же, как и на распилку дров, заготовку леса, расчистку от снега железнодорожных путей. Сначала туда посылали по трудповинности девушек из «бывших», но те с такой работой не справлялись, поэтому туда направляли крестьянок и работниц, объясняя, что так надо для пользы дела. Впрочем, в северных губерниях разгрузку барж, распиловку леса на дрова и прочие подобные работы традиционно выполняли женщины.

А вот чисто «женский» характер деятельности делегатов был повсеместен. По сообщению бакинской работницы-текстильщицы Мещановой делегатки наблюдали за столовой и яслями, чтобы не расхищались продукты. Потом, когда для фабрики понадобилось кровельное железо, они ходили по дворам и «брали его на учет»²⁰. В городах такая общественно-полезная деятельность обычно дополнялась демонстрационным моментом: женщинам показывали образцы «светлого будущего», привлекая их таким образом в ряды «сочувствующих». В Архангельске был устроен «Дом работницы»²¹, занимавший 11 комнат богатого особняка. Здесь помещался детский сад, школа грамотности, библиотека, зрительный зал, читальня, столовая. Посуда, книги, мебель, игрушки, швейные машинки и прочее было получено путем реквизиций у имущих горожан. После «приобретения» таким образом рояля стали устраиваться концерты²². Дважды в месяц в Архангельске собирались районные «делегатские женские собрания»; «делегатки» избирались на три месяца.

²⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 11.

²¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 32; Д. 189. Л. 23.

²² ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 20.

Всего было избрано 200 делегатов, однако собрания посещали не более трети избранных²³.

Делегатки как всякие советские активисты волей-неволей противопоставляли себя остальным работникам и односельчанам. На делегатском собрании 19 мая 1920 г. в Псковской губернии делегатов призывали помогать ловить по лесам дезертиров, которые разлагающе действуют на Красную армию²⁴. По сути, их обязывали доносить на односельчан, укравших дезертиров.

Собрания были важным способом влияния на сознание и поведение работниц. Общественность, впрочем, делилась на любителей массовых действий и их неприятелей, однако собрания с чтением лекций на интересные темы готово было посещать большинство²⁵. На собраниях уездных женотделов Псковской области неоднократно выступали доктор Щуриков – об охране «матмлада» (о кормлении грудного ребенка), а также местный агроном с рекомендациями по улучшению почв²⁶. Лектор Крылов прочитал лекцию о матриархате, которая должна показать историчность нынешнего положения в отношениях между полами²⁷. Докладчица Берзинь рассказала о путях изменения положения женщины в скором времени:

«Женщина-работница научилась прокармливать самую себя и нередко содержит детей и даже мужа. Из старых задач семьи остается лишь ведение хозяйства и воспитание детей. Государство и эти задачи снимает с семьи. [...] На место отмирающего домашнего хозяйства идет новое общественное хозяйство, которое в виде широко развитых общественных столовых, центральных кухонь, прачечных, специальных мастерских для штопки белья раскрепостит женщину, чтобы при но-

²³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 41, 42.

²⁴ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 31.

²⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 12.

²⁶ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 620. Л. 58, 59 об., 69 об.

²⁷ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 620. Л. 29.

вом коммунистическом строе сделать ее жизнь полнее, красивее, богаче и свободнее»²⁸.

В целом, для докладчиков на женских собраниях достаточно типично обещание счастья и благополучия в самом недалеком будущем.

О настроении, возникающем на таких лекциях, может поведать случайная находка в одном из архивных дел. На протоколе очередного собрания женщин-делегаток Пскова кто-то учится рисовать звезду. Первые попытки нарисовать контуры звезды, не отрывая карандаш, были крайне неудачными, потом была изобретена хитрая схема: сначала начерчивать пятиугольник, а к нему пририсовывать треугольники²⁹.

Заведующая Псковским губернским женотделом Корнелия Акментынь отмечала, что женотделы должны приспосабливаться к женской психологии³⁰. Например, в отношении проституции они занимали позицию, близкую и понятную замужним женщинам. Проститутки осуждались как нетрудовой элемент; признавалась необходимость их уголовного преследования их за распространение венерических заболеваний³¹. Среди проблем, рассматривавшихся женотделами в 1923 г., был вопрос об отсутствии выходных. Администрация учреждений от дачи объяснений по поводу нарушения трудового законодательства отказывалась. Но женотдел не сдавался, потому что отсутствие свободного времени мешало политическому просвещению работниц.

Примером заступничества женотдела может быть случай с дежурной сестрой приемного покоя городской больницы Губановой. Она ушла со своего рабочего места, чтобы послушать доклад о XII съезде (!), оставив вместо себя мужа. И в это время произошло крушение поезда. И хотя муж принял активное участие в помощи пострадавшим, ей грозило увольнение. Гу-

²⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 12.

²⁹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 74.

³⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 620. Л. 15.

³¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 602. Л. 123.

банова проработала на этом месте 17 лет, и женотдел был намерен отстоять ее³².

Делегаток сначала обучали: они разбирали бухаринскую «Азбуку коммунизма», слушали лекции по истории и политике, а потом и сами вели антирелигиозную пропаганду и разъяснительную работу «против векового угнетения капитала», организовывали революционные праздники и тематические кампании: День красной казармы, Неделю ребенка. Делегаток поощряли: выдавали хлеб, картофель, мануфактуру – до 12 аршин. В 1922-1924 гг. созданная межведомственная комиссия по ликвидации неграмотности – «грамчека» – особое внимание уделяла работе с делегатками. В дальнейшем их направляли в качестве практикантов в советские органы власти, например, в отделы социального обеспечения. Затем они переходили в штат и становились советскими служащими³³. Потом их готовили к вступлению в партию.

В Архангельске на 1-м городском депутатском собрании было сказано, что задача работниц-выдвиженок заменить саботажников и нетрудовые элементы, которые «засели» в советских учреждениях:

«Вы малограмотны, но мы посадим вам спеца, которого вы будете контролировать и заставлять работать»³⁴.

Примечательно, что жалование им полагалось там как «специалистам», однако из-за низкого уровня подготовки занимались они в основном вспомогательной работой. В 1920 г. на собрании коммунистов-делегаток Архангельской губернии было заявлено, что «в связи с польской войной и мобилизацией мужчин, задача – идти в учреждения и выявлять всех саботажников; не позволять буржуазии шипеть, т.е. осуществлять бдительность за контрреволюцией»³⁵. Женщины, отличавшиеся особой исполнительностью, не замедлили выполнить постав-

³² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 620. Л. 19.

³³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 3.

³⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 33.

³⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 44. Л. 4 об.

ленные задачи. Неудивительно, что «делегатки» воспринимались в учреждениях неоднозначно. Работник Собеса, доктор Рабин, возмущался:

«...Для меня не ясно, что представляют из себя делегатки. Они сидят на ответственных работах, а в делах совершенно не разбираются. На “черную” работу их посылать не разрешают, а няня – разве черная работа?»³⁶.

Вместе с тем, ощущая на себе возложенную ответственность, «делегатки» были активны. Можно посочувствовать тем служащим, которые оказались «под пристальным, хозяйским взглядом» выдвигенков. Так, заведующая детскими приютами Архангельской губернии Михайлова обвинялась в том, что она «жена белогвардейского офицера, “белогодина”, интеллигентка»³⁷. Сестры милосердия в госпиталях обвинялись в том, что «любят ухаживать за белой костью... не слышат стоны простого красноармейца»³⁸. Направленная в губпродотдел делегатка Плавская сообщала на собрании о своем опыте:

«Сперва меня засадили за клейку конвертов. Но меня эта работа не могла удовлетворить, и я стала следить за несвоевременным приходом на службу сотрудников, прежде всего принудтрудцев. [...] Я и навела порядок, так что за опоздания... и сам зав. отделом отработал 3 дня на распиловке дров. Я часто слышу колкости и вижу презрительное к себе отношение, но на это мало обращаю внимания... Товарищи, если пойдете в отдел, то старайтесь учиться, чтобы со временем могли заметить негодный элемент»³⁹.

Ту же картину мы видим и в учреждениях Псковской губернии. На общем собрании женщин 153-го эвакупункта и приемника-госпиталя 20 апреля 1920 г. инспектор губернского женотдела Берзинь указала области приложения женских сил: отдел народного образования, отдел социального обеспечения,

³⁶ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 67.

³⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185. Л. 4 об.

³⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 34.

³⁹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

отдел здравоохранения и др. Она подчеркнула, что пока эти отделы заполнены саботирующей обывательщиной:

«Без искреннего желания работать, с врожденной замашкой лени, они живыми куклами составляют одну лишь декорацию бесчисленных советских учреждений, канцелярий. Туда, в это жидкое, гнилое болото должна устремиться наша женщина, чтобы своей добросовестностью и исполнительностью рассеять затхлую атмосферу, пропитанную ядовитым духом царской канцелярии, ворваться свежей струей весеннего воздуха и прогнать сонных буржуазных мух. Но для этого требуется знание дела, требуется безукоризненная грамотность, чтобы занять место заведующей или инструктора в любом Отделе. Отдел по работе среди женщин делегирует выборных представительниц из женских делегатов практикантками, чтобы, познакоившись с постановкой дела на первое время под неукоснительным руководством спеца, впоследствии самой заступить место руководительницы в Отделе. Это даст широкую возможность всякой женщине принять действительное участие в строительстве нового государства. Поэтому нам, делегируя наших представительниц в Женский отдел, надо крайне внимательно, считаясь с желанием и способностями данной женщины, выдвигать кандидатуру»⁴⁰.

Чтобы помочь выдвиженкам снять робость перед авторитетом «спецов», всякий дореволюционный опыт в агитпропработе отвергался. Например, подчеркивалось, что больничные кассы находились в руках предпринимателей, а потому не приносили никакой пользы рабочим; что рабочая инспекция только покрывала хозяев⁴¹. Так рассчитывали выигрышнее представить свою текущую пока скудную работу, в пропагандистских целях огульно отвергался дореволюционный опыт. Слабая система социальной помощи и пороки молодой советской бюрократии вынуждали к тому, чтобы очернять все сделанное ранее. На собрании в госпитале обсуждалось отличие «красных рабочих сестер» от «кадровых квалифицированных казенных сестер «ми-

⁴⁰ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 16.

⁴¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 3.

лосердия»». Но единственное, что отразилось в протоколе, это то, что от «красной сестры» требуется в десять раз больше.

Разумеется, делегатское движение встречало немало трудностей, прежде всего в деревне. С одной стороны, крестьянки были достаточно активны во время войны с немцами, сохраняя от попользования алчных соседей свое имущество. В какой-то степени именно женщинами была спровоцирована «гражданская война» 1918 года в деревне, когда солдаты жаловались мужьям на перенесенные от односельчан «притеснения», подталкивая их к восстановлению справедливости. «Притеснения» состояли, прежде всего, в том, что в ходе земельных переделов 1917 года солдаты оставались обделенными. Они писали мужьям на фронт, а те рвались домой, чтобы наказать инициаторов несправедливого раздела⁴².

Но по возвращению мужчин крестьянки успокоились, и более того, не желали поддаваться на уговоры агитаторов создавать «новый быт». Когда в 1920 г. на делегатском собрании в Каргополе, уездном городе Вологодской губернии, женщин призвали к «раскрепощению труда» за счет создания общей прачечной и столовой, одна из делегаток тут же отвергла предложение: «...Если мы соберемся в столовую, то передеремся, и я первая». Вероятно, она была знакома с практикой создаваемых коммун, где на общей кухне женщины часто «не ладили». Особенно возмущали крестьянок разговоры о новом брачно-семейном законодательстве:

«Говорите, новый брак хороший, а старый плохой. Коммунисты женятся по десять раз и бросают жену на произвол судьбы, лишь только она окажется беременной»⁴³.

Разумеется, вульгарно понятые самими агитаторами идеи «об освобождении женщин от капитала, мужа, детей и хозяйства»⁴⁴ не могли не вызвать смех у крестьянок. Однако отмечалось, особенно во время нэпа, что свобода разводов заставляла

⁴² Крестьянское движение. 1965: 341-343.

⁴³ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 192. Л. 7.

⁴⁴ ГААО ОДСПИ Ф. 10 О. 1 Д. 150 Л. 1об., 2.

мужчин бережнее относиться к своим женам, которые в домохозяйстве прежде всего были работницами.

Общее впечатление от постановки дела в сфере женской работы в Псковской и Архангельской губернии состоит в том, что таковая находила отклик среди части работниц и крестьянок. Кавказский и закавказский материал показывает иную культурную среду и другие методы советской работы.

После советизации Закавказья в Баку (в 1920 г.) и уездных городах и селах (в 1921 г.) стали возникать женсоветы. Бывшая инструктор женотдела Баскакова вспоминала в 1928 г., что в работе с мусульманками нужна была осторожность, говорили в основном о пользе советской власти, а о снятии чадры и религии нет. Мужья-мусульмане запрещали своим женам заведовать женотделами и ходить на собрания. Поэтому чаще «женработу» вели русские женщины, армянки и еврейки. Случалось, что заведующими местными женотделами были мужчины, точнее мальчишки лет 17-18-ти. Они говорили о себе: *я заведывающая* женотделом. Женщина-азербайджанка смелее шла в женсовет, если там был молодой юноша, нежели взрослый мужчина.

В доме у председателя исполкома устраивались «вечеринки» для мусульманок, куда их приглашала жена председателя. Но мужья все равно приглядывали за этими собраниями, потому что боялись, чтобы их жен не научили там чему-нибудь плохому. Они боялись, что женщина бросит семью, разведется с мужем, ведь во всех семьях вне зависимости от веры и национальности мужья били женщин. Среди разводящихся русских было 45%, тюрков – 45%, 10% – всех остальных. Поэтому приходилось говорить женщинам, чтобы слушались мужей и жили с ними мирно. Молодые женщины приходили только с разрешения муллы и в сопровождении родственников. Поэтому их бывало мало. Обычно были старухи и подростки. Если собиралось человек 20, то уже было хорошо. Делегатками тоже были в основном старухи. Они ничему не учились, а женский клуб видели местом для обмена новостями.

Осетинка Е.Е. Баракова несколько иначе оценила роль старух-делегаток. В первые годы советской власти в Северной

Осетии женотделы группировали женщин вокруг производственных школ – кружков рукоделия, вязальных, кройки и шитья, и школ по ликвидации неграмотности. Молодые женщины с охотой посещали бы их. Но, как писала Баракова, «благодаря специфическим бытовым условиям того времени они встречали серьезное сопротивление со стороны родителей, братьев; они обычно запрещали посещать собрания; у них, у молодежи, не было ни опыта, ни авторитета. Но когда во главе женского движения стали авторитетные старые и пожилые женщины, то работа среди женщин пошла успешно». Например, в с. Салугардан женоргом была 70-летняя Хли Урумова – мать двух красных партизан⁴⁵.

Наиболее свободно и без помех работа проходила в женских банях – хахамах. После организации уголков в специальных помещениях стали приобретать музыкальные инструменты, граммофоны. Постепенно на собрания стало приходить больше мусульманок. Их стали оповещать чиновницы, учительницы, бедняки, середняки, жены кулаков, торговцы. Женотдел интересовал женщин, как инстанция в имущественных разделах; ведь если она проигрывала в шариатском суде, то обращалась в женотдел⁴⁶.

Другая делегатка Пятакова рассказала, что в Баку работниц привлекали выдачей сахара, мануфактуры и попутно с этим говорили и советской власти, о равноправии женщин, о яслях и т.д. Ей нравилось, что на занятиях в женотделе изучали древнюю историю и читали. В 1921 г. она стала работать в женотделе в отделе народного образования. И, бросив своих детей, она вся отдалась работе в детских домах. У детей из детдомов были матери, поэтому нужно было работать и с ними. На собрания они не приходили, приходилось ходить по домам. Ей, полуграмотной, доставляло огромное удовольствие работать среди домохозяек по ликвидации неграмотности, вести кружки рукоделия и участвовать в драмкружке.

⁴⁵ ЦГАРСО-А. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 19. Л. 6-7.

⁴⁶ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 2-3.

По воспоминаниям делегатки Мирзоевой интерес мусульманок к женотделам был связан с надеждой найти работу и заработок, поэтому женотделы организовали несколько шерстопрядильных артелей⁴⁷. А женотдел при Псковском губкоме РКП(б) особенно активно занимался организацией обувной школы-мастерской. Это направление работы было наиболее сильной стороной делегатского движения, но оно удавалось, если была в наличии материальная база. По оценке другой бакинской делегатки Дунаевой итоги деятельности в области женской кооперации не оправдали надежд: в артели работали одни старухи и пряли пряжу страшной грязи. Женотдел понес убытки.

Дунаева откровенно охарактеризовала работу женотдела в 1922 г. как упадок и развал. Райком участия в женской работе не принимал. Выборы делегаток происходили на текстильной фабрике в Белом городе так. За полчаса до собрания останавливалась работа, закрывались двери, чтобы никто не ушел, но все равно из 400 чел. на собрании оставалось 40-80. Назначались хорошие докладчики, но даже громкие имена не помогали собрать слушателей⁴⁸. По объяснению женской активистки Унаевой причиной упадка был наступивший голод и взрыв шкурных интересов.

Обычно в мемуарах женщин-активисток утверждается, что к середине 1920-х гг. женотделы и движение делегаток окрепло и в центре страны, и на национальных окраинах. О том же пишут и исследователи⁴⁹. Мы можем, однако, обосновать тезис о резком снижении активности женсоветов в годы нэпа. Это подтверждает, что для большинства женщин была важна не сама общественная жизнь, а вопросы обеспечения своей семьи. Когда государством финансировалось делегатское движение, и делегатки получали особое продовольственное снабжение, они готовы были «подписываться» под любыми идеями, вплоть до «освобождения» от семейных уз. С переходом к

⁴⁷ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 6.

⁴⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 10.

⁴⁹ Юкина. 2006: 154-162.

нэпу, особенно в 1922 г., делегатками быть уже не хотели; на собрания не ходили; старых лозунгов не признавали. Бывали случаи, когда женщин-агитаторов «за волосы» вытаскивали с собраний, а также обвиняли «в корысти». Например, в 1925 г. после доклада о новом брачном и семейном праве с мест слышались возгласы: «Вы, коммунистки, хотите отнять чужих мужей, вот и проводите эти законы»⁵⁰. А в северокавказских республиках были отмечены случаи третирования делегатов со стороны мужской части жителей аулов, которых изолировали от принятия решений на общинном уровне⁵¹.

Кроме того, в период нэпа возникла существенная половая диспропорция среди женского населения в трудоспособных возрастах: из 100 работников 70 были женщинами. Такая ситуация привела к росту активности незамужних девушек, которые устремились в комсомол, в образовательные учреждения. Женщины же, напротив, отошли от общественной деятельности, занятые в хозяйстве. Это выявлено на материалах Архангельской губернии, но нет оснований полагать, что в других местах было иначе. Немногочисленные активистки вызывали недовольство не только мужчин, но и женщин, поскольку их деятельность была направлена на поиски «внутреннего врага» в лице кулаков-эксплуататоров. В этом отношении показательна судьба 30-летней жительницы деревни в пригороде Архангельска Уткиной. Попав под влияние агитаторов, она развелась с мужем, продолжая жить с ним под одной крышей и оставив на нем заботы о парализованной матери и о детях. Сама же через делегатские собрания крестьянок втянулась в активную общественную работу, стала женорганизатором волости, работала в сельсовете, корреспондировала в газ. «Волна», в 1924 г. вступила в партию, ряд лет работала в волостной земельной комиссии, и здесь обнаружила около 30 укрытых от учета участков, которые были впоследствии отобраны и перераспределены. Этим нажила себе врагов. Недоброжелательство вы-

⁵⁰ ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 140. Л. 30

⁵¹ Анчабадзе. 2013: 276-277.

ражалось в коллективных насмешках над мужем, что, мол, он выполняет женскую работу, пока жена в городе «гуляет». Семейная разборка закончилась убийством женщины, и этому преступлению было придано политическое звучание: якобы муж стал слепым оружием в руках классовых врагов⁵².

Пожалуй, заключительная история женотделов, ликвидированных в 1930 г., еще более увлекательна, чем ее начальные страницы.

Что дало делегатское движение участвовавшим в нем женщинам? Многие из них сделали хорошую советскую карьеру, стали успешными партийными и профсоюзными функционерами. В этом их отличие от женщин-красноармеек, которые переживали тяжелый кризис при переходе к мирной жизни, отраженный даже в литературных образах (вспомним «Гадюку» Б. Лавринёва). Эльзой Грундман список таких красноармеек не исчерпывается. Калмычка Нарма Шапсукова, вступив в 1918 г. в отряд Маруси Никифоровой, воевала в корпусе С.М. Буденного, рубилась в сабельном бою наравне с мужчинами. После контузии долго болела, у нее ослабели память и слух. После войны пыталась учиться, но не осилила учебную нагрузку. Когда ее награждали в Кремле орденом Красного знамени в связи с 15-й годовщиной 1-й Конной армии, она видела в одном из залов картину «Нарма Шапшукова ведет в атаку»⁵³. Хотя она и несла ряд общественных «нагрузок», была членом президиума Калмоблисполкома, членом президиума горсовета г. Элисты, но в 1930-е гг. работала старшей дояркой в кумысолечебнице⁵⁴. Пулеметчица Мария Канская, получившая в боях ранение и контузию, после войны работала в артели инвалидов, а потом долго была безработной⁵⁵.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 52. Л. 48.

⁵³ Картина художника В. Сварога называется «Подвиг Нармы Шапшуковой в бою с белыми».

⁵⁴ Исбах. 1938: 88-94; НАРК. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

⁵⁵ ГАРО. Ф. Р-3442. Оп. 1. Д. 43. Л. 3, 5, 9.

Советский вариант женской эмансипации – результат многих процессов. Немаловажную роль в этом сыграли и индустриализация, и урбанизация, и Первая мировая война. Из-за отсутствия мужчин, которые были на фронте или на заработках, женщины в силу обстоятельств взяли на себя мужские роли. А вот потом – в период военного коммунизма – они оказались впереди со своими потребностями любым способом прокормить семью и того же мужа.

Особенность русской революции в части ее влияния на женскую эмансипацию в том, что она уравнила женщину с мужчиной не столько в правах, сколько в обязанностях. Весьма примечательной выглядит цитата из приказа, изданного в феврале 1920 г. командующим Терской группой Красных повстанческих войск:

«...Женщины также должны работать, как и красноармейцы – честно и безропотно. Революция одинакова как для мужчин, так и для женщин»⁵⁶.

Официальный эгалитаризм взвалил на советскую женщину тройную нагрузку – на производстве, в общественной жизни при сохранении домашних обязанностей. После исключения в 1991 г. из УК РСФСР статьи 209 (о тунеядстве) у женщин появилась возможность при желании посвятить себя семье и частной жизни, не занимаясь «общественно полезным трудом» и не работая по найму, что рассматривалось как достижение, а не как откат назад.

*Ольга Михайловна Морозова,
д.и.н., доцент, профессор Донского государственного
технического университета, Ростов-на-Дону.
+7 9281540294; olgafrost@gmail.com*

*Татьяна Игоревна Трошина,
д.и.н., доцент Северного (Арктического)
федерального университета, Архангельск.
+7 9115710466; tatr-arh@mail.ru*

⁵⁶ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 262.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

АПД УДПАР. – Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики.

Балабанова. 2007. – *Балабанова А.* Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897-1938 / Пер. с англ. А.А. Карповой. М., 2007.

ВОАНПИ. – Вологодский областной архив новейшей политической истории.

ГАО. ОДСПИ. – Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории.

ГАНИПО. – Государственный архив новейшей истории Псковской области.

ГАРО. – Государственный архив Ростовской области.

Добролюбов. 1952. – *Добролюбов Н.А.* Черты для характеристики русского простонародья (Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1859) // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. М., 1952.

Кизеветтер. 1995. – *Кизеветтер Е.Я.* Дневник 1905-1907 гг. // Российский архив. Т. 5. М., 1995.

Крестьянское движение. 1965. – Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914- февраль 1917 гг.: сб. документов. М.-Л., 1965.

НАРК. – Национальный архив Республики Калмыкия.

НА СОИГСИ. – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

РГАСПИ. – Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦГАРСО-А. – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

ЦДНИРО. – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

ЛИТЕРАТУРА

Анчабадзе. 2013. – *Анчабадзе Ю.Д.* Горянка на трибуне (по материалам съездов женщин Северного Кавказа; 1920-е годы) // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет

настоящее: Материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ. М.-Нальчик, 2013.

Дубинина. 1981. – *Дубинина Н.И.* Победа великого Октября и первые мероприятия партии в решении женского вопроса // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981.

Исбах. 1938. – *Исбах А.* Нарма Шапсукова // Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе и Украине в 1917 – 1920 гг. / Сост. И. Разгон, В. Горбункова и А. Мельчин. Б.м., 1938.

Исбах. 1963. – *Исбах А.А.* Товарищ Абсолют [о Е.Д. Стасовой]. М., 1963.

Иткина. 1970. – *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Страницы жизни А.М. Коллонтай. 2-е изд. М., 1970.

Казарова. 1998. – *Казарова Н.А.* Лидия Дан // Вопросы истории. 1998. № 7.

Лотман. 2000. – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.

Достоевский. 1990. – *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990.

Писарев. 1903. – *Писарев Д.И.* «Парижские письма» М.Л. Михайлова // *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. в 6-ти т. СПб., 1903. Т. 1.

Пржиборовская. 2008. – *Пржиборовская Г.А.* Лариса Рейснер. М., 2008.

Сологуб. 1938. – *Сологуб А.* «Невеста» // Женщина в Гражданской войне.

Томашевский. 1969. – *Томашевский Ю.* Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. М., 1969.

Ткаченко. 1961. – *Ткаченко П.С.* Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961.

Успенская. 1997. – *Успенская В.И.* Суфражизм в истории феминизма // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997.

Фурье. 1938. – *Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. М., 1938.

Шейнис. 1938. – *Шейнис З.С.* Путь к вершине: Страницы жизни А.М. Коллонтай. М., 1987.

Юкина. 2006. – *Юкина И.И.* Феминизм в СССР // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М., 2006.

ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

И.И. Болдырева

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ (VII – XI вв.)

Ключевые слова: гендерные стереотипы, англосаксонское общество, средневековые женщины, культура раннего средневековья, древнеанглийский эпос, англосаксонские завещания, библейская Ева, Эмма Нормандская.

Аннотация: Статья посвящена гендерным стереотипам в ранне-средневековой Англии. По мнению автора, они определялись бытовыми нуждами и суровыми политическими реалиями периода «темных веков». При этом восприятие женщины англосаксами было неоднозначным. Такая противоречивость была обусловлена тесным взаимодействием варварского и христианского мировоззрения в раннесредневековой английской культуре. Источниковую основу исследования составили памятники героического и религиозного эпоса англосаксов, отдельные агиографические сочинения, завещания, а также «Похвала королеве Эмме» - панегирик, составленный в середине XI в. в честь вдовы Кнута Великого, одной из самых влиятельных женщин своего времени.

В конце IX в. король западных саксов Альфред писал, что завещает свои земли «по линии копья» (*on þa sperehealfe*) и «по линии прялки» (*on þa spinlhalfe*)¹. Используя две яркие метафоры для характеристики своих завещательных стратегий, Альфред апеллировал к одной из центральных концепций социокультурного пола, получивших распространение в его время.

Историческое развитие Британии периода раннего средневековья можно считать уникальным. Для этих территорий,

¹ SEHD. 1914:19.

отделенных от европейского континента естественной преградой, были характерны замедленные темпы складывания феодальных отношений. Христианство у англосаксов распространяется относительно поздно, что обеспечивает длительное присутствие элементов варварской ментальности в англосаксонской культуре и их тесное взаимодействие с мировоззрением, принесенным новой религией. В этом сложном культурном пространстве формируется система социальных представлений раннесредневекового английского общества.

Источники для изучения гендерных стереотипов англосаксонской культуры достаточно разнообразны. Это нарратив, документы, законодательные свидетельства. Значимое место среди исторических текстов, раскрывающих особенности восприятия женщины в раннем английском обществе, принадлежит литературным памятникам и, в частности, эпической традиции, сохранившей социокультурные реалии той эпохи. Самым известным образцом древнеанглийского эпоса является «Беовульф», текст которого, по различным оценкам, сложился в VII – X вв. на основе старинных преданий, восходящих к континентальному прошлому германцев².

Судя по эпическим памятникам, мужские и женские социальные роли воспринимались англосаксами неодинаково. Эти различия были во многом обусловлены средневековой повседневностью. В «темные века» для мужчины самыми значимыми качествами считались отвага, искусность в военном деле, верность своему конунгу. Вожди, успешно защищавшие свои территориальные владения, а также их дружинники становились настоящими народными героями. Особое внимание памятники эпоса уделяют мотиву поиска воинской славы, составлявшей одну из главных ценностей героического общества.

Англосаксонской аристократке социальный эталон предписывал качества, в известной степени противоположные. В женских образах «Беовульфа» и «Видсида» воплощен один из

² The Dating of Beowulf. 1997.

ключевых для англосаксонской культуры социальный стереотип миротворицы. По отношению к женщинам тексты этих памятников используют поэтические метафоры *freoduwebbe*³ и *freodusibb*⁴, буквально «пряжа мира», «залог мира». В «Беовульфе» пряжей мира иронично названа королева Трюд, убивавшая своих женихов. По словам анонимного автора, гордая Трюд своими руками ткала узы смерти (*ac him wælbende weotode tealde / handgewriþene*) для тех, кто хоть раз осмеливался посмотреть на нее⁵. Поэма трактует такую модель поведения как асоциальную и неприемлемую для благородной дамы:

*Не к лицу то властительнице,
не пристало то женщине,
даже лучшей из жен,
пряжа согласья,
по злобе, наветам
лишать жизни
мужей неповинных*⁶.

Правда, из дальнейшего текста мы узнаем, что коварная Трюд исправилась, и, заключив брачный союз с конунгом Оффой, стала образцовой женой и правительницей⁷.

По мнению Дж. Чанс, роль средневековой женщины – миротворицы отчасти определялась биологическими функци-

³ OCOEP. Beowulf, 1942; OCOEP. Widsith, 6. Здесь и далее оригинальные тексты памятников древнеанглийского эпоса приводятся по электронному изданию Online Corpus of Old English Poetry (OCOEP). Этот проект был запущен в 2005 г. университетом г. Калгари (Канада) под руководством профессора Мюррея МакГилливрей. В сносках указывается название произведения и номер строки.

⁴ OCOEP. Beowulf, 2017.

⁵ OCOEP. Beowulf, 1936 – 1937.

⁶ Ne bið swylc cwenlic þeaw
idese to efnanne, þeah ðe hio ænlicu sy,
þætte freoduwebbe eores on sæce
æfter ligetorne leofne mannan.

(OCOEP. Beowulf, 1940 – 1943). Русский текст «Беовульфа» цитируется в переводе В. Г. Тихомирова: Беовульф. 1975: 27 – 180.

⁷ OCOEP. Beowulf, 1944 – 1952.

ями матери, которая в своих детях смешивает кровь двух разных кланов⁸. В обществе, постоянно находившемся под угрозой военных конфликтов, эта функция была чрезвычайно важна. Ее брали на себя представительницы высшей знати. Одна из героинь «Беовульфа» Хильдебурга, супруга фризского конунга, после трагической гибели сына и брата в междоусобной расправе символически соединяет их тела на погребальном костре, стремясь до конца выполнить роль *freodiuwebbe*, отведенную ей в ее культуре:

*И тогда на костер
золотые сокровища
вместе с воином,
героем Скилдингом
были возложены*

...

*По желанию Хильдебург
там на ложе огня,
рядом с Хнэфом лежал
сын ее благородный,
дабы плоть его
вместе с дядиной
жар костровый истлил⁹.*

⁸ Chance. 1986:1 – 3.

⁹ Ad wæs geæfned ond icge gold
ahæfen of hode. Herescyldinga
betst beadorinca wæs on bælg gearu

...

Het ða Hildeburh æt Hnæfes ade
hire selfre sunu sweoloðe befæstan,
banfatu bærnan ond on bælg don
eame on eaxle.

(ОСОЕР. Beowulf, 1107 – 1109, 1114 – 1117).

Женские персонажи «Беовульфа» неоднократно оказывались в центре внимания зарубежных исследователей, интересующихся особенностями англосаксонского литературного стереотипа аристократки. Нередко отмечалась их второстепенность, пассивность и трагичность, в противовес образам доблестных конунгов-воителей (Hill J. 1990; Overing. 1990: 76 - 81). Такой подход справедлив лишь отчасти, поскольку

С другой стороны, социальный стереотип миротворицы реализуется в различных дворцовых церемониях, участницами которых становятся аристократки. Выполняя обязанности радушной хозяйки, подносящей на пиру пенный кубок гостям и дружинникам своего супруга, эпические королевы сплачивают героическое общество эмоционально и символически:

*вышла Вальхтеов,
блистая золотом,
супруга Хротгара,
гостей приветствовать
по древнему чину:
высокородная
вождю наследному
вручила первому
чашу пенную*

...

*затем гостей
обходила Вальхтеов
с полной чашей,
потчюя воинов,
старых и юных...*¹⁰

Неотъемлемой характеристикой целого ряда эпических героинь является их мудрость¹¹. Роль этих женщин не своди-

не до конца учитывает жанровую специфику героического эпоса, повествующего о кровавых распрях и ратных подвигах. Кроме того, мотив обреченности героя присутствует в германском эпосе изначально (Гуревич. 1978), но в зависимости от гендерного фактора реализуется по-разному.

¹⁰ Eode Wealhþeow forð,
cwen Hrotgares, cynna gemyndig,
grette goldhroden guman on healle,
ond þa freolic wif ful gesealde
ærest Eastdena eþelwearde

...

Ymbeode þa ides Helminga
duguþe ond geogoþe dæl æghwylcne,
sincfato sealed
(ОСОЕР. Beowulf, 612 – 616, 620 – 621)

ма к церемониальной, и они пытаются оказывать влияние на принятие важных политических решений, касающихся судеб народа и престола. Проявляя заботу о своем племени, вдова конунга геатов Хюгд предлагает возвести на престол Беовульфа¹². На пиру во дворце конунга Хротгара его жена Вальхтеов обходит каждого воина с чашей меда в руках. Произнося приветственные речи, она пытается убедить мужа не отдавать датский трон Беовульфу, который, по ее мнению, не станет отстаивать интересы их детей¹³.

Вальхтеов – не просто хозяйка пира, но авторитетная советчица. Ее совет звучит в присутствии гостей. Эта публичность свидетельствует не только о том, что к женскому совету прислушивались в семье, но в известной степени легитимирует политическую активность королев, демонстрируя, что Вальхтеов действует в рамках традиции и в соответствии с представлением о своем правовом статусе.

Гораздо сложнее женский совет воспринимался в христианской книжности. Здесь он нередко ассоциируется с влиянием темных сил, ярким примером чему является «Житие св. Уилфреда» (VIII в.) – одно из первых агиографических сочинений, написанных в раннесредневековой Англии¹⁴. На протяжении VII – VIII вв. представительницы англосаксонских правящих династий обладали значительным политическим влиянием. Автор жития относился с большим пиететом к социальной активности ранних англосаксонских аббатис, многие из которых были членами королевских семей¹⁵. Однако совет Ирминбурги, второй жены короля Нортумбрии Экгфрида, он изображает как результат дьявольского воздействия и называет женщину «неможным сосудом» (*vasa fragilia*)¹⁶.

¹¹ ОСОЕР. Beowulf, 626, 1927.

¹² ОСОЕР. Beowulf, 2367 – 2379.

¹³ ОСОЕР. Beowulf, 1169 – 1187.

¹⁴ Eddius Stephanus. 1985.

¹⁵ Eddius Stephanus. 1985:78, 128 – 133.

¹⁶ Eddius Stephanus. 1985:48.

Конфликт между святым и Ирминбургой, в ходе которого король принимает сторону жены, агиограф не просто помещает в духовную плоскость, что объяснимо спецификой жанра, но при этом обращается к военной символической. Он изображает королеву в образе воина, сравнивая ее злые речи с ядовитыми стрелами (*sagittas venifica*), ранящими сердце короля¹⁷. Как женщина Ирминбурга – легкая добыча для дьявола. Однако с точки зрения эпической этики она также не справляется со своими женскими обязанностями. Вступая в военный конфликт, пусть даже на духовном уровне, Ирминбурга резко дистанцируется от идеала «пряжи мира», предназначенного ей в традиционной культуре.

Подозрительное отношение клириков к женскому совету было отчасти обусловлено образностью Св. Писания, где в роли плохих советчиц выступают жена израильского царя Ахава Иезавель и праматерь Ева, которая «заперла врата Небесного Царствия» (*ús beleac heofenan rices geat*)¹⁸. Агиограф прямо сравнивает Ирминбургу с Иезавелью¹⁹. Снисходительное отношение к женщине как к существу духовно слабому также присутствует в «Церковной истории» Беда Почтенного, где Беда, цитируя папу Григория Великого, сравнивает Еву с плотью, Адама – с духом: «*Eva velut caro delectate est, Adam vero velut spiritus consenait*»²⁰. Интересно, что в англосаксонском религиозном эпосе «Юлиана» (VIII – IX в.) советчиком и распорядителем на пиру выступает не высококордная дама, а сам дьявол, который вселяет в сердца воинов греховные помыслы²¹. Такое художественное решение

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ælfric. 1979:11.

¹⁹ Eddius Stephanus. 1985:48. В раннее средневековье и в Англии, и на континенте христианские книжники сравнивали с библейской Иезавелью наиболее одиозных королей, проявлявших серьезную политическую активность и соперничавших с церковными иерархами. См. об этом: Nelson. 1978.

²⁰ Beda Venerabilis. 1969:100.

²¹ ОСОЕР. Juliana, 483 – 490.

можно рассматривать как пародию на властных аристократок, отражающую социальный стереотип женщины-Евы, склонившей праотца ко злу.

Одним из памятников англосаксонской книжности, где воспроизводится этот стереотип, является эпическая поэма «Бытие», написанная по мотивам известного ветхозаветного сюжета²². Однако здесь грехопадение приобретает иную трактовку. Если в Св. Писании возгордившаяся праматерь поддается уговорам змея, желая себе и Адаму возвыситься до Бога, то согласно логике анонимного автора, Ева, совершая первоначальный грех, руководствуется благими намерениями. В древнеанглийской поэме змей предстает перед прародителями в образе небесного ангела и убеждает их «выполнить волю Божью» – отведать запретный плод. Сначала он пытается поговорить с Адамом, очевидно, как с главным в семье, и лишь затем обращается к обладающей меньшей силой духа Еве. При этом в двух своих диалогах, с мужчиной и женщиной, враг использует совершенно разные методы убеждения. Предлагая Адаму вкушать запретный плод, он обещает ему личные выгоды: силу, могущество, разум, физическую красоту, похвалу и милость у Всевышнего²³.

Ведя диалог с Евой, искушитель активно эксплуатирует представления о женщине как о миротворице, любящей жене и матери. Разговор с Евой дьявол начинает не с обещаний, а с угроз. Он заявляет, что если она ослушается Бога, ее потомки будут сурово наказаны. Адам уже пренебрег повелением Творца, и теперь только Ева может отвратить от них обоих Божье возмездие, то есть примирить Адама с Богом:

²² Стихотворная книга Бытия – одна из четырех поэм, составляющих «Codex Junius», англосаксонскую рукопись XI в. Эпизод грехопадения (строки 235 – 851), находящийся в центре нашего внимания, отличается особой художественной и смысловой самобытностью. Эти строки представляют собой интерполяцию в основной текст поэмы и могут быть датированы X в. Более подробно об этом см. комментарии О.А. Смирничкой: Древнеанглийская поэзия. 1982: 293 – 304.

²³ OCOEP. Genesis, 499 – 507.

он сказал, что великие
 беды ее потомкам
 тут уготованы,
 в этой стране, отныне:
 «Ибо, я знаю гневом
 господь исполнится,
 коль вернусь я без пользы
 из дальних пределов
 и должен буду весть ему поведать
 о том, что вы, двое,
 пока еще не покорны
 его приказу, с востока
 ныне посланному мною

...

сама помысли,
 ты можешь спасти
 сегодня
 вас обоих от божьей кары,
 как тебе укажу я²⁴.

Принимая врага за посланника Небес, Ева боится послушаться Всевышнего и навлечь его гнев на мужа и своих будущих детей. Основным мотивом ее поступка книжник считает не гордыню, а банальное стремление женщины защитить свою семью. В понимании англосаксонского поэта, Ева как

²⁴ cwæð þæt sceaðena mæst
 eallum heora eaforum æfter siððan
 wurde on worulde: “Ic wat, inc waldend god
 abolgen wyrð, swa ic him þisne bodscipe
 selfa secge, þonne ic of þys siðe cume
 ofer langne weg, þæt git ne læstan wel
 hwilc ærende swa he easten hider
 on þysne sið sendeð.

...

Gehyge on þinum breostum þæt þu inc bam twam meaht
 wite bewarigan, swa ic þe wisie.

(ОСОЕР. Genesis, 549 – 556; 562 – 563). Русский перевод приводится по изданию Древнеанглийская поэзия. 1982. под редакцией О.А. Смирницкой и В.Г. Тихомирова.

заботливая, но неразумная жена, заслуживает снисхождения. Он дважды отмечает слабость ее женского ума²⁵.

Другой трагедией Евы оказывается ее стремление «владычить» над мужем (*Meaht þu Adame eft gestyran*)²⁶. Именно к этому склоняет ее искуситель. «Увещевай же его усердно» (*Span þu hine georne*), – советует он²⁷. Адам «подпал ее воли» (*wendan to hire willan*)²⁸, «от жены получил он ад и смерть» (*He æt þam wife onfeng helle and hinnisið*)²⁹, – пишет анонимный поэт, не разделявший нашедшее отражение в героическом эпосе представление о женщине как мудрой советчице, к которой должен прислушиваться супруг. Это представление вступало в противоречие с христианской доктриной, предельно четко сформулированной в одном из посланий апостола Павла: «А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии»³⁰.

Интересный материал, дополняющий образы эпических героинь, предоставляют отдельные древнеанглийские афоризмы. Приоткрывая завесу над прозаичными буднями, они очерчивают круг обязанностей образцовой жены. Супружеская верность, умение обеспечить заботу мужу, сохранить тепло домашнего очага – вот те основные качества мирянки, которые высоко ценились обществом.³¹ В эксетерских гномах представительницам прекрасного пола рекомендуется оставаться дома (*Famne æt hyre bordan geriseð*), а не расхаживать всюду, тем самым, давая почву слухам (*widgonged wif word gespringeð*)³². Подобное поведение женщины, не одобрялось

²⁵ «hæfde hire wacran hige metod gemearcod» (ОСОЕР. Genesis, 590 – 591); «wifes wac geþoht» (ОСОЕР. Genesis, 649).

²⁶ ОСОЕР. Genesis, 568.

²⁷ ОСОЕР. Genesis, 575.

²⁸ ОСОЕР. Genesis, 717.

²⁹ ОСОЕР. Genesis, 717 - 718.

³⁰ 2 Тимоф. 2:12

³¹ ОСОЕР. Maxims I, 95 - 104.

³² ОСОЕР. Maxims I, 63 - 64.

обществом и способствовало закреплению за ней репутации ненадежной жены.

Если традиционной сферой мужского у англосаксов выступают морские просторы и поля сражений, женское социокультурное пространство ограничено домом и семьей. Представления о мужчине как воине и женщине как домохозяйке и хранительнице домашнего очага находят отражение в текстах англосаксонских завещаний. Эта категория источников появляется сравнительно поздно – лишь с IX в.³³ В то время как материальная культура мужских завещаний тесно связана с публичностью и военной сферой, среди предметов, фигурирующих в завещаниях англосаксонских аристократок, – домашняя утварь, постельное белье (*bed-reaþ*), сундуки (*mydrece*, *castenere*), коврики для стульев (*sethægl*), дамская одежда и украшения³⁴. Женские завещания упоминают браслеты (*beáh*), броши (*preón*), платья (*cyrtel*), туники (*tunec*), накидки (*mentel*), несколько видов головных уборов (*binde*, *cuffie*)³⁵.

³³ Всего от англосаксонского периода сохранилось около восьмидесяти грамот-завещаний. Подавляющее большинство было составлено на народном древнеанглийском языке. Менее двадцати из них принадлежит женщинам. На сегодняшний день самым полным исследованием раннесредневековых английских завещаний является монография британского историка Линды Толлертон «Завещания и завещательная практика в англосаксонской Англии»: Tollerton. 2011.

³⁴ Anglo-Saxon Wills. 1930: 10-15, 20-21, 34-35, 38-39, etc.

³⁵ Особенно богатый гардероб завещала своим родственницам Уинфлед, жившая в середине X в. (Текст завещания Уинфлед см.: Anglo-Saxon Wills. 1930: 10-15). Ее младшая современница Этельгифу не просто перечисляет свои платья, но дает их описание, указывая цвет, наличие или отсутствие отделки: «Своей родственнице Вульфвинн я завещаю блюдо и брошь и гобелен, а также покрывало на стул и лучшее постельное белье и самое яркое платье... Беорнвинн – мое голубое платье, которое не отделано снизу, и лучшие головные уборы. Три пурпурных платья должны получить Луфитат, Эльфгифу и Годифу. А Вульфгифу – некоторые из моих темных платьев...». (7 Wulfwunne mire mægan ane bledu 7 anne preon 7 an wahriþt 7 an sethregl 7 eal betstow swylce heo þærto betst hæfð 7 hire rotostan cyrtel... 7 selle mon Beorn-

Особую группу предметов, достаточно часто завещающую представительницами знати, составляли гобелены (*heall-reáf*, *heall-wahrift*, *búr-reáf*)³⁶, традиционно ассоциировавшиеся с женским рукоделием и ткачеством. Стереотип женщины-рукодельницы присутствует в памятниках древнеанглийского эпоса, где используется метафора «пряжа мира». Вероятно, гобелены изготавливали сами аристократки. Отдельные указания на то, что было изображено на этих полотнах, сохранились в ряде источников. Так, например, хроника Илийского аббатства «*Liber Eliensis*», составленная в XII в., сообщает, что вдова элдормена Брихтнота, погибшего в битве при Мэлдоне (991 г.), оставила монастырю гобелен с изображением славных деяний своего покойного супруга³⁷. По всей видимости, здесь присутствовали батальные сцены, подобные тем, что на знаменитом гобелене из Байо, органично соединившие традиционно женское ремесло с образами войны.

В мужских завещаниях место гобеленов, домашней утвари и дамских нарядов занимает оружие. Однако отличия мужских и женских завещаний заметны не только на уровне материальной культуры, но также на уровне отдельных правовых особенностей. Завещание получало силу закона только после того, как его одобрял король. С этой целью англосаксонская правовая практика предусматривала выплату государственного посмертного побора, который в источниках именуется *heriot*. Во втором кодексе Кнута Великого (ок. 1020 г.) выплата посмертного побора получила законодательное оформление. Этот разовый налог должны были платить представители служилой знати, эрлы и тены. В зависимости от ступени, которую занимал завещатель в социальной иерархии, объемы

wynne mine blæwenan cyrtel is neaþene unrenod 7 hire betstan heafordgewædo 7 selle man Lufetate 7 Ælfgifu 7 Godwife hire .iii. godwebbenan cyrtlas 7 Wulfgifte selle mon oðera hire dunnan cyrtla...). *Charters of St. Albans*. 2007: 146-147.

³⁶ *Charters of St Alban's*. 2007: 146; *Anglo-Saxon Wills*. 1930:14, 64, etc.

³⁷ *Liber Eliensis*. 1962:136.

посмертного побора различались, но содержание оставалось неизменным. Согласно законодательству, помимо определенного количества золота и коней посмертный побор включал в себя оружие и доспехи, а именно, мечи, щиты, копья, шлемы, кольчуги³⁸. Приблизительно тот же набор с определенными модификациями фигурирует в качестве *heriota* в англосаксонских мужских завещаниях. По мнению некоторых исследователей, *heriot* восходит к древнегерманской традиции возвращения вождю после смерти дружинника ранее подаренного им оружия, имевшей как практическое, так и символическое значение³⁹. В позднесаксонской Англии символическая значимость *heriota* отчасти сохранялась, так как мужские образы позднесаксонской культуры – это, прежде всего, образы воинов, что мы можем наблюдать на примере исторических песен того времени, в основе сюжета которых драматичная борьба англосаксов и скандинавов⁴⁰.

О тарифах посмертного побора для представительниц нобилитета законодательные кодексы ничего не сообщают. В женских завещаниях термин *heriot* появляется всего один раз. Его упоминает дама по имени Вульфгит⁴¹. Что входило в ее *heriot*, нам не известно. Между тем многие завещательницы оставляли богатые дары государю, которые можно рассматривать как особую форму посмертного побора. Благодаря различиям сфер мужского и женского в раннесредневековой культуре посмертный дар англосаксонской аристократки королю отличался от привычного *heriota*. Сюда входили предметы одежды, чашки, сосуды. Лишь вдова короля Эдмунда Эльфгифу завещала его преемнику щиты и копья (*scylda and spæra*)⁴².

³⁸ Die Gesetze der Angelsachsen. 1903: 356, 358.

³⁹ Brooks. 2000.

⁴⁰ Прежде всего, это «Битва при Брунанбурге» и «Битва при Мэлдоне». Русский перевод см.: Древнеанглийская поэзия. 1982: 133-137, 137-156.

⁴¹ Anglo-Saxon Wills. 1930: 84.

⁴² Anglo-Saxon Wills. 1930: 20.

Судя по памятникам древнеанглийской народной поэзии, наиболее важные социальные роли любой женщины реализовывались дома, в семье. Это были роли хозяйки, жены и матери. Один из наиболее ярких женских образов англосаксонской культуры – образ любящей матери. В эпосе «Беовульф» и плохие, и хорошие женщины заботятся о своих детях и испытывают сильные эмоции, когда теряют детей. Одна из центральных женских фигур древнеанглийского эпоса – безымянная мать чудовища Гренделя (*Grendles modor*), которая мстит Беовульфу и данам за убийство сына⁴³. В образе матери Гренделя воплощен эпический антипод женского идеала англосаксов. Поведение матери Гренделя противоречит традиционным социальным моделям, отведенным женщине в англосаксонском обществе. В отличие от «прах мира» и хранительниц домашнего очага она несет смерть и разрушение. В тексте источника она названа воином (*secg*) и разрушителем (*mihhtig manscaða*)⁴⁴. Мать Гренделя – существо в женском обличье (*ides onclinæs*)⁴⁵, которое одновременно обладает зооморфными чертами. Они выражены в таких определениях, как «*wif unhyre*», «*ides aglæcwif*».⁴⁶ Местом обитания этой «морской волчицы» (*seo brimwylf*) являются «чертоги битвы» (*niðsele, guðsele*), заменяющие ей традиционный домашний очаг⁴⁷. Ее семейный статус сомнителен, ведь отец Гренделя не известен⁴⁸.

Узнав о гибели сына, который регулярно нападал на племя данов и убивал их славных воинов, его мать решает мстить. Одной из ее жертв становится любимый дружинник короля Хротгара, и лишь Беовульфу удается ее остановить в битве один на один⁴⁹. Мать Гренделя – опасный противник для Беовульфа. Отправляясь в бой, Беовульф осознает, что его

⁴³ ОСОЕР. Beowulf, 1276 – 1344.

⁴⁴ ОСОЕР. Beowulf, 1339, 1379.

⁴⁵ ОСОЕР. Beowulf, 1351.

⁴⁶ ОСОЕР. Beowulf, 2120, 1259.

⁴⁷ ОСОЕР. Beowulf, 1506, 1513, 2139.

⁴⁸ ОСОЕР. Beowulf, 1355 – 1357.

⁴⁹ ОСОЕР. Beowulf, 1321 – 1569.

исход непредсказуем. Однако как женщина она физически слабее мужчины:

*И все же не слишком
страшна врагinya –
не так ведь могуча
жена в сражении,
как муж, подъявший
молотокованный,
кровью запятнанный
меч остролезвий⁵⁰.*

Другой устойчивый стереотип, нашедший отражение в образе матери Гренделя, – женская трусость. Чудовище спешно покидает Хеорот, опасаясь дружинников Хротгара⁵¹. Известно, что побег воина с поля сражения англосаксы считали большим позором. В «Жизнеописании короля Альфреда», рассказывая о битве своих соотечественников со скандинавами (860 г.), епископ Ассер писал, что викинги обратились в бегство, «подобно женщинам» (*muliebriter*)⁵².

Если для мужчины, с точки зрения дружинной этики, месть за соратника или господина считалась нормой, эпическим королевам оставалось лишь оплакивать своих погибших родственников⁵³. В англосаксонской культуре следование

⁵⁰ Wæs se gryre læssa
efne swa micle swa bið mægþa cræft,
wiggryre wifes, be wæpnedmen,
þonne heoru bunden, hamere gefuren,
sweord swate fah.

(ОСОЕР. Beowulf, 1282 – 1286).

⁵¹ ОСОЕР. Beowulf, 1292 – 1293.

⁵² Asserius. 1904: 18.

⁵³ Женская месть в значительно меньшей степени характерна для англосаксонской культуры, нежели для ранней скандинавской. Брюнхильд, Гудрун, Халльгердр из «Старшей Эдды» никогда не репрезентируются как антигероини. В их образах воплотилось весьма двойственное отношение скандинавов к представительнице прекрасного пола как к гордой и волевой подстрекательнице кровавых междоусобиц, но также и ревностному стражу своей семьи и семейной чести.

женщиной мужским моделям поведения было приемлемым только в том случае, если она претендовала на святость. Такое мировоззрение отражено в агиографической традиции периода, и, по всей видимости, восходит к трудам апостола Павла, который в послании к галатам утверждал, что среди принявших крещение нет мужчин или женщин, но все едины во Христе⁵⁴. Так, святая Перпетуя из «Древнеанглийского мартиролога», еще будучи девочкой, мечтает быть похожей на мужчину, держать в руке меч и отважно сражаться. Когда Перпетуя вырастает, ее мечты осуществляются, и она «с мужской решимостью» (*mid werlice gebohhte*) вступает в борьбу с язычниками и дьяволом⁵⁵. В феномене женской святости англосаксонские книжники отводили важное место мужским качествам. В одной из своих проповедей аббат Элфрик, английский богослов, живший на рубеже X – XI вв., писал:

«Люди, приближающиеся к Божественной трапезе, должны быть «мужественно сложены», как о том говорил апостол: 'Будьте бдительны и твердо стойте в вере своей, стойте мужественно и будьте вознаграждены'. И если женщина окажется «сложена по-мужски» и ревностна в исполнении воли Божьей, она будет сопричтена мужам, собравшимся за трапезой Господней»⁵⁶.

В X в. у англосаксов появляются адаптированные переводы раннехристианских мучеников, повествующих о духовном подвиге святой Евгении и святой Ефросиньи, носивших мужское платье⁵⁷. Из всех святых героинь древнеанглийской лите-

⁵⁴ «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: Ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 28).

⁵⁵ OEM. 1900: 34 – 37.

⁵⁶ “*ða menn, þe to ðam gastlican gereorde belimpað, sceolon beon werlice geworhte, swa swa se apostol cwæð; he cwæð, ‘Beoð wacole, and standað on geleafan, and onginnað werlice, and beoð gehyrte.’ Deah gif wifmann bið werlice geworht, and strang to Godes willan, heo bið þonne geteald to ðam werum þe æt Godes mysan sittað”* (Цит. по: Gopa. 1992: 6).

⁵⁷ Анализ этих житий см. в работах Роя Гопы и Пола Цармача: Gopa. 1992; Szarmach. 1990; Szarmach. 1996.

ратуры, действующих по-мужски, наиболее яркое образ святой Юдифи, дошедший до нас благодаря оригинальному поэтическому пересказу одноименной библейской книги, содержащему множество отступлений от канонического текста⁵⁸.

Образы эпических героинь – один из продуктов англосаксонской культуры, отразивший особенности мировоззрения той эпохи. Присутствующие здесь гендерные стереотипы активно использовали раннесредневековые женщины в своих политических стратегиях. Среди них – Эмма Нормандская, в разное время бывшая женой двух английских правителей: Этельреда II Нерешительного (978–1016) и Кнута Великого (1017–1035). В начале 40-х годов XI в. анонимный панегирист составил похвалу в честь Эммы с целью обоснования ее политического влияния и легитимации вступления на престол ее младшего и любимого сына Хардакнута (1040–1042). В тексте памятника панегирист совершенно игнорирует факт первого замужества королевы и полностью вписывает жизненный путь этой женщины в историю датской королевской династии, к которой принадлежал ее второй муж. Здесь она – любящая мать своих детей, идеальная невеста Кнута, примирившая его с англичанами.

Значительно преувеличивая роль Эммы в разрешении англо-датского военного конфликта, он создает образ миротворицы, хорошо знакомый англосаксонской традиционной культуре. Образ Эммы-миротворицы в тексте источника появляется несколько раз. Сначала в обращении к читателю, где панегирист пишет:

«И, возможно, война едва ли когда-нибудь закончилась, если бы не брачный союз, наконец заключенный с этой благороднейшей королевой милостью Христовой»⁵⁹.

Во второй книге та же мысль выражена более экспрессивно:

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Болдырева. 2014: 51 – 52.

⁵⁹ “et fortasse uix aut numquam bellandi adesset finis, nisi tandem huius nobilissimae reginae iugali copula potiretur, fauente gratia Saluatoris” (EER. 1998. Argumentum: 6).

«Это было как раз тем, чего обе армии так сильно желали, – чтобы такая великая [женщина] и великий [муж], столь достойные друг друга, соединились брачными узами и положили конец ходу войны. Чего же более великого и желанного можно хотеть, чем чтобы ужасные и отвратительные тяготы войны завершились спокойствием мира...»⁶⁰.

В третьей книге «Похвалы», где рассказано о событиях, связанных с политической борьбой, развернувшейся после кончины Кнута, Эмма представлена любящей и страдающей матерью, сильно переживающей трагическую смерть этелинга Альфреда, одного из своих детей.

«Нет большей скорби для матери, чем увидеть мертвым или услышать о смерти любимого сына», – пишет панегирист⁶¹.

Попытка Эммы примирить своих сыновей, Эдуарда и Хардакнута, а вместе с тем и расколовшуюся политическую элиту находит отражение в финале памятника, где представлена идиллическая картина совместного правления матери и ее детей. Хардакнут, во всем следующий советам Эммы, приглашает из Нормандии своего старшего брата Эдуарда.

«Мать и оба сына разделяют готовые плоды царствия, не имея разногласий между собой. Здесь – доверие между держащими царство, здесь – нерушимы узы материнской и братской любви»⁶².

Как показали дальнейшие события, эта картина была весьма далека от реальности, и скорее, отражала действительность такой, какой хотела ее видеть королева. Взойдя на пре-

⁶⁰ “Noc erat quod utrobique uehementer iam dudum desiderauerat exercitus, scilicet ut tanta tanto, digna etiam digno, maritali conuinculata iugo, bellicose sedaret motus. Quid enim maius ac desiderabilius esse posset in uotis quam dampnosos ingratosque labores belli placida finiri tranquillitate pacis” (EER. 1998: 32)

⁶¹ “Est quippe nullus dolor maior matri quam uidere uel audire mortem dilectissimi filii” (EER. 1998: 44).

⁶² “mater amboque filii regni paratis commodis nulla lite intercedente utuntur. Hic fides habetur regni sotiis, hic inuiolabile uiget faedus materni fraternique amoris” (EER. 1998: 52).

стол после внезапной кончины Хардакнута, сын Эммы от первого брака Эдуард (1042–1066), некогда оставленный матерью ради ее союза с Кнутом, конфисковал казну и земли Эммы, и она безвозвратно утратила свое положение при дворе.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что в англосаксонской культуре сложилась достаточно сложная система гендерных представлений, и различные категории исторических источников не всегда однозначно освещают отдельные ее аспекты. Гендерные качества и социальные роли, приписываемые мужчине и женщине, не были одинаковы, и в значительной степени определялись бытовыми нуждами и суровыми политическими реалиями раннесредневековой повседневности. Важнейшие социальные представления раннего английского общества были связаны с образами воина и «пряхи мира». К женским качествам англосаксы относили физическую слабость и трусость. Однако использование аристократкой мужских моделей поведения не одобрялось обществом и считалось асоциальным. Лишь в рамках агиографического дискурса святая подвижница могла действовать по-мужски. Отводя женщине роль верной жены и любящей матери, англосаксонская традиционная культура допускала участие аристократок в политической жизни. Восприятие представительницы прекрасного пола как мудрой и авторитетной советчицы не было чуждо раннесредневековой книжности. Вместе с тем в клерикальной среде женский совет мог восприниматься как источник греха и зла. Одной из специфических черт ранней англосаксонской книжности были прочные ассоциации «плохой» женщины не с грехом блуда, а с жестокостью, коварством или злым советом.

Ирина Ивановна Болдырева
к. и. н., преподаватель кафедры философии
Воронежской государственной медицинской академии
+7(920)4250351
boldyrevairi@mail.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Беовульф. 1975 – Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелугах / Пер. В. Тихомирова, А. Корсуна, Ю. Корнеева. М.: Художественная литература, 1975. С. 27 – 180.

Древнеанглийская поэзия. 1982 – Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. – М.: Наука, 1982.

Ælfric. 1979 – *Ælfric's Catholic Homilies, the Second Series* / Ed. M. Godden. Oxford, 1979.

Anglo-Saxon Wills. 1930 – Anglo-Saxon Wills / Ed. D. Whitelock. Cambridge: Cambridge University Press, 1930.

Asserius. 1904 – *Asserius. De Rebus Gestis Ælfredi* // Asser's Life of King Alfred with the Annals of Saint Neots, erroneously ascribed to Asser / Ed. W. H. Stevenson. Oxford, 1904. P. 1 – 96.

Beda Venerabilis. 1969 – Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. and trans. B. Colgrave, R.A.B. Mynors. Oxford, 1969.

Charters of St. Albans. 2007 – Anglo-Saxon Charters. Vol. XII: Charters of St. Albans / Ed. J. Crick. Oxford, 2007.

Eddius Stephanus. 1985 – The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus / Ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

EER. 1998 – *Encomium Emmae Reginae* / Ed. A. Campbell. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Die Gesetze der Angelsachsen. 1903 – Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. F. Liebermann. Bd. I. Halle, 1903.

Liber Eliensis. 1962 – Liber Eliensis / Ed. E. O. Blake. L., 1962.

ОСОЕР – Online Corpus of Old English Poetry / Ed. M. McGillivray. Режим доступа: <http://www.oepoetry.ca> (дата входа 25.09.2014).

OEM – Old English Martyrology / Ed. G. Herzfeld. L., 1900.

SEHD. 1914 – Selected English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries / Ed. F. E. Harmer. Cambridge: Cambridge University Press, 1914.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырева. 2014 – *Болдырева И. И.* Ветхозаветное предание о Юдифи в книжной традиции раннесредневековой Англии // Известия Саратовского государственного университета. Новая Серия: История. Международные отношения. 2014. Вып. 2. С. 48 – 54.

Гуревич. 1978 – *Гуревич А. Я.* О природе героического в поэзии германских народов // Известия отделения литературы и языка АН СССР. 1978. Т. 37. № 2. С 133 – 148.

Brooks. 2000 – *Brooks N.* Arms, status and warfare in Anglo-Saxon England // *Communities and Warfare* / Ed. N. Brooks. L., 2000. P. 138 – 161.

Chance. 1986 – *Chance J.* Woman as Hero in Old English Literature Syracuse: Syracuse University Press, 1986.

The Dating of Beowulf. 1997 – *The Dating of Beowulf* / Ed. C. Chase. Toronto: University of Toronto Press, 1997.

Gopa. 1992 – *Gopa R.* A Virgin Acts Manfully: Ælfric's Life of St. Eugenia and the Latin Versions // *Leeds Studies in English*. 1992. Vol. 23. P. 1 – 27.

Hill. 1990 – *Hill J.* “Pæt wæs geomuru ides!”: A Female Stereotype Examined // *New readings on Women in Old English Literature* / Eds. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 76 – 81.

Nelson. 1978 – *Nelson J. L.* Queens as Jezebels: Brunhild and Balthild in Merovingian History // *Medieval Women* / Ed. D. Baker. Oxford, 1978. P. 31 – 77.

Overing. 1990 – *Overing G.* Language and Gender in Beowulf. Carbondale, 1990.

Szarmach. 1990 – *Szarmach P. E.* Ælfric's Women Saints: Eugenia // *New Readings on Women in Old English Literature* / Eds. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 146 – 157.

Szarmach. 1996 – *Szarmach P. E.* St. Euphrosyne: Holy Transvestite // *Holy Men and Holy Women: Old English Prose Saints' Lives and Their Contexts* / Ed. P. E. Szarmach. New York, 1996. P. 363 – 365.

Tollerton. 2011 – *Tollerton L.* Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. York, 2011.

ОДЕРЖИМОСТЬ И ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛЕМИКЕ К. XVI В.

Ключевые слова: одержимость, гендерные стереотипы, религиозная полемика, пуритане, католики, Англия раннего Нового времени.

Аннотация: В статье рассматривается памфлет протестантского богослова Сэмюэла Харнетта против экзорцистов-католиков. Анализируются его связь с полемикой против пуритан и роль в формировании стереотипов антикатолической пропаганды, а также особенности функционирования гендерных стереотипов в описании относительно редкого случая «мужской» одержимости.

Английская религиозная культура XVI – XVII столетий унаследовала от предшествовавшего периода представления об одержимости бесами и об их изгнании. Однако мнения протестантских богословов относительно данного предмета сильно расходились. Умеренные протестанты, как правило, относились к нему настороженно и даже скептически. Формула изгнания злых духов из некрещеного младенца отсутствовала в обряде крещения, начиная с публикации Книги общих молитв 1552 г., что было подтверждено в 1559 г.¹ Епископ Солсберийский Джон Джуел в начале правления Елизаветы писал, что власть изгонять бесов была особым даром, посланным в героический век раннехристианской церкви, но уже не нужным во времена признанной веры. Чудеса закончились, и христианам не нужно было больше верить в то, что дьявола можно испугать святой водой, знаком креста или всего лишь произнесением слов Писания².

¹ Cressy. 1997: 190-113.

² Thomas. 1971: 571

Скептицизм англиканского духовенства, впрочем, вовсе не означал, что случаи одержимости бесами вдруг перестали встречаться в Англии. Напротив, согласно недавним исследованиям, они были сравнительно частым явлением: за полтора столетия, с 1550 до 1700 гг. в Англии зафиксировано около ста таких случаев³. И отнюдь не все они касались католиков, которые в принципе могли проигнорировать официальный запрет практики экзорцизма. Напротив, большинство указанных случаев касалось пуритан – их проповедники вместе с самыми рьяными членами своих конгрегаций обычно и выступали в роли экзорцистов.

Католики, впрочем, тоже не отставали: между 1577 и 1640 в католических текстах упомянуты 18 таких случаев (29 до 1815 г.)⁴. Экзорцистами, как правило, выступали иезуиты.

Напрашивающаяся параллель между иезуитами и пуританами неслучайна: и те, и другие в своей проповеднической практике большое внимание уделяли обращениям – из одной конфессии в другую, а также и обращению к благочестивой жизни. Изгнание бесов имело большое значение – такие ритуалы, как правило, бывали публичными, собирали значительную аудиторию и представляли собой действие, которое, в идеале, должно было способствовать обращению. Английская практика в данном отношении не уникальна: во Франции публичные ритуалы экзорцизма были частым явлением в годы религиозных войн (начиная с 1570 х гг.), причем они имели место либо в конфессионально разделенных общинах (например, в Лионе), либо в местах, рано охваченных проповедью Католической реформы (северо-восток – территория Католической Лиги, Париж)⁵.

В Англии деятельность экзорцистов часто вызывала негативную реакцию англиканских клириков, особенно противников пуритан, провоцируя настоящие памфлетные кам-

³ Almond. 2004: 1

⁴ Young. 2013: 231-233.

⁵ Ferber. 2004: 36-37

пани. Причиной первой такой кампании стала деятельность Джона Даррелла, который в 1580е гг. проповедовал и изгонял бесов в Ноттингэмшире, Ланкашире и Дербишире⁶. В 1599 г. Даррелл был осужден за мошенничество, и, находясь в тюрьме, написал памфлет, оправдывавший его действия. В ответ появилось немало текстов клириков более умеренного толка, в том числе и арминиян⁷.

Самым известным участником этой полемики, стал Сэмюэл Харснет, тогда – капеллан архиепископа Банкрофта, а впоследствии – архиепископ Йоркский⁸. В ходе этой полеми-

⁶ Джон Даррелл (ок.1562 – после 1602) родился в Мэнсфилде (Ноттингэмшир) и получил образование в Кембридже (1575-1582). Пуританин по своим религиозным убеждениям, Даррелл начал проповедовать, вернувшись в Мэнсфилд и приобрел известность среди своих собратьев в этом качестве. Первый случай изгнания им бесов имел место в 1586 г. (Кэтрин Райт, Дербишир). Следующие известные случаи относятся уже к 1590м гг.: Томас Дарлинг (Бертон-он-Трент, 1596 г.), свита м-ра Старки (Ланкашир, март 1597 г.) и Уильям Сомерс (Ноттингэм, ноябрь 1597 г.). В конце 1597 г. Даррелл стал проповедником в приходе Св. Марии в Ноттингэме, и его проповеди, повествовавшие об одержимости и изгнании бесов, привлекали толпы слушателей, а также и не столь благожелательное внимание церковных властей. В 1598 г. архиепископ Йоркский начал расследование в отношении Даррелла, и тому было запрещено проповедовать. Затем дело расследовал по поручению епископа Лондонского его капеллан, Сэмюэл Харснетт; допрошенные им Кэтрин Райт, Уильям Сомерс и др. признались в том, что действовали по наущению экзорциста и повторяли продиктованные им слова. Даррелл не смирился и издал серию памфлетов, посвященных своим подвигам. Он был арестован и предстал перед судом архиепископа Кентерберийского в Ламбете (1599 г.), в ходе которого его признали мошенником и отправили в тюрьму Гейтхаус (Лондон). В 1599-1602 гг. Даррелл в тюрьме продолжал писать памфлеты, посвященные деятельности экзорциста. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

⁷ Помимо Харснетта, оппонентами Даррелла стали умеренные пуритане Джон Дикон и Джон Уолкер. О деятельности Даррелла и вызванной им полемике см. Freeman. 2000: 34-64; Gibson. 2006; Almond. 2004: 150-159.

⁸ Сэмюэл Харснет (1561-1631) – протестантский полемист и богослов, склонявшийся к арминиянизму. Получил образование в Кембри-

ки он написал несколько текстов, но в статье речь пойдет лишь об одном – весьма важном и довольно неожиданным в данном контексте – а именно, о памфлете «*Объявление о вопиющем мошенничестве ... под предлогом изгнания бесов*» (1603 г.)⁹. Этот текст направлен против экзорцистов-католиков. Здесь будут рассмотрены его связь с полемикой против пуритан и роль в формировании стереотипов антикатолической пропаганды. Речь пойдет также об особенностях функционирования гендерных стереотипов в описании относительно редкого случая «мужской» одержимости, с учетом полемического характера текста, а также и скептического отношения автора памфлета к феномену одержимости вообще.

Согласно недавним исследованиям, одержимые в Англии – и не только там – были, как правило, молодыми девушками, мальчиками и/или слугами. Из 62 случаев, когда известен пол, 44 – женщины (из них 3 взрослые), 18 мужчин (6 взрослых, все слуги)¹⁰.

Рассматриваемый в статье одержимый – 17-летний дворянин по имени Ричард Мейни – вполне вписывается в эту картину. Произошедшее с ним относится к 1586 г.; место действия – деревня Денэм к северо-западу от Лондона, манор католической семьи Пекэмов. Мейни – младший сын в католической семье (имелось еще два старших брата), еще ребенком был отправлен учиться в Английскую коллегию в Реймс¹¹. По

где преподавал и был главой Пемброк Холла до 1616 г. Капеллан епископа Лондонского (затем архиепископа Кентерберийского) Р. Банкрофта с 1592 г., в 1609-19 гг. – епископ Чичестерский, в 1619-1628 гг. – епископ Норичский, с 1629 г. – архиепископ Йоркский и член Тайного Совета Карла I.

⁹ Harsnett. 1603.

¹⁰ Almond. 2004: 23

¹¹ Английская коллегия, готовившая священников-миссионеров для Англии, была основана Уильямом Алленом в Дуэ (Испанские Нидерланды) в 1569 г. В 1578 г. студенты и преподаватели коллегии были изгнаны из города протестантами и обрели временное прибежище в Реймсе (до 1593 г.), благодаря покровительству герцога Гиза.

окончании ее юноша стал послушником в ордене минимов¹², но спустя полгода покинул обитель, жизнь в которой показалась ему слишком строгой, и вернулся домой¹³.

Там он стал бывать в доме Пекэмов – родственников жены его брата, где и происходило основное действие. Помимо Мейни, там были две служанки – Сэра и Фрайдсвайд Уильямс (15 и 17 лет), а также Энни Смит (18 лет), страдавшие припадками. Вскоре Мейни, также страдавший от плохого здоровья, начал впадать в транс во время мессы, а кроме того имел видения. Группу экзорцистов, неоднократно совершавших ритуал на глазах многочисленной толпы (до 500 человек обратились после них), возглавлял иезуит Уильям Уэстон¹⁴. Именно он определили, что бес вселился в Мейни, вынудив его покинуть монастырь. Он же был главным организатором

¹² Минимы – нищенствующий орден, основанный в XV в. Св. Франциско де Паула. Следуют уставу Св. Франциска и отличаются аскетизмом и строгими постами, которые, вероятно, и стали камнем преткновения для Мейни.

¹³ О жизни Мейни и событиях, связанных с его одержимостью и изгнанием бесов, известно из памфлета Харснета и изданных в приложении к нему материалов. Описание событий, приведенное ниже, воспроизводится на основании текста Харснета – как оригинального издания 1603 г. (Harsnett. 1603), так и современного издания Ф. Браунлоу, которому предпослано введение, где рассматриваются исторические детали событий, а также их политический контекст: Brownlow. 1993: 21-34.

¹⁴ Уильям Уэстон (1550-1615) родился в Мейдстоуне (Кент); получил образование в университетах Оксфорда и Парижа, а также в Английской коллегии Дуэ. В 1575 г. вступил в орден иезуитов и был отправлен в Испанию, где провел годы новициата. В 1584 г. вернулся в Англию в качестве миссионера. Уэстон был активным проповедником, и в 1585-86 гг. также изгонял бесов из одержимых в домах католиков, входя в состав группы священников-экзорцистов. В августе 1586 г. он был арестован; его подозревали в причастности к заговору Бабингтона (см. след. примеч.), но обвинение осталось недоказанным. В 1588-1599 гг. Уэстон находился в заключении в замке Уисбеч (Кембриджшир), в 1599-1602 гг. – в Тауэре, а в 1602 г. был изгнан из Англии и провел последние годы жизни в Испании в качестве преподавателя (позднее – ректора) в Английских коллегиях Севильи и Вальядолида.

всей дальнейших действий. Мейни имел видения, причем не только бесовские наваждения; он видел бесов в чистилище, но также удостоился лицезреть Деву Марию; он сообщал слушателям, что протестанты (речь шла о королеве Елизавете и ее придворных) – верные слуги дьявола.

Во время Великого поста 1586 г. Мейни объявил, что каждое воскресенье во время мессы будет отправляться в чистилище (и соответственно впадал в транс), а в Страстную пятницу умрет, и душа его вознесется. Однако в последний раз он имел видение Девы Марии, которая сказала ему, что ему ее предстоит совершить добрые дела.

Экзорцисты привязывали одержимых к стульям, давали им выпить напиток отвратительного вкуса (смесь растительного масла, белого вина и руты), жгли серу у них перед носом. Им в рот вкладывали частицы мошей. Наконец, в ходе последнего ритуала экзорцизма (23 апреля 1586 г.) Мейни говорил разными голосами, а Уэстон соответственно по очереди изгонял из него бесов всех семи смертных грехов, а затем и главного демона по имени Моду, которому подчинялись все демоны, вселившиеся в девушек.

На этом участие Мейни в кампании закончилось, хотя в других местах ритуалы продолжались до августа 1586 г., когда Уэстон был арестован (его подозревали в причастности к заговору Бабингтона)¹⁵.

Находясь на свободе, Уэстон составил описание происходившего, в том числе подробный рассказ о видениях Мейни, и о своих собственных действиях. Его текст остался рукописным, но циркулировал среди католиков. В 1598 г. одна

¹⁵ Заговор Бабингтона (1586 г.), получивший название от имени главного участника, сэра Энтони Бабингтона (1561-1586), ставил своей целью убийство королевы Елизаветы, освобождение Марии Стюарт и возведение ее на английский престол. Возникновение заговора стало результатом провокации со стороны правительства, точнее, главы елизаветинской секретной службы, сэра Фрэнсиса Уолсингема и его агентов, а его раскрытие привело к осуждению и казни не только самих заговорщиков, но и Марии Стюарт.

рукопись попала в руки служителей архиепископа Кентерберийского Банкрофта в результате ареста католика Роберта Барнса (дата ареста связывает его с начавшейся кампанией против экзорцистов)¹⁶. Именно этот текст использовал при написании своего памфлета Харснет. Эта рукопись долгое время хранилась в библиотеке Ламбетского дворца (резиденция архиепископа в Лондоне), но в конце XVII в., к сожалению, погибла при пожаре. Так что оригинальным описанием мы не располагаем, хотя в других католических текстах сохранились упоминания об одержимых из Денэма и экзорцистах. Правда, их внимание сфокусировано не на Уэстоне и Мейни, а на «подвигах» другого священника – Ричарда Дибдейла, который впоследствии был казнен и почитался единоверцами как мученик. Один из таких рассказов был записан в 1626 г. отцом Дэвисом, который в 1580х гг. был капелланом сэра Фрэнсиса Брауна. Он сообщал потомкам:

Я встречался с ним [Ричардом Дибдейлом – А.С.] в доме сэра Джорджа Пекема в Денэме, неподалеку от Аксбриджа, где он выполнял обязанности экзорциста, ибо там было трое околдованных и одержимых, две девушки и один мужчина¹⁷.

Однако подробного описания того, что происходило с Ричардом Мейни, там нет. Все, что имеется в нашем распоряжении, это памфлет Харснета, а также приложенные к нему копии показаний участников событий (служанок и самого Мейни). Некоторые из них – показания Фрайдсвайд и ее сестры, а также Энни Смит – относятся к 1598 г.¹⁸, но в 1602 г.

¹⁶ Brownlow. 1993: 21-22.

¹⁷ 'I met him once, at Sir George Peckam's, of Denham, besides Uxbridge, where he practiced the office of an exorcist: for there were three persons bewitched and possessed, two maids and one man'. Challoner. 1843: 199. Другая версия рассказа о Дибдейле достигла Испании, и вошла в состав «Истории преследований католиков в Англии» Диего де Йепеса. См. de Yepes. 1599: 97.

¹⁸ Первые показания девушек были даны в марте 1598 г. Harsnett. 1603: 190, 218, 226.

они были дополнены и расширены¹⁹. Тогда же были взяты показания и у Ричарда Мейни²⁰.

Хотя все версии однозначно определяют события 1586 г. как мошенничество, совершенное якобы одержимыми по наущению Уэстона и других священников, роль, сыгранная в них Мейни, описывается по-разному. В показаниях Сэры Уильямс о Мейни говорится подробно, и описывается он, как обманщик, который своими притворными трансами и видениями ввел в заблуждение священников, хотя и не вполне ясно, с какой целью.

Однажды во время мессы <...>, когда священник поднял гостию, он [Мейни – А.С.] незаметно для других упал на спину и лежал так какое-то время, словно бы в обмороке. Когда же он снова пришел в себя, то сказал, что сияние, исходившее от алтаря, привело его в экстаз.²¹

Он же старался соблазнить Сэру и ее сестру Фрайдсвайд (которой предлагал бежать с ним, переодевшись мальчиком, чтобы он мог выдавать ее за своего слугу), а также и гостью хозяев, миссис Плейтер²². Фрайдсвайд и Энни Смит говорили о Мейни гораздо меньше, но и они отмечали, что он – обманщик. Фрайдсвайд при этом отрицала обвинения в близости с Мейни и утверждала, что именно Сэра была главной его сообщницей, если не возлюбленной²³. Таким образом, в показаниях ровесниц Мейни – обманщик и соблазнитель – играет активную и безусловно, мужскую, хотя и отрицательную роль.

Сам Мейни представляет другую картину. В собственно-ручно написанных (в отличие от девушек) показаниях он объ-

¹⁹ 24 апреля и 17 мая 1602 г. соответственно. Harsnett. 1603: 190, 218.

²⁰ 6 июня 1602г. Harsnett. 1603: 257.

²¹ 'One time, being at Masse, that examinant doth remember, that at the elevation time, he fel downe secretly backwards, and lay a while, as though he had beene in a traunce. And when he came into himselfe againe, he said, that the glory, which he saw about the altar did strike him into that traunce'. Harsnett.1603: 190.

²² Ibid.

²³ Ibid. 225, 238-239

яняет свои действия тем, что был болен, старался угодить иезуиту Уэстону, и просто делал то, что ему говорили²⁴. Далее он говорит о неспособности – своей и любого другого юноши – сопротивляться давлению со стороны священников:

Я полностью убежден в том, что в Англии нет такого юноши, каким бы зрелым и изобретательным ни был его ум, который, попав в руки таким священникам, не был бы вскоре столь околдован ими, что быстро поддался бы соблазну и поступил бы так же, как и я²⁵.

Так что сам Мейни спустя 16 лет оправдывал свои действия временной слабостью – возрастом и болезнью. Став же взрослым мужчиной, он, естественно, сбросил чары.

Болезнь, о которой он упоминает, нуждается в более подробном комментарии. В показаниях Мейни называет ее «болезнь матки» (*spice of the Mother*)²⁶, но судя по приведенному им на той же странице ниже описанию, под маткой он имел в виду вовсе не тот орган, какого у него и быть не могло, а нижнюю часть живота. Согласно его словам, доктор-шотландец в Париже назвал болезнь *vertiginem capitis*, так как симптомы включали в себя, помимо прочего, и сильное головокружение²⁷. Кроме этого, Мейни периодически страдал вздутием живота, метеоризмом и коликами²⁸. Определить возможную причину кишечных колик по такому описанию не представляется возможным, но сам Мейни явно считал свою болезнь серьезной, т.к. утверждал, что от нее страдал мистер

²⁴ Ibid. 268.

²⁵ Ibid. 273: 'I am fully persuaded, that there is never a youth in England, were he of never so ripe and pregnant a wit, but if he should fall into the hands of such priests, he would in a short time be so bewitched by them, as that hee would be soone drawne to stoop to their lure, and doe as I did'.

²⁶ Ibid. 263.

²⁷ Ibid.: 'when I was sick of this disease in Fraunce, a Scottish Doctor of Physick then in Paris called it, as I remember, *vertiginem capitis*'.

²⁸ Ibid.: 'It riseth <...> of a wind in the bottom of my belly; and proceeding with a great swelling causeth a very painfull collicke in the stomacke; and an extraordinary giddiness in the head'.

Эдмунд Пекэм (хозяин дома в котором он гостил в 1586 г.), а старший брат Томас Мейни от нее умер²⁹.

Харснет использовал материал, содержащийся в показаниях Мейни, но придал им другой характер. В его описании гендерная принадлежность Мейни становится размытой и двусмысленной. Достигается этот эффект двумя способами. Во-первых, Харснет использовал упомянутую Мейни «болезнь матки». Но если у Мейни это упоминание выглядит ошибкой, то Харснет использует его специально. Он подчеркивает, что его болезнь – *hysterica passio*, истерия, которой страдают девушки по всей Англии, ссылаясь на показания Мейни, но при этом полностью игнорируя приведенные там симптомы³⁰. При помощи такой анатомически невероятной манипуляции Мейни превращается в женщину – обычную жертву бесов, или, если автору угодно проявлять скептицизм – истерии.

Другим способом было сопоставление всего действия с театром. И эту параллель Харснет проводит неоднократно. Фактически, именно с его легкой руки в английской культуре появилась четкая связка «экзорцизм=театр»³¹. Уже в самом начале памфлета Харснет называет все происходившее в Денэме святой комедией (*holy comedie*)³². Ниже он отмечает: из Мейни – «преображенного Доброго человека [т.е., минима – А.С.]» вышел «отличный дьявол-комедиант»³³.

А вот описание сцены последнего ритуала изгнания бесов:

²⁹ Ibid.

³⁰ Harsnett. 1603: 25. 'Ma: Maynie had a spice of the Hysterica Passio, as seems from his youth, hee himselfe termes it the Mother (as you may see in his confession)'.
³¹ Памфлет Харснета был хорошо знаком Шекспиру, и другим драматургам первой трети XVII в. В пьесах ранне-стюартовской эпохи экзорцист – всегда зловещая фигура – был либо католическим священником, либо пуританским проповедником. См. Almond. 2004: 41; van Dijkhuizen. 2007: 150-151.

³² Harsnett. 1603: 1.

³³ Ibid. 20: 'of a metamorphized Bonhomme became an excellent devil-comedian'.

*Мастер Мейни – актер выходит на сцену немой, его руки висят по бокам, а волосы завиты. Смотрите (воскликает Уэстон – Истолкователь), вот выходит дух гордыни. Внезапно немой актер выкликает: Десять фунтов в сотне. Этот голос (кричит Уэстон) – голос духа алчности. Майни корчит презрительную мину, и это – дух зависти. Мейни сунится и хмурит брови, и это – дух гнева. Он зевает и гримасничает, и это – дух лености*³⁴.

Фактически здесь перед нами образ театра и двух актеров на сцене – взрослого мужчины (священника) и юноши. Вряд ли стоит напоминать, что юноши в английском театре обычно играли именно женские роли. Таким образом, гендерная двусмысленность роли Мейни в тексте очевидна, и она отчетливо увязывается с профессиональной принадлежностью юноши – его податливость, способность поддаться соблазну объясняется «образованием, религией и родством»³⁵.

При этом Мейни у Харснета демонстрирует все же «мужскую» одержимость – отсутствуют типичные для «женских» случаев физические проявления – конвульсии, появление странных опухолей, иллюзии чего-то движущегося под кожей жертвы, выплевывания предметов и т.п. Они обычно свидетельствовали о том, что бес овладел телом жертвы, (причем подобные описания имели выраженный сексуальный подтекст). В случаях «мужской» одержимости физические проявления такого рода, как правило, не упоминались³⁶. Ведь мужчины имели более сильную волю, и их разум и тело сопротивлялись демонам. Поэтому физические признаки «муж-

³⁴ Harsnett. 1603: 54. 'Ma: Maynie the Actor comes mute upon the stage with his hands by his side, and his hair curled up. Loe here (cries Weston the Interpreter) comes up the spirit of Pride. Sodainly the mute actor cries out, Ten pounds in the hundred, that voice (cries Weston) is the voice of the spirit of Avarice. Maynie makes a scornfull face, and this is the spirit of Envie. He bends & knits his brows, and that is the spirit of Wrath. He Yawnes & japes & that is the Spirit of Sloth'.

³⁵ Ibid. 20: 'education religion, affiance'.

³⁶ Roper. 2012: 124; Roper. 2013: 171-198, особ. 190-191. См. также статью О.И. Тогоевой в данном выпуске.

ской» одержимости – синяки, царапины, следы укусов и т.п. – напоминают о нападении *извне*, тогда как при «женской» одержимости демоны оказываются *внутри*.

В тексте Харснета, да и в других повествованиях о «подвигах» Уэстона и его команды экзорцистов, это различие подчеркивается. Только девушки выплевывают различные предметы в момент изгнания из них бесов. Лишь применительно к ним (а именно, Сэри и Фрайдсвайд) Харснет отмечает движение бесов внутри их тел, причем речь идет об их половых органах, которые он стесняется назвать³⁷. С Мейни же ничего похожего не происходит:

*Нет никакого упоминания об обитании или нахождении бесов в какой-либо части тела, [такое случалось] только у служанок*³⁸

Точно так же Мейни имел дело не только с наваждениями, но и с видениями (в частности, ему являлась Дева Мария). Возможно, эти черты описания, сильно отличающего случай Мейни от случаев одержимости Сэры Уильямс и ее сестры, восходят к тексту Уэстона, а не самого Харснета.

Подводя итог, стоит отметить, во-первых, что направленный против экзорцистов-католиков памфлет стал одним из первых текстов, приравнивавших оппонентов-пуритан к католикам³⁹. Отсылка к последним использовалась здесь как средство компрометации противника. К тому же, не стоит забывать, что Харснет был сторонником того течения, которое впоследствии назовут «высокой церковью». Именно к представителям этого течения в начале XVII в. были обращены обвинения в тайном католичестве⁴⁰. Неслучайно поэтому Харснет, как и другие, испытывал потребность полемизиро-

³⁷ Harsnett. 1603: 61: 'immodest to name bodily parts'.

³⁸ Ibid. 62: 'There is no mention at all of common lodging, and couching the devils in a peculiar part of the body, but onely in the wenches'.

³⁹ Другие параллели такого рода проводились авторами политических памфлетов, указывавших на сходство взглядов пуритан и католиков-тираноборцев во Франции и Англии. См. Серегина. 2013: 89-99.

⁴⁰ Milton. 2002: 63-71.

вать с католиками, подчеркивая свою инаковость, отделенность от них.

В антикатолической пропаганде памфлет Харснета сыграл важную роль. Во-первых, он закрепил повторявшийся потом в XVII в. образ мирянина-католика как феминизированного мужчины, подчиняющегося священникам и женщинам, и вообще не совсем хозяина в своем доме⁴¹.

Во-вторых, Харснет приравнял католическую магию (заклинание духов) к мошенничеству. В памфлетах XVI в. можно встретить упоминания о священнике, занимавшемся магией⁴², и там его образ также феминизирован, так как бытовая магия – удел женщин, а суеверие (католичество) удел слабых умом, т.е., тоже женщин. Здесь же феминизация католиков также связана с их религией, но о реальности заклинания духов речи уже не идет. На практическом уровне этот вывод имел далеко идущие последствия: после 1603 г. ни одного католика в Англии не осудили за ведовство (по крайней мере, напрямую увязывая магию и его/ее исповедание)⁴³. Достаточно было заподозрить причастность католика (особенно священника) к делу о ведовстве или одержимости, как оно разваливалось (что, конечно, не мешало преследовать тех же католиков по другим обвинениям – например, в попытке обращения). Но с тех пор одержимость – воспринимавшаяся всерьез – стала уделом протестантов.

Анна Юрьевна Серегина
д.и.н., в.н.с. Центра гендерно истории ИВИ РАН
+7(495)9544489
aseregina@mail.ru

⁴¹ Сам Харснет называет Мейни «женственным» (*effeminate*). (Harsnett.1603: 25). О феминизации образов мужчин-католиков полемистами-протестантами см. Dolan. 1999; Серегина. 2010: 119-138.

⁴² Gibson. 2005: 25-33.

⁴³ Young. 2013: 143.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Brownlow. 1993. – *Brownlow F.W.* Shakespeare, Harsnett, and the Devils of Denham. Cranbury (Mass.), 1993

Challoner. 1843. – *Challoner R.* Memoirs of Missionary Priests. Vol.1. L., 1843.

Gibson. 2005. – *Gibson M.* (ed.). Early Modern Witches: Witchcraft Cases in Contemporaray Writing. L., 2005.

Harsnett. 1603. – *Harsnett S.* A Declaration of egregious Popish Impostures to withdraw the harts of Her Maiesties subiects from their allegiance, and from the truth of Christian Religion professed in England, under the pretense of casting out devils. L., 1603.

de Yepes. 1599. – *de Yepes D.* Historia particular de persecucion de Inglaterra. Madrid, 1599.

ЛИТЕРАТУРА

Almond. 2004. – *Almond P.C.* Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and Their Cultural Contexts. Cambridge, 2004.

Cressy. 1997. – *Cressy D.* Birth, Marriage and Death: Ritual, religion and Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1997.

van Dijkhuizen. 2007. – *van Dijkhuizen J.F.* Devil Theatre: Demonic Possession and Exorcism in English Renaissance Drama, 1558-1642. Cambridge, 2007.

Dolan. 1999. – *Dolan F.* Whores of Babylon: Catholicism, Gender and Seventeenth-Century Print Culture. Ithaca (NY), 1999.

Ferber. 2004. – *Ferber S.* Demonic Possession and Exorcism in Early Modern France. L., 2004.

Freeman. 2000. – *Freeman T.* Demons, Deviance and Defiance: John Darrell and the Politics of Exorcism in Late Elizabethan England // P. Lake, M. Questier (eds.). Conformity and Orthodoxy in the English Church, c.1560-1660. Woodbridge, 2000. P.34-64.

Gibson. 2006. – *Gibson M.* Possession, Puritanism and Print: Darrell, Harsnett, Shakespeare and the Elizabethan Exorcism Controversy. L., 2006.

Milton. 2002. – *Milton A.* Catholic and Reformed: The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600-1640. 2nd edition. Cambridge, 2002.

Roper. 2012. – *Roper L.* The Witch in the Western Imagination. Charlottesville, 2012.

Roper. 2013. – *Roper L.* Oedipus and the Devil: Witchcraft, Religion and Sexuality in Early Modern Europe. L., 2013

Thomas. 1971. – *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England, L., 1971.

Young. 2013. – *Young F.* English Catholics and the Supernatural, 1553–1829. Farnham, 2013.

Серегина. 2010. – *Серегина А.Ю.* Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // Адам и Ева. Альманах гендерной истории Вып. 18. М., ИВИ РАН, 2010. С. 119-138.

Серегина. 2013. – Введение // *Долеман Р. (Роберт Парсонс).* Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / Пер. с англ., вступ. статья и комм. А.Ю. Серegiной. М., 2013.

О.И. Тогоева

«МУЖСКАЯ» И «ЖЕНСКАЯ» ОДЕРЖИМОСТЬ В СОЧИНЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ДЕМОНОЛОГОВ XVI-XVII ВВ.

Ключевые слова: Франция, Новое время, одержимость, женщина, мужчина, гендерные различия

Аннотация: В статье анализируются особенности описания одержимости в сочинении французского теолога и экзорциста Шарля Блендека – «Пять удивительных историй об изгнании Вельзевула» (1582 г.). Особый упор делается на анализе «мужского» и «женского» типов одержимости, их гендерных различий и их истоков.

Изначально я планировала посвятить данную статью особенностям сугубо «женской» одержимости во Франции Нового времени, ибо для большинства современников событий этот недуг казался свойственным преимущественно представительницам слабого пола¹. В ходе работы, однако, я обратила внимание на весьма любопытный текст – сочинение Шарля Блендека «Пять удивительных историй об изгнании Вельзевула», в котором излагались подробности изгнания демонов из нескольких пострадавших, в том числе и из мужчин². Манера описания Ш. Блендеком проявлений одержимости и способов избавления от нее во всех этих случаях позволила мне скорректировать тему исследования и поразмышлять о существовании «мужского» и «женского» типов этого «заболевания» и об их различиях, носивших ярко выраженный гендерный характер. Их анализу и посвящена данная статья.

¹ Данная особенность французской одержимости признается и в специальной литературе. См., в частности: Walker, Dickerman. 1991: 534-554; Roper. 1994: 171-198; Sluhovsky. 1996: 1039-1055.

² Blendecq. 1582.

Прежде всего следует сказать несколько слов о заинтересовавшем меня источнике. Он хорошо известен историкам, однако обычно они упоминают о нем лишь мельком – когда речь заходит о крайне редких случаях «мужской» одержимости во Франции XVI-XVII вв.³ Насколько можно судить, подробный анализ данного сочинения до сих пор не проводился, и связано это, возможно, с тем, что и о его авторе известно крайне мало. Мы знаем лишь, что Шарль Блендек был монахом аббатства Маршьенн, расположенного недалеко от Лилля, однако, как следует из его текста, постоянно проживал в Суассоне и являлся ближайшим помощником Шарля де Руси, местного епископа и члена ордена ораторианцев⁴. Наш автор, по его собственным словам, имел также степень доктора теологии и занимал почетную должность экзорциста⁵. Данное обстоятельство представляется для нас особенно ценным, поскольку свои «Пять удивительных историй» Ш. Блендек писал, основываясь на собственном опыте. Впрочем, он также использовал документы о других случаях экзорцизма, к которым оказались причастны его непосредственные коллеги и к описаниям которых он получил доступ в канцелярии епископа. Помимо «Историй» сам Ш. Блендек не создал, по видимому, ничего: «Словарь французской литературы XVI века» дополнительно упоминает лишь о выполненном им переводе трактата каталонского философа Рамона Сибиуда

³ Мойше Слуховски упоминает всего о двух известных ему случаях «мужской» одержимости, имевших место во Франции в XVI в. Очевидно, он ведет речь об историях, рассказанных Ш. Блендеком: Sluhovsky. 1996: 1044.

⁴ Именно епископу Суассона и были посвящены «Пять удивительных историй»: ‘Prenez donc de bonne part je vous supplie ce mien petit labeur que je vous offre et dedie, tesmoin de la bonne affection que j’ay envie toute ma vie de vous porter en satisfaction de la bienveillance et humanité qu’il vous a pleu user en nostre endroit’. Blendecq. 1582: passim.

⁵ Ibid. 76v, 107v.

(Раймона де Себонда) «Фиалка души»⁶, изданного по-французски в 1600 г.⁷

Что касается «Историй», то они были опубликованы в 1582 г., в самый разгар Религиозных войн, что наложило совершенно определенный отпечаток на содержание данной книги, в которой постоянно возникают отсылки к противостоянию французских католиков и гугенотов⁸. К этой теме я еще вернусь, а пока следует отметить, что все пять рассказов, собранных Ш. Блендеком, призваны были служить подтверждением одного-единственного тезиса, изложенного в вступлении: только истинная католическая религия способна в полной мере противостоять дьяволу и его демонам и только ее церковные таинства являются верным средством борьбы с одержимостью⁹.

В целом же перед читателями представляли пять вполне самостоятельных историй, каждая из которых была посвящена одному конкретному случаю одержимости. В первых двух речь шла о мальчике 12-ти лет по имени Лоран Буассонне, дважды становившемся жертвой демонов и, соответственно, дважды подвергавшемся процедуре экзорцизма¹⁰. Третья глава повествовала о Николь Ле Руа, замужней двадцатилетней

⁶ Varroux 2001: 155.

⁷ de Sebonde. 1600.

⁸ Как отмечал Шарль Блендек во вступлении к «Пяти удивительным историям», католикам Суассона удалось освободить свой диоцез от кальвинистов лишь в 1581 г., т.е. всего за год до описываемых в сборнике событий: Blendecq. 1582: passim.

⁹ Ibid.: 'Et à fin qu'un chacun cognoisse que leurs mocqueries sont pures calomnies, et que ceux qui sont encore debiles en la foy ne soyent facilement trompez par leurs paroles, pour plus grande confirmation aussi de nostre foy, j'en choisiray quatre seulement d'entre ceux desquels on a usé pour dejecter ces esprits malings qui possedoient les personnes mentionnees en l'histoire, et monstreray que non seulement du jourd'huy les ministres de Dieu se sont munis de telles armures, pour surmonter et obtenir la victoire contre tels esprits immondes, mais que de toute antiquité les mesmes moyens ont esté gardez et observez'.

¹⁰ Ibid. 1-44v.

женщине¹¹. В четвертой излагалась история молодой девушки Маргарит Обри, также 20-ти лет от роду¹². Наконец, завершалась книга рассказом о пятидесятилетнем мужчине, Николае Факье¹³. Иными словами, Шарль Блендек, возможно, сам того не желая, представил в своем сочинении довольно репрезентативную выборку случаев одержимости (как по возрастному, так и по половому признаку) с целью максимально подробно описать данное явление и его вариации.

Каждая из рассказанных нашим автором историй чрезвычайно живописна и, вне всякого сомнения, заслуживает отдельного, подробного анализа. Меня, однако, значительно больше заинтересовало в этих рассказах то, что не было выражено эксплицитно, но вместе с тем явно подразумевалось: гендерные различия в протекании одержимости у женщин и мужчин, т.е. различия в их поведении и в поведении одолеваяющих их демонов, а также различия в процедуре экзорцизма в том или ином случае.

И с этой точки зрения начать, безусловно, следует с самого, пожалуй, любопытного момента – с выявления причин одержимости у женщин и мужчин. Если довериться записям Шарля Блендека, уже на этой стадии французские экзорцисты XVI в. сталкивались с определенными гендерными особенностями. В частности, из текста со всей очевидностью следует, что о причинах «мужской» одержимости становилось известно задолго до того, как священник приступал собственно к процедуре экзорцизма. Иными словами, демон, захвативший тело того или иного человека, охотно раскрывал причины своего поступка родственникам и друзьям одержимого, чаще всего весьма далеким от церковных таинств. Так, в истории о первом случае одержимости Лорана Буассонне оговаривалось, что ее непосредственным поводом явилось то, что тот стал невольным свидетелем кражи барана, совершенной его

¹¹ Ibid. 45-63.

¹² Ibid. 63v-93v.

¹³ Ibid. 95v-125v.

дядей Антуаном, о чем демон сообщил родным мальчика¹⁴. Причина одержимости Николя Факье заключалась в том, что сразу три его кузена оказались гугенотами, и демоны соглашались покинуть его тело, только если отступники вернуться в лоно католической церкви, и призывали друзей своей жертвы поспособствовать этому¹⁵.

Напротив, причины одержимости у женщин, о которых писал Ш. Блендек, оставались покрыты завесой тайны вплоть до начала процедуры экзорцизма. И даже на ней демоны или далеко не сразу сообщали священникам, почему собственно они выбрали тех или иных жертв, или же ограничивались весьма туманными объяснениями. Так, завладевший Николь Ле Руа демон Вале (Varlet) признался, что причина состояла в некоем «грехе», который совершила ранее молодая женщина и который «не следует называть»¹⁶. Демон Маргариты Обри по имени Вельзевул был, впрочем, более точен: его действиям способствовала кража ею в 6-летнем возрасте изюма из родительского дома¹⁷. Точно так же и в других известных нам из французской истории случаях «женской» одержимости причины данного недуга могли называться исключительно священнику в ходе процедуры экзорцизма, но не ближайшим родственникам и друзьям жертвы¹⁸.

¹⁴ Ibid. 5: 'C'est aussi pour un mouton qu'il a pris au Censier de la Carriere qui s'appelle Pierre Le Roy ; toutefois il ne la pas du tout desrobé, mais changé à un des Oncles nommé Druet'.

¹⁵ Ibid. 98v-99: 'Puis luy demanda pour quelle occasion il le possedoit?...Ledict ennemy fit responce...que c'estoit pour trois de ses cousins qui estoient de la Religion, que Dieu vouloit convertir et conduire à la vraye foy Catholique par son moyen'.

¹⁶ Ibid. 60v: 'Estant interrogué pourquoy il s'estoit empiré de ce corps, et tourmentoit ceste pauvre femme, dit, c'est pour un peché. Interpelle de dire quel peché, respondit, il ne le fault pas dire'.

¹⁷ Ibid. 67v.

¹⁸ Например, в материалах по делу Николь Обри, 16-летней замужней женщины, проживавшей в Лане и признанной одержимой в 1565 г., сообщалось, что демон выбрал свою жертву из-за многочисленных краж, совершенных ею в детстве. Об этом он сообщил священнику в

Еще одно различие между мужчинами и женщинами заключалось в скорости, с которой они становились одержимыми. Женщины обычно «заболевали» мгновенно, без какого-либо подготовительного этапа. Их предварительно не мучили странные и/или страшные видения, как это происходило, если верить Ш. Блендеку, с мужчинами. У этих последних приступам одержимости предшествовали многочисленные встречи с крайне подозрительными людьми или животными, которые либо вели с героями «Пяти удивительных историй» загадочные беседы, либо обладали свойством мгновенно растворяться в воздухе при одном приближении к ним. Так, первые симптомы «болезни» у Лорана Буассонне появились лишь после того, как он последовательно повстречался с неким «белым рогатым человеком» (*grand home blanc et cornu*), который набросился на него на пороге собственного дома; с женщиной в белом с огромными страшными глазами и «невообразимым взглядом» (*ayant les yeux fort grands et fort épouvantables*); с вороном, потребовавшим у мальчика отдать ему зуб; с воробьем, летавшим над головой матери Лорана и просившим у него булавку с шапки; с еще одним вороном, встретившим его в доме деда и спросившим, не хочет ли мальчик пойти вместе с ним; наконец, с козой, которая временами напоминала осла или лошадь (*comme une teste d'asne ou de cheval*) или превращалась в огромного рогатого мужчину (*ayant des cornes en la teste*)¹⁹. Второму случаю одержимости у Лорана Буассонне также предшествовали видения: мужчина со шпагой, встреченный мальчиком в поле недалеко от его деревни; осел с белым голубем на спине, который затем превратился в бородатого старика, одетого в платье, меняющее цвет (*vestu d'un manteau de drap gris, lequel estoit tantost*

ходе сеанса экзорцизма: Ernst. 1972: 32-51; Sluhovsky. 1996: 1048-1049. В случае Марты Броссье, 25-летней незамужней француженки из Роморантена, причиной овладевшего ею в 1598 г. недуга стало греховное поведение ее отца, отказывавшегося присутствовать на мессе: Walker, Dickerman. 1991: 544; Ferber. 1991: 59-83.

¹⁹ Blendecq. 1582: 2v-3v.

verd, tantost violet, se changeant ainsi souvent en diverses sortes et manieres); человек, одетый во все черное, в железных доспехах и с оружием в руках, преследовавший Лорана по дороге в деревню, но отставший и превратившийся в дым с характерным для демона громким звуком (*se convertir comme en une espesse fume, ayant ouy au mesme instant comme trios coups d'artillerie*)²⁰. Идентичный опыт, по словам Ш. Блендека, пережил накануне впадения в одержимость и Николя Факье, которому друг за другом явились женщина в черном, «совершенно непричесанная и очень плохо одетая» (*toute deschevelee et fort mal accoustree*),двигающаяся «со скоростью арбалетной стрелы» (*aussi vite comme un traict d'arbaleste*); огромный волк, который оказывался на пути у Николя, куда бы он ни шел; маленькая черная собака, встреченная мужчиной около церкви, куда тот спешил на исповедь; и, наконец, некий мужчина в черном, который «прыгал и танцевал словно птица» (*sautoit et dansoit comme un oiseau*) на церковной калитке и пальцем выманивал Николя с мессы, а когда тот отказался покинуть церковь, побил его²¹.

Ничего подобного мы не найдем в историях о «женской» одержимости, рассказанных Ш. Блендеком. Безусловно, представительницы слабого пола также могли иметь видения, насланные демонами, однако происходило это значительно реже и всегда лишь после того, как проявлялись симптомы поразившего их недуга: когда они чувствовали слабость во всем теле, когда их сотрясали конвульсии, когда у них болело сердце, шумело в ушах и им становилось трудно ходить²².

²⁰ Ibid. 30v-32v.

²¹ Ibid. 95v-96v.

²² Так, Николь Ле Руа уже после того, как боли в сердце сделали ее на какое-то время «слабой и немощной» (*fable et debile*) и заставили лежать в постели, видела у себя под кроватью «белую женщину», державшую в руках молитвенник, а спустя несколько дней – «большого черного мужчину», который угрожающе на нее смотрел и якобы намеревался ее убить: Ibid. 45v. Следует, однако, отметить, что в других известных нам историях «женской» одержимости видения могли посе-

Кроме того, сами симптомы одержимости проявлялись у мужчин в первое время не так четко, как у женщин: они не были столь постоянны, они обычно оказывались слабее, и между этими приступами могли случаться длительные периоды относительного «здоровья». Эти эпизодические проявления одержимости в случае мужчин излечивались (пусть и не до конца) простым посещением церкви. Так, Лоран Буассонне, несмотря на свою «болезнь», мог подойти к причастию, исповедаться или даже отправиться с матерью в паломничество²³. Николя Факье «спокойно» (*sans ressentir aucun tourment*) присутствовал на мессе и исповедовался²⁴. Однако представительницам слабого пола подобные меры практически не помогали: одержимые женщины совершенно не могли находиться в церкви, а потому обычные религиозные практики в их случае оказывались бессильны. В частности, демон Николь Ле Руа заставлял ее во время мессы бросать на землю молитвенник и разламывать на части гостию²⁵, а Маргарит Обри не могла подойти к причастию и выбегала прочь из церкви, бросалась гостией в монахов, не соглашалась выпить вина или супа, если в них добавляли святую воду, не ела хлеба, благословленного священником²⁶.

Если у той или иной женщины появлялись все надлежащие симптомы, то они буквально обрушивались на нее, она заболела мгновенно и сразу же теряла контроль над собственным телом. Но что более важно: она переставала распоряжаться своим рассудком. Особенно характерен здесь пример 20-летней Маргарит Обри, внезапно испытавшей сильное желание бросить в колодец маленького мальчика, нянкой

жать жертв и до того, как их новый статус бывал официально установлен представителями церкви: Sluhovsky. 1996: 1040, 1047.

²³ Blendecq. 1582: 3, 4, 34v.

²⁴ Ibid. 96-96v, 98.

²⁵ Ibid. 50.

²⁶ Ibid. 65, 67, 70v-71.

которого она служила, и самой прыгнуть вслед за ним²⁷. В церкви, куда она отправилась на мессу, некий голос, возникший у нее в голове, настойчиво вопрошал, что она там делает, и настаивал, чтобы она отказалась от церковных таинств и отдала ему (т.е. демону) свою душу²⁸. Ничего подобного, если верить Шарлю Блендеку, с одержимыми мужчинами не происходило. Напротив, их недуг носил, если можно так сказать, ярко выраженный физический характер, проявляясь в повседневном поведении и внешнем виде. Сюда относились невозможность нормально управлять своим телом и ходить, постоянные падения, следы от побоев, которыми их награждал демон, и синяки от его укусов²⁹.

У женщин все происходило несколько иначе. Они, безусловно, также испытывали трудности при движении и оказывались не в силах управлять собственным телом, но к этому добавлялись и другие – «внутренние» – признаки одержимости. Это могли быть боли в сердце, общая слабость и странные шумы в животе, которыми страдала, в частности, Николь Ле Руа³⁰. Это могли быть голоса, сами по себе возникающие в голове женщины, и общее подавленное состояние, ведущее к попыткам самоубийства или нанесению вреда окружающим, что наблюдалось в случае Маргарит Обри³¹ и чего мы не встречаем в историях Лорана Буассонне и Николя Факье. Кроме того,

²⁷ Ibid. 64: 'Soudain s'apparut à elle à l'opposite de plus un homme noir qui luy vouloit persuader de jeter le susdict petit enfant dans le puis. Ou bien qu'elle mesme s'y jectast dedans'.

²⁸ Ibid. 64v: 'Et estant en ladicte Eglise,...ouyt la susdicte grosse et premiere voix qui luy sembloit luy dire : Que viens tu faire icy? Et au temps de l'elevation du precieux corps de Jesus Christ, ladicte grosse voix luy persuadoit de renier Dieu, Chresme, Baptesme, et toutes choses creees de Dieu, luy voulant persuader qu'elle luy donnast son ame'.

²⁹ Ibid. 1v, 4-4v, 10v, 32, 34v, 97-98.

³⁰ Ibid. 45v-46v, 47, 52.

³¹ Ibid. 67: 'Après qu'elle fut retournee du sermon, estant au logis de son maistre, ledict maling esprit la persuadoit de se desciperer, tellement qu'elle n'osoit aller à la cave de ladicte maison, craignant de se jeter en un trou qui donne dans le puis, comme il la suggeroit'.

одержимые женщины – и не только те, о которых рассказывал Ш. Блендек – общались с окружающими «в странной манере»: либо их голосом говорил демон, подчинивший их своей воле (как в случае с Николь Ле Руа)³², либо они вообще оказывались не в состоянии произнести ни слова, что произошло с Маргарит Обри, рот которой ее не слушался³³.

Собственно, в этом и заключалось, насколько можно судить по сочинению Шарля Блендека, главное различие между «женской» и «мужской» одержимостью. Если мужчина и поработивший его демон всегда представляли собой два разных организма, два разных существа, то демон, поселившийся в женщине, образовывал с нею единое целое. И Лоран Буассонне, и Николя Факье находились в постоянном и явном противоборстве с силами зла, претерпевая от них побои, укусы и оскорбления³⁴. Одержимые женщины более себе не принадлежали: единственное, что оставалось, к примеру, у Николь Ле Руа – способность креститься правой рукой в то время, как ее левая рука, находившаяся во власти демона, давала ей пощечины³⁵. Точно так же вела себя и

³² Ibid. 48: 'Commença à diviser et parler d'une façon tout autre que n'estoit la coustume de son naturel, qui causa qu'on eut lors grande opinion que vrayement elle estoit possedee d'un maling esprit, lequel parloit ainsi par l'organe de sa bouche'. Способность говорить «странным» голосом, как и внезапные познания в иностранных, а особенно древних языках, считалась одним из верных признаков одержимости: *Sacradotale Romanum*. 1579: 329; *Rituale Romanum*. 1851: 417-418. Данная особенность отмечалась практически во всех без исключения случаях одержимости, имевших место во Франции в XVI-XVII вв.: в деле Николь Обри 1565 г. (Sluhovsky. 1996), в деле Марты Броссье 1598 г. (Walker, Dickerman. 1991), на процессе об одержимых монахинях-урсулинках Лудена 1634 г. (Grandier. 1979: 126-127), и т.д.

³³ *Blendecq*. 1582: 67. 'Et estant devant le Curé de ladicté Eglise, ne luy peut dire aucune chose au commencement, parce qu'elle avoit la bouche tellement serree et bouchee, qu'il luy eut este impossible de parler n'y de l'ouvrir'.

³⁴ Ibid. 1v, 4-4v, 10v, 32, 34v, 97-98.

³⁵ Ibid. 49v: 'D'avantage (qui est chose admirable) ceste patiente faisant le signe de la Croix de sa main dextre, Il frappoit aussi tost dessus icelle de

Маргарит Обри, кусавшая окружающих людей, не будучи в силах совладать с собственным телом, смеявшаяся в церкви и оскорблявшая проповедника³⁶.

Не менее важным проявлением сугубо «женской» одержимости представляется и требование демонов отдать им не только тело, но и душу жертвы, чего, насколько можно судить, не происходило с мужчинами³⁷. Напротив, эти последние полностью владели своим рассудком и чувствами, однако их родственники и друзья вполне могли получить от демона подобное предложение. Так, Бон-нуар, первый демон, завладевший Лораном Буассонне, требовал от матери и дяди мальчика отдать ему их души, тела, а также «различные вещи»³⁸.

То, что одержимый мужчина и его демон являлись различными существами, заключенными волею обстоятельств в одно тело, подтверждается и тем, что такие демоны оказывались более склонны к общению с посторонними. Речь при этом шла не только и не столько о священниках-экзорцистах (с которыми в конце концов соглашались заговорить и «женские» демоны), сколько о вполне рядовых обывателях: ближайших родственниках и друзьях жертвы. И происходило подобное общение не в церкви и не на сеансе экзорцизма, но в повседневной жизни, в домашних условиях. Любопытно при этом отметить, что темами для подобных бесед могли стать самые разнообразные сюжеты. Прежде всего, как я уже упоминала, «мужские» демоны довольно охотно раскрывали окружающим обстоятельства, навлекшие на того или иного

l'autre main senestre, comme voulant donner empeschement de faire ce qui luy est desplaisant'.

³⁶ Ibid. 66v, 70v, 74, 80-80v.

³⁷ См. прим. 28.

³⁸ Blendecq. 1582: 4v. 'Durant son tourment le malin esprit demandoit à ladite mere plusieurs choses, quelquefois un brain d'herbes, autrefois un espingle, une autrefois le tetin...Ce mesme esprit malin...demanda une autrefois à son Oncle David son ame, luy promettant de le faire riche à jamais. En un autre temps luy demandoit son corps apres sa mort, et pour recompense luy promettoit de luy donner dix escus'.

человека одержимость, и даже предлагали пути выхода из создавшейся ситуации, как это случилось с Николя Факье и его кузенами-гугенотами³⁹. Кроме того, демоны предсказывали будущее, причем не только собственным жертвам, но и всем желающим: многочисленным родственникам Лорана Буассонне⁴⁰, а также друзьям Николя Факье, в доме которых он жил и которым один из его демонов даже представился по имени – Крамузи⁴¹.

Точно так же демоны могли рассказать и о событиях, имевших место в далеком прошлом, о которых никто из присутствующих не был осведомлен. Именно так мать Лорана и его дядя Давид узнали от Бон-нуара о грешках другого его дяди – Антуана, промышлявшего кражами⁴². Иными словами, «мужские» демоны могли поделиться «тайными знаниями», которыми они обладали в силу своего сверхъестественного происхождения, практически с любым человеком. У одержимых женщин ничего подобного не происходило: их демоны оказывались крайне неразговорчивыми и до начала процедуры экзорцизма общались исключительно со своими жертвами⁴³.

Наконец, разница между «мужской» и «женской» одержимостью заключалась, согласно тексту Ш. Блендека, в том, что в первом случае демонов можно было увидеть, причем не только их жертвам, но и другим людям. Так, мать Лорана Буассонне, которая сопровождала его в церковь и в паломничество, чтобы как-то излечить от недуга, встречала и его первого демона Бон-нуара (в облике голубя), и его второго демона Ланнесона (в облике мужчины)⁴⁴. Она также беседовала с ними обоими: в частности, однажды Ланнесон предупредил бедную женщину, что стоит ей еще хоть раз поднять руку на

³⁹ См. прим. 15.

⁴⁰ Blendecq. 1582: 5-5v, 8v, 32v, 34, 35.

⁴¹ Ibid. 98v: 'En la fin luy demanda comment il avoit nom. Respondit qu'il se nommoit Cramoisy'.

⁴² См. прим. 14.

⁴³ Blendecq. 1582: 48v-49v, 52, 64v, 66v, 72v.

⁴⁴ Ibid. 2-2v, 33.

сына из-за его плохого поведения, он лишь сильнее будет терзать и избивать его, действуя «изнутри»⁴⁵. Друзья Никола Факье, в доме которых он жил на протяжении всей своей «болезни», также видели одного из его демонов (всего их было три: Крамуази, Левексьон и Пьеротти) в обличье «мужчины похожего на рабочего»⁴⁶.

Ничего подобного, насколько можно судить, не происходило с родными и близкими одержимых женщин. Никто из них не встречался с демонами. Например, Шарль Пьер, муж Николь Ле Руа, искренне удивлялся, видя, как его жена по дороге к церкви поднимала и переворачивала все увиденные ею камни. Для мужчины это были всего лишь булыжники, тогда как несчастная женщина видела вокруг себя сплошных демонов⁴⁷. То же самое происходило и в доме супругов: ни «белой женщины», ни «большого черного мужчины» под кроватью Николь Шарль никогда не видел⁴⁸.

Таким образом, все рассмотренные выше различия между «мужским» и «женским» типами одержимости совершенно явно, на мой взгляд, свидетельствовали о том, о чем сам Шарль Блендек не писал открыто, но что подразумевал. С его точки зрения, именно женщины оказывались первыми и наиболее вероятными жертвами демонов, которые очень быстро получали власть над их телами и разумом, полностью подавляли их волю и заставляли говорить и делать только то, что было угодно силам зла. Впрочем, сам Ш. Блендек, безусловно, не ставил перед собой цели изучить явление одержимости с точки зрения

⁴⁵ Ibid. 35: 'Ne luy ayant donné seulement que deux ou trois coups, l'esprit de contradiction et de rebellion fut tellement indigné, qu'il leur lit : Pour ce que l'avez fouëtté, je le voy broyer et tourmenter tant, que je le feray enrager'.

⁴⁶ Ibid. 98v: 'Quelque temps apres estant en une maison, où estoient presens plusieurs de ses amis, s'aparut à luy un homme en forme de laboureur'. Любопытно, что и сам Никола Факье являлся поденным разнорабочим (*manouvrier*): Ibid. 95v.

⁴⁷ Ibid. 46v.

⁴⁸ Ibid. 45v-46.

гендерных различий, а потому в его сочинении мы не найдем рассуждений о причинах данного феномена.

Почему же, однако, именно женщины выглядели в сочинении Ш. Блендека более расположенными к контактам с дьяволом и его демонами? Почему они становились одержимыми быстрее мужчин? Почему в результате их собственное «я» оказывалось полностью подавлено? Вне всякого сомнения, ответы на все эти вопросы крылись в давней традиции отношения к женщине как к заведомо более слабому, нежели мужчина, существу. Об этом еще с античных времен и на протяжении всего Средневековья европейцам напоминали и медицинские, и богословские труды, в которых постоянно подчеркивалась как физическая, так и психологическая слабость женщины, ее склонность к экстатическим состояниям, к мистицизму, ее религиозная восторженность и внушаемость⁴⁹. Как следствие, именно женщин винили в большей предрасположенности к впадению в ересь, к занятиям колдовством, к любым иным контактам с дьяволом и его присными. Вот почему, по мнению большинства средневековых авторов, женщины должны были находиться в подчиненном положении по отношению к мужчине – как в общественной, так и в частной жизни.

С тех же позиций, насколько можно судить, рассматривалось в раннее Новое время и явление одержимости. В рамках этой парадигмы женщина вновь оказывалась слабее мужчины, вот почему она быстрее становилась жертвой демонов, вот почему они полностью подавляли ее собственное естество. Если мужчина, как следует из сборника Шарля Блендека, изо всех сил сопротивлялся силам зла, женщина была на это совершенно не способна.

Насколько можно судить, подобное понимание одержимости являлось аксиомой практически для всех французских

⁴⁹ Литература по данной теме огромна. См., в частности: Agrimi, Crisciani. 1993: 1281-1308; Bloch. 1987: 1-24; Blumenfeld-Kosinski. 1991: 279-292; Bynum. 1994; Chène, Ostorero. 2000: 171-196; Corsi. 2008: 18-42; Kappler. 1999; Thomasset. 1993: 99-114.

демологов XVI-XVII вв. Мы не найдем внятных объяснений того, почему данный феномен носил преимущественно (если не исключительно) женский характер, ни у Жана Бодена, употреблявшего само слово «одержимая» (*assiegee par les malings esprits, possedee du Diable*) исключительно в женском роде⁵⁰; ни у его вечного оппонента, Иоганна Вейера, для которого одержимость (как и вера в колдовство) являлась следствием меланхолии, определяемой им как сугубо женский недуг – болезнь матки⁵¹; ни у Пьера де Берюля, использовавшего для обозначения одержимой женщины термин «энергумена» (*énergumène*), не имевший мужского рода⁵². Единственным, возможно, исключением в этом ряду явился трактат аббата Франсуа д'Обиньяка «Сообщение об одержимых в Лудене» 1637 г., в котором не только подробно описывались основные, с точки зрения экзорцистов, отличительные черты одержимости, но и был дан их подробный анализ⁵³.

Дело об одержимых в Лудене получило известность во всем Французском королевстве. В наведении порчи на местных монахинь-урсулинок, которые богохульствовали, сквернословили, корчили гримасы, содрогались в конвульсиях, разговаривали на неизвестных им до тех пор языках и объявляли себя беременными от дьяволов, проникших в их тела, был обвинен молодой священник Урбан Грандье, казненный

⁵⁰ Bodin. 1580: 119, 153v, 154, 156-156v, 160.

⁵¹ Wier. 1579: préface. 'Et celles ci sont femmes ordinairement, vieilles radotees, et retirees en leurs maisons, dedans la fantaisie desquelles...le diable se coule facilement, et principalement si elles sont malades de melancholie, ou bien si elles sont attristees et en desespoir extreme'.

⁵² [Berulle P. de.]. 1599: 27. 'L'ame de l'energumene ne vit et n'opere pas tant en son corps que Satan qui le possede'. Отсутствием внятных рассуждений на данную тему в источниках раннего Нового времени следует, вероятно, объяснить многообразие теорий современных историков, пытающихся объяснить данную закономерность во взглядах демологов XVI-XVII вв. Подробнее см.: Walker, Dickerman. 1991: P. 535-536; Ferber. 2008: 29-44; Ferber. 2004: 2-14.

⁵³ d'Aubignac. 1979: 144-194.

на костре в августе 1634 г.⁵⁴ Несмотря на это, одержимые появлялись в Лудене еще в течение многих лет: вплоть до конца 40-х гг. XVII в. город оставался в центре внимания как обывателей, так и представителей власти. В сентябре 1637 г. туда отправилась, в частности, герцогиня д'Эгийон, решившая своими глазами увидеть местных «больных»⁵⁵. Франсуа д'Обиньяка, отправившегося вместе с ней, просил об этом ее дядя, кардинал Ришелье, который относился к аббату как к своему доверенному лицу, на мнение которого он мог положиться. Вот почему именно ему он поручил составить для него официальную записку о происходящем в Лудене.

Д'Обиньяк исполнил поручение своего высокого покровителя. Он пробыл в городе неделю, беседовал с жителями, присутствовал на сеансах экзорцизма, несколько раз посетил аббатство урсулинок. Все это время он вел дневник, в котором фиксировал свои впечатления, которые затем систематизировал и изложил в «Сообщении». Он подробно описал, хотя и с крайней долей скептицизма, основные, по мнению экзорцистов, отличительные черты данного явления: конвульсии и судороги, которые сотрясали тела несчастных жертв и указывали на демонов, захвативших их души и тела, их черные лица и языки⁵⁶, затуманенный взгляд⁵⁷, метки на руках⁵⁸, способность

⁵⁴ Подробнее см.: *Possession de Loudun*. 1980 (с публикацией документов); Carmona. 1988.

⁵⁵ Об истории этого путешествия см., в частности: *Ibid.*: 304-308.

⁵⁶ d'Aubignac. 1979: 148. 'La veufve fit divers cris et pencha son corps en arriere, la teste fort renversée, le visage noir et difforme, la langue fort épaisse, noire et hors la bouche, les bras estandus et un peu contournés et les mains roides'.

⁵⁷ *Ibid.* 146: 'Pendant tous ces discours elle avoit la veue un peu troublée, ce que l'on me disoit estre la marque de la présence de Leviathan dans ses yeux où il habite; mais il m'a semblé qu'elle l'a presque toujours de la mesme sorte ou avec peu de différence'.

⁵⁸ *Ibid.* 153: 'Après qu'elle fut retirée, je demandé à voir sa main pour y considérer les deux marques que deux démons y avoient gravées pour signe de leur sortie'.

говорить на латыни, даже не зная этого языка⁵⁹, и многое другое. Он также изложил ужасающие подробности процедуры экзорцизма, которой подвергались больные женщины⁶⁰.

Тем не менее, сам д'Обиньяк, в отличие от своих сопровождающих в Лудене, искренне полагал все происходящее обманом. С его точки зрения, поведение одержимых, которых он наблюдал во множестве, их беспричинный смех, странные фразы, ругательства, потасовки с экзорцистами и плевки в окружающих, скорее, напоминали поведение сумасшедших⁶¹. Все признаки того, что в этих женщин вселился демон (или даже несколько демонов), представлялись ему выдуманными, в этих явлениях не было ничего сверхъестественного, их можно было легко объяснить «природными» причинами⁶². Таким образом, д'Обиньяк, понимая, что его заключение полностью противоречит принятой на тот момент точке зрения⁶³, приходил тем не менее к выводу, что в данном случае власти имеют дело с «мошенничеством, обманом, мерзостью и профанацией», что никакой одержимости демонами не существует и речь может идти лишь о психически нездоровых людях⁶⁴.

В подтверждении своего вывода аббат приводил самые разнообразные доводы, но главным его доказательством, безусловно, являлось то, что описываемое явление касалось

⁵⁹ Ibid. 145-146: 'Nous luy fismes plusieurs questions en latin auxquelles elle respondit en français et toujours à propos, mais aussy bien souvent ne respondoit elle point du tout disant qu'elle n'estoit pas troublée'.

⁶⁰ Ibid. 155-159, 160-167, 168-169, 180-183.

⁶¹ Ibid. 152: 'Tout ce que firent et dirent quatre d'entre elles sembloit plustost un effet de folie que d'un démon: elles riaient et parlaient extravagament, juroient, frappaient leurs exorcistes, crachoient au nez des assistants'. Об идентичном поведении людей, в судебном порядке признанных сумасшедшими, см.: Тогоева. 2003: 206-228.

⁶² d'Aubignac. 1979: 148. 'En tous les mouvements de ce corps, je n'y vis rien que de possible et mesme facile naturellement'.

⁶³ Ibid. 145: 'Tant de personnes disent avoir eu des preuves de la possession et si concluantes qu'il a de la témérité de les démentir'.

⁶⁴ Ibid. 194: 'Tout ce jeu n'est que fourbe, imposture, détestation et sacrilège'.

именно женщин, а потому обман оказывался особенно заметным и очевидным. Собственно, все признаки настоящей одержимости и несоответствие поведения жительниц Лудена этим нормам д'Обиньяк интерпретировал сквозь призму гендерных различий.

Прежде всего он обращал внимание на их неспособность говорить на латыни, понимать ее и другие древние языки, что, с его точки зрения, объяснялось особенностями женской памяти и разума, не предназначенных для научных штудий⁶⁵. Женщины, по мнению д'Обиньяка, не могли быть образованными и уж тем более не могли поддержать разговор с образованным мужчиной: аббат постоянно сетовал в своем «Сообщении» на то, что ему никак не удавалось как следует расспросить их об их переживаниях⁶⁶. Он также отмечал и другой, поразивший его факт: на процессе Урбана Грандье, признанного в 1634 г. виновным в появлении одержимых в Лудене, свидетелями выступал сами жертвы. Данное явление, писал д'Обиньяк, было совершенно невозможно с правовой точки зрения, поскольку женщины (как, впрочем, и демоны) не должны были выступать в суде в подобной роли⁶⁷.

С другой стороны, он не видел ничего удивительного в том, что главными участницами грандиозного обмана, творившегося в Лудене, выступали не простолюдинки, но мест-

⁶⁵ Ibid. 150: 'Ce que l'on pouvait attribuer à la malice du diable, ou à un défaut de mémoire de la femme'.

⁶⁶ Ibid. 170-173, 188, 190. Выпады д'Обиньяка против женской необразованности касались прежде всего урсулинок Лудена. Любопытно при этом отметить, что «Общество святой Урсулы», с 1572 г. преобразованное в монашеский орден, главным направлением своей деятельности почитало именно католическое образование молодых девушек, о чем автор «Сообщения» не мог не знать. Подробнее см.: Waters. 1994; Blaisdell. 1994: 99-136; Lierheimer. 1994: 110-116; Culpepper. 2005: 1017-1037.

⁶⁷ d'Aubignac. 1979: 150. 'Ce que je trouvay bien ridicule et de très pernicieuse conséquence que des personnes à qui l'on n'a rien veu faire d'extraordinaire en toutes leurs vies passassent pour magiciens sur le rapport de quelques femmes, filles ou des démons imposteurs, trompeurs et ennemis des gens de bien'.

ные урсулилки. С точки зрения аббата, подобное поведение было для них совершенно логично, поскольку именно монахини, обреченные на жизнь, полную ограничений, в замкнутом пространстве, привыкли к подчинению⁶⁸. Как следствие, они оказывались более приспособлены для мошенничества, поскольку ими легче было управлять их исповедникам и собственно экзорцистами, которые, по мнению аббата, заключали с ними сделки⁶⁹, дрессировали их как цирковых животных и выставляли напоказ⁷⁰.

Возможно также, писал д'Обиньяк, что эти женщины в большей степени оказывались склонны к меланхолии⁷¹, что также не могло не навести на мысль что в данном случае речь следовало вести не об одержимости демонами, но об обмане или, в лучшем случае, о настоящем заболевании.

В подобном объяснении увиденного в Лудене чувствовалось знакомство нашего автора с теорией Иоганна Вейера, также пытавшегося отыскать научные, а не мистические причины одержимости⁷². Вслед за ним д'Обиньяк давал свой – весьма оригинальный для начала XVII века – ответ на вопрос, почему женщины слабее мужчин, почему они оказываются податливее и чем, собственно, обуславливается эта податливость. С его точки зрения, речь следовало вести о вполне

⁶⁸ Ibid. 152-153.

⁶⁹ Ibid. 175: 'Le peuple receut cela pour une divination... mais ce petit entretien de l'exorciste et de la possédée nous en avoir un peu affaibly la créance outre que ces commandemens la sont si ordinaires que la moindre pratique de leurs exorcismes est une assés grande estude pour les deviner sans estre possédé'.

⁷⁰ Ibid. 184: 'Je sçay bien qu'entre elles il y a diversité d'agitations et d'exorcismes, mais en chacune d'elles une mesme méthode. De sorte que cela remet en mémoire ces animaux à qui l'on fait apprendre un certain nombre de sauts et d'actions qu'ils font selon le commandement de leur maistre et dans la suite qu'il les ont appris'.

⁷¹ Ibid. 158: 'On pouvait dire qu'il est naturel en la fille par quelque vapeur mélancholique'.

⁷² О поисках мистических причин одержимости у демонологов XVI-XVII вв. см., в частности: Houdard. 2010: 117-129.

естественных и понятных каждому человеку явлениях: об общей необразованности женщин и их неспособности к восприятию научных знаний, об их ущемленном правовом статусе, их подверженности сугубо «женским» заболеваниям. Именно этими причинами Франсуа д'Обиньяк и обосновывал слабость женщин и их подчиненное по отношению к мужчинам положение.

Таким образом, в «Сообщении» аббата мы находим уже несколько иное – по сравнению с эпохой Средневековья – понимание женской слабости и, как следствие, явления одержимости. Его взгляды представляли собой своеобразный гибрид из старых и совершенно новых, рационалистических идей об устройстве окружающего мира: не отвергая самого существования дьявола и его демонов, д'Обиньяк пытался объяснить столь странное явление как одержимость не сколько с позиций теологии, сколько с позиций зарождающейся науки. Именно эта тенденция под влиянием трудов Декарта стала преобладающей в XVIII в., однако для XVII столетия она являлась еще абсолютно новаторской. Безусловно, подобный взгляд на вещи, ставящий под сомнение мистическое происхождение одержимости никоим образом не прояснял истоки подобных верований. Однако уже одним своим существованием он свидетельствовал о том, каким образом во Франции Нового времени вера в одержимость постепенно сошла на нет.

Ольга Игоревна Тогоева
д.и.н., в.н.с. Центра «История частной жизни
и повседневности» ИВИ РАН
+7(495)9544296
togoeva@yandex.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

d'Aubignac. 1979. – Relation de M. Hédelin, sieur d'Aubignac, touchant les possédées de Loudun au mois de septembre 1637 // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle / Textes inédits présentés par R. Mandrou. P., 1979. P. 144-194.

[Berulle]. 1599. – [Berulle P. de.] Traicté des Energumenes, suivi d'un discours sur la possession de Marthe Brossier. Troyes, 1599.

Blendecq. 1582. – *Blendecq C.* Cinq histories admirables, esuelles est monstré comme miraculeusement par la vertu et puissance du S. Sacrement de l'Autel, a esté chassé Beelzebub Prince des diables, avec plusieurs autres Demons, qui se disoient estre de ses subiects, hors des corps de quatre diverses personnes. Et le tout advenu en ceste presente annee, 1582. en la ville et Diocese de Soissons. P., 1582.

Bodin. 1580 – *Bodin J.* De la démonomanie des sorciers. P., 1580.

Grandier. 1979. – Requête d'Urbain Grandier au roi Louis XIII (sans date, 1634) // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle / Textes inédits présentés par R. Mandrou. P., 1979. P. 121-133.

Rituale Romanum. 1851. – Rituale Romanum Pauli Quinti Pontificis maximis jussu editum. Mechelen, 1851.

Sacradotale Romanum. 1579. – Sacradotale Romanum. Venice, 1579.

de Sebonde. 1600. – *Raymond de Sebonde.* La violette de l'âme. Arras, 1600.

Wier. 1579. – *Wier I.* Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres et empoisonneurs. P., 1579.

ЛИТЕРАТУРА

Agrimi, Crisciani. 1993. – *Agrimi J., Crisciani C.* Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la *vetula* (XIIIe-XVe siècles) // AESC. 1993. № 5. P. 1281-1308.

Barroux. 2001. – *Barroux R.* Blendecq (ou Blandec) Charles // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle / Sous la dir. de M. Simonin. P., 2001. P. 155.

Blaisdell. 1994. – *Blaisdell C.J.* Angela Merici and the Ursulines // Religious Orders of the Catholic Reformation / Ed. by R.L. DeMolen. N.-Y., 1994. P. 99-136.

Bloch. 1987. – *Bloch R.H. Medieval Misogyny // Representations. 1987. № 20. P. 1-24.*

Blumenfeld-Kosinski. 1991. – *Blumenfeld-Kosinski R. Christine de Pizan and the Misoginistic Tradition // Romanic Review. 1991. T. 81. P. 279-292.*

Bynum. 1994. – *Bynum C.W. Jêunes et festins sacrés. Les femmes et la nourriture dans la spiritualité médiévale. P., 1994.*

Carmona. 1988. – *Carmona M. Les diables de Loudun: sorcellerie et politique sous Richelieu. P., 1988.*

Chêne, Ostorero. 2000. – *Chêne C., Ostorero M. Démonologie et misogynie. L'émergence d'un discours spécifique sur la femme dans l'élaboration doctrinale du sabbat au XVe siècle // Les femmes dans la société européenne / Ed. par A.-L. Head-König et L. Mottu-Weber. Genève, 2000. P. 171-196.*

Corsi. 2008. – *Corsi D. Mulieres religiosae e mulieres maleficae nell'ultimo Medioevo // “Non lasciar vivere la malefica”. Le streghe nei trattati e nei processi (secoli XIV-XVII) / A cura di D. Corsi e M. Duni. Firenze, 2008. P. 18-42.*

Culpepper. 2005. – *Culpepper D. “Our Particular Cloister”: Ursulines and Female Education in Seventeenth-Century Parma and Piacenza // Sixteenth Century Journal. 2005. T. 36. № 4. P. 1017-1037.*

Ernst. 1972. – *Ernst C. Teufelaustreibungen: Die Praxis der katholischen Kirche im 16. und 17. Jahrhundert. Bern, 1972.*

Ferber. 1991. – *Ferber S. The Demonic Possession of Marthe Brossier, France, 1598-1600 // No Gods Except Me: Orthodoxy and Religious Practice in Europe, 1200-1600 / Ed. by Ch. Zica. Melbourne, 1991. P. 59-83.*

Ferber. 2004. – *Ferber S. Demonic Possession in Early Modern France. L., 2004.*

Ferber. 2008. – *Ferber S. The Abuse of History? Identity Politics, Disordered Identity and the ‘Really Real’ in French Cases of Demonic Possession // Women, Identities and Communities in Early Modern Europe / Ed. by S. Tarbin and S. Broomhall. Burlington, 2008. P. 29-44.*

Houdard. 2010. – *Houdard S. La possession de Marthe Brossier. Un carrefour critique entre libertinage politique et mystique en France au début de l'époque moderne // Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe-XVIIe siècles) / Textes reunis par M. Ostorero, G. Modestin et K. Utz Tremp. Firenze, 2010. P. 117-129.*

Kappler. 1999. – *Kappler C.-C.* Monstres, démons et merveilles à la fin du Moyen Age. P., 1999.

Lierheimer. 1994. – *Lierheimer L.* Female Eloquence and Maternal Ministry: The Apostolate of Ursuline Nuns in Seventeenth-Century France. Princeton, 1994.

Roper. 1994. – *Roper L.* Exorcism and the Theology of the Body // Roper L. Oedipus and the Devil: Witchcraft, Sexuality, and Religion in Early Modern Europe. L., 1994. P. 171-198.

Possession de Loudun. 1980. – La possession de Loudun / Présentée par M. de Certeau. P., 1980.

Sluhovsky. 1996. – *Sluhovsky M.* A Divine Apparition or Demonic Possession? Female Agency and Church Authority in Demonic Possession in Sixteenth-Century France // *Sixteenth Century Journal*. 1996. T. 27. № 4. P. 1039-1055.

Thomasset. 1993. – *Thomasset C.* Le corps féminin ou le regard empêché // *Micrologus. Natura, scienze e società medievali*. 1993. № 1. P. 99-114.

Walker, Dickerman. 1991. – *Walker A.M., Dickerman E.H.* A Woman under the Influence: A Case of Alleged Possession in Sixteenth-Century France // *Sixteenth Century Journal*. 1991. T. 22. № 3. P. 534-554.

Waters. 1994. – *Waters P. M.* The Ursuline Achievement: A Philosophy of Education for Women, St. Angela Merici, the Ursulines, and Catholic Education. Victoria, 1994.

Тогоева. 2003. – *Тогоева О.И.* “Estre ydiot”: категория «сумасшедший» во французском средневековом праве и способы ее описания // *Власть, право, религия: взаимосвязь светского и сакрального в средневековом мире*. М., 2003. С. 206-228.

ДРУЖБА МЕНЯЕТ ПОЛ: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АЛЛЕГОРИЯХ

Ключевые слова: дружба, аллегория, персонификация, гендерные стереотипы.

Аннотация: В центре внимания в данном исследовании находятся изменения в аллегорических изображениях дружбы в виде человеческих фигур, произошедшие с XIII по XVIII столетие. Автор прослеживает взаимосвязь между ними, изменениями в представлениях о дружбе и гендерными стереотипами Средневековья и раннего Нового времени.

В отношении персонификации как фигуры речи, которая наделяет неодушевленные понятия человеческими характеристиками, на данный момент существует весьма обширная традиция исследований, в том числе касающаяся гендерных вопросов: каковы механизмы, благодаря которым то или иное понятие описывается через определенные характеристики маскулинного и феминного, какова здесь роль грамматической категории рода и какова вообще связь между этой категорией и гендерными стереотипами в разных языках. Это целое направление в гуманитарном знании, преимущественно в лингвистике, рассмотрение которого уведет далеко за пределы данного исследования. Даже анализ историографии, имеющий отношение к традиции персонификаций в западной литературе и искусстве, потребовал бы слишком обширного отступления от темы, поскольку это тоже отдельная ниша исследований в современном знании¹. К примеру, в Принстонском университете существует обширный проект, касающийся-

¹ Приведем лишь несколько последних изданий, наиболее близких к данному исследованию: Kroke. 2012; Lewis. 2013; La Personnification. 2014.

ся персонификаций в средневековом искусстве, в рамках которого вышла не одна монография².

В данном исследовании будут отчасти затронуты и эти проблемы, однако основной его ракурс будет иным, идущим не от истории искусства, а от Новой культурной истории. В центре внимания окажется вопрос о том, как изменялись гендерные характеристики персонификаций в зависимости от трансформации самого означаемого явления – представлений и практик дружеских отношений, и рассмотрен он будет на примере аллегорий дружбы.

На сегодняшний момент хорошо известно, что в средневековом искусстве аллегория вообще и персонификация в частности имели немалое значение. Традиция репрезентации абстрактных понятий возводилась к Античности, в особенности к «Психомахии» Пруденция, которая была очень популярна в Средневековье. Она породила массу изображений пороков и добродетелей, в которых главенствовали правила риторики. Понятие репрезентировалось в том или ином облике в зависимости от грамматического рода латинского слова, его обозначающего. Поскольку в латинском языке абстрактные понятия имеют женский род, то и пороки, и добродетели изображались в виде женских фигур.

Дружба (*Amicitia*) не входила в канонический набор семи добродетелей, но тем не менее иногда появлялась в их числе, заменяя собой Милосердие и в какой-то степени являясь его аналогом. И здесь надо упомянуть о такой, тоже вполне человеческой характеристике, которую применяют к очеловеченным понятиям, как генеалогия.

В средневековой традиции было принято выделять четыре основных, кардинальных добродетели, и три христианских – благоразумие, справедливость, умеренность, мужество, веру, надежду и любовь или милосердие, – от которых происхо-

² Информацию о нем можно получить на портале “Index of Christian Art”. Режим доступа: [<http://ica.princeton.edu/index.php>] (дата входа 05.10.14)

дят и все прочие добродетели. В «Комментариях на Сон Сципиона» Макробия мы можем найти информацию о происхождении дружбы:

*От справедливости происходят безупречность, дружба, согласие, преданность, благочестие, душевное расположение, человечность. Посредством этих добродетелей добрый муж становится правителем вначале себя [самого], а затем государства. Он руководит справедливо и предусмотрительно, не пренебрегая человеческими делами.*³

Правда, вне макробиевой традиции вместо дружбы в качестве дочери Справедливости обычно упоминается Милосердие (*Charitas*), которое оказывается гораздо более популярным. В Средневековье и эпоху Возрождения можно говорить о нескольких традициях репрезентации добродетелей, не сводящихся к противопоставлению греческой и римской иконологической практики. Именно в текстах, близких к макробиевой интерпретации, и появляются образы дружбы как одной из добродетелей, дочерей Справедливости.

Самой древней средневековой аллегорией дружбы считается скульптурное изображение архивольта северного портала Шартрского собора (*Илл. 1*). Дружба представлена в образе женщины в короне добродетели со щитом с четырьмя голубками – символом мира и согласия. Наиболее известными из средневековых персонификаций Дружбы являются те, что представлены в сочинении доминиканца Брата Лорана «Книга пороков и добродетелей», или “*Somme le Roi*”, составленном в 1279 г. В миниатюре из манускрипта XIV века, хранящегося в Кембридже (*Илл. 2*), Дружба (*Amitie*) предстает как молодая женщина в сине-красных одеяниях, увенчанная короной добродетели⁴. Она держит в руках медальон с голубем – символом мира – и попирает ногами дракона – источник раздоров. Ее противоположностью, изображенной рядом под названием *Hely*, по мнению Роземунд Тьюв, является За-

³ Макробий. 2010: Кн.1 Гл.8 [7].

⁴ Laurent d'Orleans 1. CAM. MS B.9. F. 201^v.

висть (*Invidia*)⁵. В другом манускрипте антиподом Дружбы (*Ammitie*) представлена Ненависть (*Heine*)⁶. В еще одном манускрипте запечатлена беседа пророка Илии с Дружбой, которая вновь предстает с голубем в руках⁷

Эти персонификации условно можно назвать гендерно нейтральными, в том смысле, что женская фигура в них является знаком грамматического женского рода, и авторы не пытаются использовать характеристики, ассоциирующиеся с женщиной, для репрезентации особенностей понятия дружбы. В этих манускриптах чисто визуально даже сложно отличить грешницу от праведницы – лишь дополнительные атрибуты, делают из женской фигуры аллегория добродетели или порока. Связано это с тем, что сама по себе иллюстрация не имела самостоятельного значения и не должна была быть самоочевидной. Еще в 40-х гг. XX века Ф. Саксль писал:

*Изображение не имело никакой воспитательной ценности, оно могло быть опущено, что часто и происходило. Одно лишь описание позволяло извлечь моральный урок*⁸.

И это описание выстраивалось через толкование символов и атрибутов. Человеческая фигура сама по себе не выражала никаких свойств означаемого понятия, как манекен, она обретала символический смысл лишь в зависимости от тех атрибутов, которые ее дополняли.

С конца Средневековья и в эпоху Возрождения, как отмечают многие исследователи, происходит пересмотр аллегорической традиции⁹. Многие аллегии обретают новые атрибуты взамен тех, которые кажутся устаревшими или несоответствующими античной традиции. Однако очевидно, что граница между сменой атрибутов и сменой самого значения очень проницаема.

⁵ Tuve. 1964: 45.

⁶ Laurent d'Orleans 2. BL Add MS 28162. F. 6^v.

⁷ Laurent d'Orleans 3. BL Royal 19 C II. F. 57.

⁸ Saxl. 1942: 100

⁹ См. об этом: Panofsky. 1967; Sulzer. 1970; Heckscher. 1954.

С XIV столетия появляется целая серия аллегорий, в которых под именем «Дружбы» предстает молодой босоногий мужчина в зеленых одеяниях, указывающий рукой на сердце. Рядом начертаны девизы «вблизи и вдали», «в жизни и в смерти», «зимой и летом». Эта традиция связана с произведением Джона Ридвола «*Fulgentius metaforalis*»¹⁰, и во многом созданного на его основе сборника эмблем другого автора XIV века, Роберта Холкота, в которых появляется такой словесный портрет, а в некоторых списках имеются и миниатюры. (Одна из них представлена здесь - *Илл. 3*).

Как пишет Роберт Холкот, молодость свидетельствует о том, что «истинная любовь и искренняя дружба не должна стареть»¹¹: она равно сильна в течение всего времени. Босые ноги и непокрытая голова, свидетельствуют об искренности дружбы и ее постоянном желании услужить друзьям. Об этом же напоминает и девиз «зимой и летом», т.е. в процветании и невгодах. Другой девиз дружбы – «вблизи и вдали» – говорит о том, что далеких друзей любят столь же сильно, как если бы они были рядом, и даже после смерти, о чем свидетельствует третий девиз «в жизни и в смерти». Открытое сердце – это знак того, что у друзей нет друг от друга тайн, и они чутки к потребностям друг друга. Одеяние юноши свидетельствует о том, что дружба всегда тепла, а ее зеленый оттенок – символ свежести и сладости дружеских отношений.

Очевидно, что в данном случае визуализировано иное понимание дружбы, нежели то, что нам транслировали первые образы. Речь идет не о христианской абстрактной добродетели миролюбивости и согласия (абстрактность в женском образе, кстати говоря, хорошо соотносится не только с латинской грамматикой, но и с представлениями о женщинах), а о вполне конкретных взаимоотношениях двух людей, основанных на верности и взаимном обмене услугами. Не случайно этот мужской образ появляется в сочинении, посвященном

¹⁰ Fulgentius. BAV MS. Pal. Lat. 1066. F. 236^r.

¹¹ Holcot. 1586: 731.

Фульгенцию и его интерпретации античной мифологии. Вальдемар Деонна, отмечает, что в античности дружба всегда ассоциировалась с мужскими гражданскими добродетелями¹². В этом отношении оказывается неслучайным место, где появляется еще одно подобное изображение дружбы (*Илл. 4*), которое и изучал Деонна, – зал Государственного совета Женевского кантона в ратуше Женевы.

В данном случае мужской образ Дружбы оказывается средством выразительности, тем более важным для нас, что он соответствует, что называется, не букве, а духу, и входит в противоречие со сложившейся традицией. Говоря о воплощении в дружбе римских гражданских добродетелей, Деонна оговаривается, что способ репрезентации дружбы в виде мужской фигуры появляется только в эпоху Возрождения.¹³ Очевидно, его появление можно связать с известным стремлением эпохи к гармонии между реальностью и способом ее репрезентации, означаемого и означающего. Мужское тело и его облачение показывает, что речь идет о сугубо мужском идеале верного служения, имеющем значимость в той самой пресловутой публичной сфере, с которой соотносится мужское начало. Такие образы становятся особенно популярны в XV–XVI столетиях.

Это изменение, однако, не было последним. Имея в виду изображения XVI–XVII веков, В. Деонна отмечает: «Позднее Дружба меняет пол; она становится юной девушкой»¹⁴. Замечание само по себе заслуживающее изучения, поскольку сделано оно было в 50-х годах прошлого столетия. Если превращение женского образа в аллегории в мужской понятно – как и во всех других случаях, оно оправдано еще большим повышением значимости, то вот обратная смена пола вызывает вопросы. Очевидно, что даже очень похожие мужчина и женщина суть совершенно разные члены общества, и их образы

¹² Deonna. 1952: 131.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.: 137.

вызывают разные ассоциации. Для отказа от мужского образа должны были быть веские причины.

Самое раннее изображение этой группы, которое нам удалось разыскать, относится к началу XVI в. (*Илл. 5*). О нем известно только, что оно имеет французское происхождение. Сейчас изображение хранится в Национальной галерее искусств США. Одного взгляда на этот портрет достаточно, чтобы понять, что, хотя на нем изображена молодая женщина с распущенными длинными волосами, образ имеет гораздо больше общего с мужскими аллегориями XV–XVI в., нежели с более ранней традицией изображения Дружбы в виде женщины. Ее грудь обнажена, и правая рука указывает на сердце. Возле ее головы, левого плеча и подола одеяния еле видны выцветшие от времени девизы «летом и зимой», «вблизи и вдаль», «в жизни и в смерти». Правую половину ее тела покрывает элегантное красное одеяние, правая нога обута. На левой же половине тела выцветшее, поношенное и рваное платье, нога боса. Это соответствует расположению девиза над головой: «летом», т.е. в процветании – над правой половиной, «зимой», т.е., в бедности – над левой.

Популярность этому типу изображений придал Чезаре Рипа, создавший первое печатное пособие по персонификациям – «Иконологию», вышедшую в 1593 г. (в третьем издании 1603 г. впервые были добавлены гравюры). Книга была невероятно популярна и служила своего рода справочником, в котором могли черпать идеи авторы сборников эмблем и аллегорических полотен.

Рипа, с одной стороны, следует формальной традиции изображать то или иное понятие в соответствии с грамматическим родом латинского слова, его обозначающего¹⁵. Он апеллировал к античному происхождению запечатленных в его книге образов и корил авторов, осмеливающихся отступать от древних образов «по ошибке, небрежению или чрез-

¹⁵ Подробнее о роли традиции в аллегории дружбы Чезаре Рипы см.: Стогова. 2003.

мерной самонадеянности»¹⁶. Но при этом, по сути дела, Рипа компилирует образ Дружбы из известных ему аллегорий: традицию изображать дружбу в виде женщины (*Илл. 6*) он совмещает с образом, который на тот момент был известен преимущественно как мужской, добавляя еще эмблему из сборника Альчиати – обвитый плющом засохший вяз¹⁷, который, в свою очередь также апеллирует к античности.

Это почти полный аналог мужской аллегии Дружбы с добавлением новых смысловых элементов. Однако удивляет легкомыслие, с которым Рипа, прикрываясь, по сути дела, тезисом о следовании традициям, отмахнулся от этого мужского воплощения, как несущественной детали, не меняющей черт самой Дружбы, по сути дела, вновь лишив саму человеческую фигуру и ее гендерные характеристики символической значимости. Но расставшись с мужским обликом, аллегория дружбы потеряла возможность сообщать о политической и гражданской значимости этого понятия. По всей видимости, обвитый плющом вяз – символ верности – Рипа добавляет именно для компенсации этого изменения, тем самым косвенно признавая значимость для аллегии стереотипов и коннотаций, связанных с гендерной принадлежностью.

В связи с этим мы вправе задаться вопросом: а не изменилось ли само понимание дружбы? не превратилась ли дружба, которая под влиянием Рипы с конца XVI в. изображается почти исключительно в женском облике, в явление более частное и приватное – с типичными коннотациями феминного? Дальнейшее развитие аллегорий показывает, что дружба все больше ассоциируется с эмоциональным началом, с чувственной природой отношений, а не с идеалом служения.

Здесь, правда, сложно взвалить всю вину на Чезаре Рипу. В XV веке мы можем увидеть еще одну любопытную трансформацию или, возможно параллельное существование: когда образ дружбы в мужском обличье безо всяких изменений ока-

¹⁶ Ripa. 1603: [V].

¹⁷ Alciati. 1534: 16.

зывается образом любви, понятой в рамках все того же христианского противопоставления пороков и добродетелей (*Илл. 7*).

В рамках аллегорий дружбы мы можем говорить о том, что дружба, понятая как привязанность и разновидность любви, противопоставленная любви плотской, будет иметь женское обличье (*Илл. 8*). И, как и в случае с мужским образом, этот облик будет не просто данью грамматике. Ко второй половине XVIII столетия, когда дружба начнет превращаться в подобие пылкой любовной страсти, женская фигура начинает нести в себе все больше значений, отсылающих как раз к чувственной природе как означаемого, так и означающего (*Илл. 9*). И ей потребуется куда меньше атрибутов, роль которых теперь заключается только в том, чтобы оттенить, конкретизировать, какую именно разновидность любви и привязанности символизирует собой женская фигура.

И чтобы завершить рассмотрение усиление значимости гендерных стереотипов в аллегориях надо сделать еще два замечания. Первое касается развития национальных литературных языков. Те же сборники эмблем переводятся на разные языки, и соответствие аллегории латинской грамматике утрачивает всякую актуальность. И во Франции, где слово *amitié* имеет женский род, женский образ дружбы будет единственным, а вот в Англии, где неодушевленные понятия формально не имеют гендерных маркеров (хотя на деле это не так, в разговорном языке неодушевленные понятия часто заменяются местоимениями женского или мужского рода, особенно в отношении животных: крупные и сильные – мужским, мелкие и слабые – женским) мужская аллегория дружбы сохраняется как минимум вплоть до конца XVII столетия. Но это различие мы можем отнести и к разным традициям рассуждений о дружбе в XVII веке во Франции и в Англии.

Второе замечание связано с изменением самой сути знака в персонификациях, которое происходит в раннее Новое время. По выражению Уолкера Каппа, аллегоризм старого типа уми-

рает в XVII веке¹⁸. Со времен средневековья в аллегории за описанием земной реальности следовало угадывать явления высшего порядка. Теперь аллегория ведет от вымысла к земной реальности, которую следует за ним угадать.

Мы можем сказать, что аллегории дружбы все чаще начинают описывать не абстрактную универсальную добродетель, а скорее модель поведения, с которой себя ассоциирует определенная социальная группа, и, в конечном счете, она превращается в способ самоописания. И в этом случае выбор мужской или женской фигуры в аллегории оказывается уже делом принципиальным.

В качестве примера можно привести уже упомянутое изображение, которое и по сей день украшает зал заседаний Государственного совета Женевского кантона в ратуше (*Илл. 4*). Причем очевидно, что это парадное изображение. Юноша предстает нам в весьма элегантном одеянии, которое недопустимо распахивать в столь высоком собрании, даже для того, чтобы продемонстрировать свое сердце. Сам за себя говорит и тот набор изображений, которые почтенные советники поместили в этом зале. Наравне с тремя персонификациями – Дружбы, Наблюдения и Справедливости, там представлены фигуры Сивиллы, почтенных мужей – Аристотеля, Саллюстия, Вергилия, Цицерона, и другие изображения (общим числом 14), имеющие не меньшее символическое значение. Очевидно, что аллегория дружбы появляется здесь не просто как олицетворение одной из гражданских добродетелей, но как составная часть образа самих членов государственного совета и приличествующего им отношения к работе.

Другой пример связан с французской салонной культурой. Во второй половине XVII столетия во Франции появляется немало аллегорических сочинений, репрезентирующих соотношение понятий любви и дружбы. Многие авторы прибегали и к помощи персонификаций. В качестве примера можно привести анонимные «Битву Дружбы и Любви» (1645

¹⁸ Карр. 1986: 389.

г.)¹⁹ и «Свадьба Амура и Дружбы»²⁰ (1656 г.), «Диалог Амура и Дружбы» Шарля Перро²¹ (1660 г.) и одноименное сочинение де Тронша (1696 г.)²².

Остановимся на литературной аллегории Шарля Перро «Диалог Амура и Дружбы», в которой под видом героев описываются сами завсегдагаи салонов²³. Дружба представлена душой компании, без которой немислимо никакое развлечение:

Правда, в младенчестве она не была столь приятной, каким был Амур, но начав понемногу взрслеть, она сделалась столь прекрасной, что знакомства с ней искали и желали все, кто ее видел. Старались, чтобы она принимала участие во всех устраиваемых развлечениях, и компания казалась неполной и нерасположенной к веселью, если она пропускала встречу. Даже философы охотно говорили, что ее присутствие уменьшает все печали и удваивает все удовольствия, и что жизнь была бы без нее скучной²⁴.

Именно она, а не ее сводный брат Амур, который то и дело вносящий раздор, может служить олицетворением этого женского царства подчеркнутой приятности для окружающих. И Перро, приводящий стихотворный автопортрет Дружбы наделяет ее внешней женской красотой:

*Я высокого роста, с наивным лицом,
безыскусна и не утонченна,
С кожей ровной и свежей довольно при том.
Никогда не кладу я румяна.
Манеры учтивы, смеется мой рот
И кротки мои глаза²⁵.*

Здесь мы имеем двойную конструкцию: с одной стороны, эти характеристики женского образа важны для репрезентации бесхитростности, искренности и красоты истинной друж-

¹⁹ Combat. 1645: 189

²⁰ Le mariage. 1656.

²¹ Perrault. 1660.

²² De la Tronche. 1696.

²³ См. об этом подробнее: Стогова. 2008

²⁴ Перро. 2008: 236.

²⁵ Перро. 2008: 241.

бы, с другой – для создания образа собственно посетительницы салонов, который вступает в очевидное противоречие с карикатурными Мольеровскими смешными жеманницами. Тем более что текст Перро появляется буквально через несколько месяцев после премьеры пьесы²⁶. Недаром сам Перро писал, что «аллегория – это вид маскарада, где истинный смысл того, что хочешь сказать, скрыт, как под маской за смыслом самой речи»²⁷. В данном случае под маской дружбы скрывается посетительница аристократического салона.

Но апофеозом этой тенденции могут служить многочисленные аллегории дружбы, сделанные по заказу маркизы де Помпадур известными мастерами XVIII века – Пигалем, Гюэ, Буше и Фальконе – и репрезентирующие ее самое. Это своеобразная художественная пиар-кампания 50-х годов XVIII века, которая была призвана создать маркизе новый, «правильный» образ в глазах окружающих и самого короля. Как раз около 1750 г. маркиза по совету медиков перестала проводить ночи в спальне короля, и их отношения приобрели платонический характер. И этот новый образ (*Илл. 10*), создаваемый преимущественно в мелкой пластике и эстампах, по сути дела транслирует нам мысль об отсутствии у маркизы каких бы то ни было политических и вообще публичных интересов с одной стороны, низменных плотских – с другой. Он представляет нам маркизу воплощением верной, чистой и бескорыстной любви-дружбы. И здесь уже дружба не просто репрезентируется в женском образе, но фактически превращается в женщину, и все коннотации, которые может вызывать такой образ женского тела, и составляют понятие дружбы. Как отмечают исследователи, в образе Дружбы легко угадывались черты и самой заказчицы²⁸.

²⁶ «Смешные жеманницы» Мольера были поставлены в парижском театре Пти-Бурбон 18 ноября 1659 г., а первое издание «Диалога Амура и Дружбы» Перро вышло в 1660 г.

²⁷ Perrault. 1693: Pt. 2. 140.

²⁸ Каган. 1975: 47.

Все это позволяет нам говорить о том, что специфика понятия дружбы, обозначающего не абстрактное качество, но тип взаимоотношений между людьми, оказала существенное влияние на способ изображения этого понятия в аллегориях, в особенности потому, что понимание ее существенно разнится, и в культуре даже одного периода могут сосуществовать различные дружеские дискурсы. По меньшей мере, мы можем говорить о том, что в различные периоды в разных обстоятельствах и для разных социальных групп и даже отдельных людей те или иные дискурсы дружбы оказывались более значимыми, в том числе и для конструирования собственного образа. По мере того, как оказывается все более важным репрезентировать не дружественность вообще, а дружбу как отношения, причем отношения, отсылающие к идеалу поведения в определенной социальной среде, оказываются все более значимыми гендерные маркеры феминного/маскулинного, которые выражает человеческая фигура персонификаций. И именно в силу соотнесенности мужской и женской фигуры с определенным набором стереотипов, она обретает выразительность, даже более значимую, нежели окружающие ее атрибуты.

Анна Вячеславовна Стогова
к.и.н., с.н.с. Центра гендерной истории ИВИ РАН,
доцент Кафедры истории и теории культуры
Отделения социокультурных исследований РГГУ
+7(495)9544489
anna100gova@yandex.ru

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Аллегория дружбы. Архивольт северного портала. Собор Нотр-Дам. Шартр.

Илл. 2. Аллегии дружбы и зависти. XIV в. Laurent d'Orleans 1: f.201^v

Илл. 3. Аллегория дружбы. XV в. Ridewall: f. 236^f

Илл. 4. Аллегория дружбы. Зал Государственного совета. Ратуша Женевы. XV в.

Илл. 5. Аллегория дружбы. н. XV в. Национальная галерея искусств США (Woodner Collection, Gift of Andrea Woodner - 2006.11.59)

Илл. 6. Аллегория дружбы. Рипа. 1603: 15.

Илл. 7. Образ любви (Амура). 1430-1440 гг.
Virtutum: f. 9^v

Илл. 8. «Амадео Берутти, епископ Аосты, беседующий со Строгостью, Дружбой и Любовью». 1515 г. Эстамп.

Илл. 9. Дружба, держащая двумя руками сердце.
Э.-М. Фальконе. 1765 г.

Илл. 10. Маркиза де Помпадур в образе Дружбы.
Ж.-Б. Пигаль 1753 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Макробий. 2010. – *Макробий*. Комментарий на Сон Сципиона / Пер. с латинского и примечания М. С. Петровой. // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (Исследования и переводы). М.: Кругъ, 2010. С. 229-237.

Перро. 2008. – *Перро. III*. Диалог Амура и Дружбы / Пер. с фр. и комм. А.В. Стоговой // Французское общество в эпоху перелома: от Франциска I до Людовика XIV. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 233-263.

Alciati. 1534 - *Alciati A. Andreae Alciati Emblematum Libellus*. P. : Christian Wechel, 1534.

Amadeo Berruti, jurisconsulte, évêque d'Aoste, conversant avec l'Austérité, l'Amitié et l'Amour : [estampe] -[s.n.]-1515

Combat. 1645 – *Combat de l'Amitié et de l'Amour // Le Recueil la Suze-Pelisson*. Pt. 3. Lyon, 1645. P. 189.

De La Tronche. 1696 – *de la Tronche*. Dialogue de l'Amour et de l'Amitié par Mr. De la Tronche // *Recueil de pieces curieuses et nouvelles, tant en Prose qu'en Vers*. Tome V. Première partie. A la Haye : Chez Adrian Moetjens, 1696. P. 21-33

Laurent d'Orleans 1. – *Wace. Chrestien de Troyes*. Lives of saints. *Laurent d'Orleans*. Somme le roy, etc. CAM. MS B.9

Laurent d'Orleans 2. – Laurent d'Orleans. Somme le Roi. BL Add MS 28162.

Laurent d'Orleans 3. - *Laurent d'Orleans*. La somme le roi, with Gospels and the Complainte de Notre Dame. BL Royal 19 C II

Le mariage. 1656. – *Le mariage de l'amour et de l'amitié*. Paris: C. de Sercy, 1656.

Perrault. 1660. – *Perrault Ch*. Dialogue de l'amour et de l'amitié. P.: P. Bienfait, 1660.

Perrault. 1693. – *Perrault Ch*. Parallele des Anciens et des Modernes. P. : 1693.

Ridewall. – *Ridewall J*. Fulgentius metaphoralis. BAV MS. Pal. Lat. 1066.

Ripa. 1603. – *Ripa C*. Iconologio oporto descriptione di diverse imagini cauate dall'antichita, & di propria inuentione. Roma, 1603.

Virtutum. - *Virtutum ac vitiorum delineation*. Biblioteca Casanatense. Ms. 1404.

ЛИТЕРАТУРА

Каган. 1975. – *Каган Ю.* К вопросу о творческих связях Жака Гюэ // Искусство Франции XV–XX веков. Л.: Аврора, 1975. С. 35-50.

Стогова. 2003. – *Стогова А.В.* Образы прошлого в «Иконологии» Чезаре Рипы // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 242-254.

Стогова. 2008. – *Стогова А.В.* Любовь и дружба в галантной литературе 17 века // Французское общество в эпоху перелома: от Франциска I до Людовика XIV. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 216-232.

Deonna. 1952. – *Deonna W.* Les fresques de la Maison de Ville de Genève // Zeitschrift für schweizerische archaologie und kunstgeschichte. 1952. Band 13. Heft 4. S. 129-159.

Heckscher. 1954. – *Heckscher W.S.* Renaissance Emblems // The Princeton University Library Chronicle. 1954. №15. P. 55-68

Holcot. 1586. – *Holcot R.* Moralitates historiarum. Basle, 1586.

Кapp. 1986. – *Кapp V.* Pour une theorie de la lecture allegorique au XVIIe siecle // Storiografia della critica francese nel Seicento. Bari-P., 1986. P. 389-405.

Kroke. 2012. – *Kroke A. F.* Giorgio Vasari. la Fabrique de l'Allégorie. Culture et Fonction de la Personnification au Cinquecent. Florenz: Olschki, 2012

La Personnification. 2014. – La Personnification du Moyen Age au XVIIIe siècle / sous ed. de Mireille Demaules. P. : Garnier, 2014

Lewis. 2013. – *Lewis C. S.* The Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2013

Panofsky. 1967. – *Panofsky E.* Essais d'iconologie : les thèmes humanistes dans l'art de la Renaissance. P. :Gaillimard, 1967

Saxl. 1942. – *Saxl F.* A Spiritual Encyclopedia of the Later Middle Ages// Journal of the Warburg and Courtauld institutes. V. 5. 1942 P.82-142.

Sulzer. 1970. – *Sulzer D.* Zu einer Geschichte der Emblemtheorien // Euph. 1970. №64. S. 23-50

Tuve. 1964. – *Tuve R.* Notes on the virtues and vices // Journal of the Warburg and Courtauld institutes. V. 26. 1963. P.264-303 ;V. 27. 1964. P.42-72.

«ДИССЕРТАЦИЯ» АННЫ-МАРИИ ВАН ШУРМАН И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В ЕВРОПЕ XVII В.

Ключевые слова: Анна-Мария ван Шурман, «Диссертация», Франция, Англия, Мейкин.

Аннотация: В статье рассматривается история создания и восприятие современниками «Диссертации» голландской писательницы и философа Анны-Марии ван Шурман, касающейся вопросов о том, может ли женщина быть образованной. Особое внимание уделяется двум группам текстов, относящимся к «Диссертации», а также французскому и английскому переводам «Диссертации».

В начале XVII века во многих европейских странах появляются тексты, затрагивающие проблему положения женщин в обществе и их роли в социальной и культурной жизни. Особое внимание авторов привлекал вопрос о женском образовании: чему и как должны учиться женщины. В Голландии едва ли не первым текстом на эту тему была «Диссертация» Анны-Марии ван Шурман.

Биография Шурман известна намного лучше, чем биографии других ученых женщин первой половины XVII века. Благодаря включенности Шурман в европейское ученое сообщество, ее знали далеко за пределами Голландии. Помимо голландских поэтов Якоба Катса, Даниэля Хейнсия и Константейна Гюйгенса круг ее знакомых включал, к примеру, знаменитых французских философов Рене Декарта и Пьера Гассенди и даже датскую переводчицу Биргитту Тотт.

За выдающиеся и многообразные способности и образованность Анну-Марию ван Шурман (1607–1678) называли «звездой Утрехта». Она была поэтессой, философом и лингвистом, художницей, каллиграфисткой и музыкантом. Декарт говорил о ее «блестящих способностях к поэзии и живописи».

си»¹. Друг Декарта математик Марен Мерсенн, не зная точно ее имени, еще в 1638 году изъявил желание больше узнать об обладательнице столь выдающегося ума². Кстати, впоследствии Шурман принадлежала к сети корреспондентов Мерсенна. Французский теоретик литературы Пьер-Даниэль Юэ назвал Шурман одной из самых образованных женщин своего времени³, а ее поклонник голландец Ян ван Бевервик еще в 1639 году включил ее имя в каталог выдающихся представительниц прекрасного пола и хотел посвятить ей свой труд⁴.

Анна-Мария ван Шурман уже в детстве поражала окружающих выдающимися способностями к языкам, изобразительному и прикладному искусствам и другим предметам. Родившись в Кельне в семье Фредерика Шурмана и Евы фон Гарфф, представительницы мелкого немецкого дворянства, она приехала в Утрехт, город, в котором она провела большую часть своей жизни, в возрасте десяти лет. В ее автобиографии «Правильный выбор» (Eukleria, 1673) можно обнаружить сведения о ее детстве. Шурман рассказывает, что уже в три года хорошо читала по-немецки и цитировала по памяти катехизис. В ней рано обнаружилась склонность к религиозной жизни, наполненной благочестием. Шурман выражала благодарность родителям за то, что они «обучали своих детей не только человеческим наукам, но и вере, как они ее понимали»⁵. В одиннадцать лет она заинтересовалась историей мучеников и «страстно возжелала променять даже самую сладкую жизнь на славную смерть»⁶. Из-за отношения к мученичеству юная Анна-Мария разошлась во мнениях с Эразмом Роттердамским, которого в целом очень уважала и не раз ссылалась на него в своих сочинениях.

¹ Schurman. 1998. Irwin J. Introduction: 7.

² Larsen. 2005: 298.

³ Turner: 2003: 65.

⁴ Beverwijck. 1639. См. об этом: Schurman. 1998. Irwin J. Introduction: 5–6.

⁵ Ibid.: 80–81.

⁶ Ibid.: 82.

Шурман получила домашнее образование. Родители отправили ее во французскую школу всего на два месяца, и после этого она продолжила учиться вместе с братьями. Ее успехи в учебе были очевидными: она быстрее своих братьев выучила латынь и французский, в шесть лет мастерски вырезала из бумаги человеческие фигурки, в десять научилась вышивать «за три часа». Ее фигурки из дерева хвалил известный художник Герард Хонтхорст.

Шурман имела репутацию чудо-ребенка. Когда ей было тринадцать, известная поэтесса Анна Румерс Виссер в своем стихотворении назвала ее «будущей королевой всех прекрасных дев», прославляла ее знание древних языков, ее талант художницы и музыканта, а в заключении отдала честь ее отцу, который дал ей столь прекрасное образование⁷. Когда Шурман было восемнадцать, знаменитый поэт Якоб Катс посвятил ей стихотворение об этапах жизни женщины.

В отличие от многих своих современниц, которые в силу обстоятельств или под давлением семьи не имели возможности свободно развивать свои способности, Анна-Мария ван Шурман занималась науками и художественным творчеством в свое удовольствие. Ее биограф Уна Берч говорит о периоде ее жизни с шестнадцати до двадцати пяти лет как о «фривольном»⁸. В это время Шурман создает множество автопортретов, на которых изображает себя в разной одежде и с разными прическами, например, с прической в абиссинском стиле или в образе женщины под вуалью. Она сделала себя объектом собственных художественных экспериментов.

Некоторый нарциссизм, присущий Анне-Марии ван Шурман как личности и проявившийся как в ее многочисленных автопортретах, так и в написании и публикации автобиографии «Правильный выбор», подпитывался и тем обстоятельством, что она была объектом постоянного восхищения современников. В отделе рукописей Британской библиотеки

⁷ The Defiant Muse. 1998: 51, 53.

⁸ Birch. 1909: 24.

находятся несколько стихотворений, посвященных Шурман известными поэтами Даниэлем Хейнсием, Каспаром ван Барле и другими⁹, вероятно, голландскими авторами. В этих стихотворениях, написанных на латыни, подчеркивается ее ученость и уникальность как талантливой женщины. Впоследствии Шурман критически относилась к такого рода произведениям и в автобиографии «Правильный выбор» жаловалась, что ее «превозносили до Небес»¹⁰, хотя она «простая смертная, червь земной, достойный вечных цепей ... из-за многочисленных грехов, которые унаследовала и совершила против Небес». Шурман было стыдно за то, что она принимала это почти языческое поклонение и не протестовала, когда ее называли «десятой Музой».

Из имеющихся источников можно узнать лишь отрывочные сведения о личной жизни Анны-Марии ван Шурман. По ее словам, решение не выходить замуж она приняла по совету отца, который называл «пагубными» узы светского брака¹¹. По слухам, поэт Якоб Катс делал ей предложение руки и сердца¹². По всей видимости, он получил отказ. Почему Анна-Мария ван Шурман сделала такой выбор, с определенностью сказать трудно. Возможно, ее отец и она сама считали, что супружество принесет в ее жизнь многочисленные дополнительные обязанности и станет препятствием для занятий науками и искусствами. Можно предположить, что отец Анны-Марии опасался что будет трудно найти для дочери равного по интеллекту партнера, и, даже если такой человек найдется, он, скорее всего, станет ее подавлять.

Анну-Марию ван Шурман называют первой студенткой университета в Голландии. В 1636 году она написала поэму в честь открытия Утрехтского университета. Ей было разреше-

⁹ Baerle. BL MS Additional 23719 f. 21 (circ. 1640); Heinsius. BL MS Sloane 2764 f. 40-41.

¹⁰ Schurman. 1998: 78.

¹¹ Ibid.: 87.

¹² Birch. 1909: 56.

но посещать там лекции, но в специальной ложе за занавеской, чтобы ее не видели студенты мужского пола. В университете она изучала восточные языки: халдейский, арабский и сирийский, а также составила грамматику эфиопского языка. Эта грамматика не была опубликована, но как минимум один экземпляр находился в библиотеке профессора из Грейфсвальда Иоганна Фридриха Майера¹³. Впоследствии она долгие годы поддерживала связь с профессорами многих голландских университетов: с будущим противником Декарта Гисбертом Возием, профессором теологии Лейденского университета Андре Риве и другими.

На 1630-е – 1640-е годы приходится пик ее славы. Этому способствовала ее опубликованная на латыни в 1641 году «Диссертация» о том, может ли женщина быть образованной, начало которой было положено еще в 1632 году в переписке с Андре Риве. По сути дела, в связи с диссертацией можно выделить две группы текстов. Первая – это собственно сама диссертация, логическое упражнение, в котором Шурман доказывала, что христианка может заниматься практически всеми науками и искусствами – всей «энциклопедией» знаний, что учение украшает мозг любого человека и в том числе женщины. Вторая – это письма Шурман Андре Риве и его ответы. Риве не был сторонником того, чтобы женщины серьезно занимались науками. Он советовал женщинам следовать сложившемуся обычаю и подчиняться устройству женского тела и женскому темпераменту, несовместимому с научными занятиями. Более того, Риве подчеркивал, что, так как женщины не допускаются к государственной и церковной деятельности – по сути дела, исключены из публичной сферы – они не смогут применить свои знания на практике. Лишь в исключительных случаях женщины могут заниматься литературой. В ответ Шурман подчеркивала, что не пытается поставить представительниц своего пола выше мужчин, но стремится доказать, что незамужняя женщина, обладающая достаточным ко-

¹³ Schurman. 1998: 5.

личеством свободного времени, может учиться для себя, учиться ради самого процесса образования, а не ради конкретных практических результатов.

Нужно отметить, что вопрос, поставленный Шурман в своей «Диссертации», был сугубо теологическим. Проблема состояла не в том, следует ли женщинам изучать науки и искусства, а в том, должны ли христианки учиться. Целью приобретения знаний для Шурман и ее единомышленников было лучшее понимание Библии. Способствует ли этому изучение языков, истории и разных других предметов? На этот вопрос Шурман отвечает утвердительно, однако подчеркивает, что разные предметы вносят различный вклад в обучение. Некоторые предметы, такие как математика, музыка, поэзия и живопись, являются приятным времяпрепровождением, но далеки от богословия или морали.

Логическое упражнение Шурман содержало четырнадцать аргументов в пользу женского образования, а также пять возражений против. В начале «диссертации» Шурман очищает слова, включенные ею в поставленный вопрос «Является ли изучение наук подходящим для христианки» от любой двусмысленности. Под «науками» (*letters*) она подразумевает все дисциплины за исключением христианского богословия. Христианки, которых она рассматривает в своей работе, должны иметь, по крайней мере, средние способности, а также достаточные средства к обучению. Таким образом, это либо дети, освобожденные от домашних хлопот, либо взрослые обеспеченные женщины, имеющие слуг. Целью образования Шурман провозглашает спасение души. Женщина, которая будет следовать этой цели в своем обучении, сможет быть ориентиром для своей семьи и даже для всего своего пола.

Шурман считает всю «энциклопедию знаний» подходящей для изучения христианкой. Лучшему пониманию вопросов богословия и морали способствуют грамматика, логика и риторика. Логика, по мнению Шурман – ключ ко всем наукам. Физика, метафизика, история и языки, прежде всего, иврит и греческий, ведут к более глубокому знанию Священ-

ного Писания. Однако юриспруденция, военное искусство и искусство публичных выступлений не являются обязательными для изучения женщинами, хотя теоретическое знание этих областей Шурман для женщин допускает.

По мнению Шурман, женщины от природы имеют желание учиться. Более того, будучи прямоходящими существами, они могут размышлять о возвышенных предметах и материях. Так как они зачастую наслаждаются спокойной и свободной жизнью, изучение наук им полностью подходит.

Шурман считает, что науки и искусства совершенствуют и украшают человеческий мозг, наполняют его восторгом, ведут к величию души, возвращают в человеческой душе любовь к Богу. Более того, знания являются оружием против ересей. Возражая своим оппонентам, Шурман отмечает, что «героические умственные способности не обязательно необходимы для занятий, ведь мы видим множество ученых мужчин, собранных без разбора среди людей средних способностей»¹⁴. Признавая отсутствие колледжей и академий для женщин, она ратует за домашнее обучение. Изучая науки, женщины преследуют не общественные цели, а частные. Поддержку в получении образования окажут им и аргументы в пользу такого рода занятий, и примеры выдающихся женщин. По мнению Шурман, обучать женщин нужно с младенчества, поэтому она возлагает на родителей ответственность за то, чтобы привить девочкам желание учиться.

В письмах Риве, из которых выросла «Диссертация», Шурман использует подход, отличающийся от логического упражнения. Она упоминает своих предшественниц, итальянку Лукрецию Маринеллу с ее трактатом «О благородстве и преимуществе женщин и о недостатках и пороках мужчин» (1600) и французенку Мари ле Жар де Гурне с сочинением «О равенстве мужчин и женщин» (1622). Она также приводит пример несравненной леди Джейн Грей, которая находила высшее удовольствие в изучении языков и чтении Священно-

¹⁴ Schurman. 1998: 34-35.

го Писания. В тексте «Диссертации» Шурман упоминает лишь отцов церкви, Аристотеля, Платона, Плутарха и Сенеку.

Некоторые исследователи считают, что Шурман намеренно написала свою «диссертацию» на латыни и специально избрала сугубо научный жанр. По мнению ван Эж, она обращалась к научному сообществу и стремилась к тому, чтобы ее рассуждение было воспринято ими всерьез¹⁵. Более того, она доказывала, что как минимум одна женщина владеет жанром логического рассуждения и способна вести научную дискуссию¹⁶.

«Диссертация» Шурман своей строгостью изложения, сухостью стиля отличается от других произведений XVI-XVII веков, относящихся к «Спору о женщинах». Автор не приводит в ней примеры выдающихся женщин прошлого, непосредственно не обрушивается с критикой на женоненавистников и противников женского образования. Возможно, привилегированное положение Шурман в ученом сообществе своего времени, тот факт, что она не столкнулась с противодействием своим научным устремлениями со стороны окружающих, способствовали овладению ею жанром, требующим определенной отстраненности и объективности.

«Диссертация» Шурман стала значительным явлением в «Споре о женщинах» середины XVII века. Есть сведения, что первое французское издание появилось еще в 1638 году, однако до наших дней книга не дошла. Фрагменты переписки Шурман и Риве на тему женского образования действительно были опубликованы без ее разрешения в 1638 году в Париже, однако текст «Диссертации» в этой публикации отсутствовал¹⁷. Впервые текст «Диссертации» был официально напечатан в 1641 году в ведущем издательстве того времени – в фирме Эльзевиров, которая занимала главенствующее положение в европейском книжном деле XVII века. Эльзевиры публиковали и произведения античных авторов, и работы пи-

¹⁵ Cit.: Vaar. 2009: 151.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid.:144 note 36.

сателей и философов XVI – XVII веков: сочинения Рабле, Бэкона, Галилея, Декарта, Паскаля, Мольера, Корнеля, Расина и многих других¹⁸. Издать книгу у Эльзевиров означало «занять место среди консулов и сенаторов Рима» и почувствовать себя «соседом Плиния»¹⁹. Французский поэт Менаж, опубликовавший свои произведения в этом издательстве, восторгался «красотой шрифта и белизной бумаги»²⁰. В 1646 году был издан французский перевод переписки Шурман и Риве на тему женского образования под заголовком «Знаменитый вопрос. Нужно или нет девушкам быть учеными» (*Question Célèbre*), выполненный Гийомом Кольте. Книге было предпослано любопытное разрешение на публикацию, в котором всем остальным издателям, кроме Роле ле Дюка, было запрещено печатать этот текст в течение пяти лет под угрозой штрафа. Возможно, это было связано с неавторизованным изданием 1638 года, следов которого обнаружить пока не удалось. Перевод был посвящен мадемуазель де Монпансье – «Великой Мадемуазель», кузине Людовика XIV, знаменитой своим увлечением иностранными языками и литературой.

Переводчиком писем Шурман выступил Гийом Кольте (1598-1659), известный поэт, драматург и теоретик литературы, пользовавшийся протекцией кардинала Ришелье. Он принимал активное участие в салонной жизни Парижа, был посетителем знаменитого отеля Рамбуйе и участвовал в рукописном сборнике «Гирлянда Жюли», посвященном дочери хозяйки салона маркизы де Рамбуйе Жюли д'Анженн. Кольте увлекался поэзией Ронсара, писал о поэтах Плеяды: его «Жизнь французских поэтов» содержит обширный биографический материал о них. Сам он прославился сонетами и эпиграммами. Наконец, Кольте принадлежал к основателям Французской академии. Очевидно, что благодаря переводчику текст Шурман попал в центр культурной жизни Франции.

¹⁸ Маркушевич. 1978: 153.

¹⁹ Davies. 1954: 150-151.

²⁰ Ibidem.

Действительно, уже в том же 1646 году реплика Риве, в которой он высказал сомнение в целомудрии Жанны д'Арк, привлекла внимание французской писательницы Мадлен де Скюдери. Скюдери хотела обсудить этот вопрос с самой Шурман и решила найти выход на нее через секретаря Французского академии Валантена Конрара. В дискуссию вступила близкая подруга Шурман, племянница Риве Мари дю Мулен. К. Пал отмечает, что участие самой Шурман в споре о целомудрии Жанны д'Арк было минимальным²¹. Между тем, благодаря этой дискуссии завязалась теплая дружба между Скюдери и Мари дю Мулен, а также началась активная переписка между Конраром и Риве.

В 1650-е годы академики Французской академии Жиль Менаж и Жерве Шарпентьер предложили избрать нескольких ученых женщин, прежде всего, Мадлен де Скюдери, в члены академии, но их предложение было отвергнуто. По всей видимости, определенное влияние на Менажа и Шарпентьера оказал пример Анны-Марии ван Шурман и ее рассуждение о женском образовании. На протяжении 1660-х годов Шурман продолжала служить примером образцовой ученой женщины для французских защитников женского образования. Академия ораторов весной 1661 года обсуждала вопрос об ученых дамах, и юрист Филипп Каттье страстно защищал женщин, ссылаясь на выдающуюся деву Анну-Марию ван Шурман. В «Апологии дамской науки» 1662 года фигура противника обучения девушек, скорее всего, имела в качестве прототипа Андре Риве. Защитник женщин Клеант в финале одерживал победу и доказывал, что женщины могут знать столько же, сколько и мужчины. В 1663 году Жан де ла Форж включил Шурман в свой «Круг ученых женщин», а в 1665 году Жакетт Гийом использовала ее пример в качестве доказательства женского превосходства в «Выдающихся женщинах». Наконец, в 1668 году Маргерит Бюффе в книге «Новые наблюдения над французским языком»,

²¹ Pal.2012: 103.

содержавшей, среди прочего, длинный список ученых женщин, особо выделила Анну-Марию ван Шурман.

Если во Франции «Диссертация» Шурман и ее автор стимулировали дискуссию о женском образовании, которая долгое время не приносила практических плодов, то в Англии события развивались по-другому. Впервые переписка Шурман и Риве была опубликована в английском переводе еще Самуэлем Торшеллом, учителем детей Карла I принца Генри и принцессы Елизаветы, в 1645 году. Он включил эту переписку в книгу «Женская слава» (*The Woman's Glorie*). Торшелл, в отличие от Кольте, не был знаком с произведениями предшественниц Шурман, в частности, с Мари де Гурне, которую посчитал мужчиной. Перевод собственно «Диссертации» был выполнен Клементом Барксдейлом в 1659 году. Он носил название «Ученая дама, или Может ли дева быть ученым» (*The Learned Maid or, Whether a Maid may be a Scholar?*). Барксдейл (1609-1687) был англиканским богословом, переводчиком работ Гуго Гроция. В свою книгу он включил перевод «Диссертации», а также писем Шурман философу Гассенди, Яну ван Бевервику, Доротее Мур, Саймону Дьюису и Фредерику Спангейму. Закончил книгу он цитатой из письма Анны-Марии ван Шурман Андре Риве, где она прославляла королеву леди Джейн Грей.

Яснее всего влияние этого перевода можно проследить в сочинении Батшуи Мейкин «Очерк о том, как возобновить старинное обучение дворянок религии, манерам, искусствам и языкам» (1673). Мейкин, бывшая гувернантка маленькой принцессы Елизаветы, очевидно, была знакома и с Торшеллом, и с Барксдейлом. Более того, она была знакома и с самой Анной-Марией ван Шурман и неоднократно упоминала ее в «Очерке».

Мейкин отказывается от жанра «диссертации» и использует более гибкую структуру, сочетающую и теоретические рассуждения о пользе женского образования, и подробный анализ, какие предметы следует изучать женщинам, и каталог выдающихся женщин прошлого. Мейкин приводит несколько

доводов в пользу женского образования. Сами женщины выигрывают от этого, ведь в их руках будет оружие «против ересей»:

«Женщины должны быть образованными, дабы они могли оставаться глухи к речам соблазнительей»²².

Такого рода аргумент был очень важен для Англии XVII века с ее многочисленными сектами, во главе которых нередко стояли женщины. Вместе с тем, этот довод Мейкин очевидно заимствовала у Шурман. Она соглашается с Шурман и в том, что «вся энциклопедия знания может оказаться полезной тем или иным образом» для женщин.

Мейкин была не только теоретиком педагогики, но и профессиональным учителем. В конце «Очерка» она, по сути дела, рекламирует свою школу в Тотнем-Хай-Кроссе и описывает те предметы, которым там учили девочек. Помимо традиционных женских ремесел, в школе Мейкин преподавали языки – латынь, французский, а также древнегреческий, иврит, итальянский и испанский. Затем девушки изучали «физику». И только те, кто оставался в школе дольше других, могли учить астрономию, географию, арифметику и историю.

Очевидно, что Батшуа Мейкин была смелее в теории, чем на практике. В ее школе, судя по описанию, содержащемуся в «Очерке», девушки не могли овладеть «всей энциклопедией знаний». Однако Мейкин старалась хотя бы частично изменить систему женского образования в Англии XVII века, воплощая в жизнь собственные идеи и идеи Шурман. Специальный «колледж» для девушек хотел создать и переводчик «Диссертации» Барксейл, о чем свидетельствует его «Письмо, касающееся Колледжа для девушек» 1675 года. Таким образом, в Англии идеи Шурман старались использовать не только в отвлеченных дискуссиях в ученых сообществах, как это происходило во Франции, но и применить на практике.

*Виолетта Стиговна Трофимова
к.филол.н., независимый исследователь
violet_trofimova@mail.ru*

²² Мейкин. 2010: 189.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Мейкин. 2010 – *Мейкин Б.* Очерк о том, как возобновить старинное обучение дворянок религии, манерам, искусствам и языкам с ответом на возражения против этого способа обучения. Пер. В.С. Трофимовой // Гендерные идеологии и социальные практики в Европе раннего Нового времени. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 173–191.

Baerle C. van. – *Baerle C. van.* Verses on Schurman. BL MS Additional 23719 f. 21, by circ. 1640.

Beverwijck. 1639 – *Beverwijck J. van.* Van de Uitnemenheit des vrouwelijcken Geslachts. Dordrecht, 1639.

Heinsius D. – *Heinsius D.* Epigrams. Extempore quatrain on the picture of Schurman. BL MS Sloane 2764 f. 41–40.

Schurman. 1998 – *Schurman A-M. van.* Whether a Christian woman should be educated and other writings from her intellectual circle. Ed. and tr. by Joyce Irwin. – Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 148 p.

The Defiant Muse. 1998 – *The Defiant Muse.* Dutch and Flemish Feminist Poems From the Middle Ages to the Present. A Bilingual Anthology. Ed. M. Mejer. NY: The Feminist Press at the City University of New York, 1998. – 240 p.

ЛИТЕРАТУРА

Маркушевич. 1978 – *Маркушевич А.Н.* Эльзевиры //БСЭ. Т.30. М., 1978, С.153.

Baar. 2009 – *Baar M.* Gender, genre and authority in seventeenth-century religious writing: Anna Maria van Schurmann and Antoinette Bourignon as contrasting examples // *A place of their own. Women writers and their social environment 1450-1650. Medieval to Early Modern Culture*, Ed. by Anne Bollmann. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P.135-164.

Birch. 1909 – *Birch U.* Anna Van Schurman, Artist, Scholar, Saint. London: Longman, 1909. – 204 p.

Davies. 1954 – *Davies D.W.* The world of the Elseviers, 1580–1712. The Hague: Martinus Nijhoff, 1954. – 159 p.

Larsen. 2005 – *Larsen A.R.* The French Reception of Anna Maria van Schurman's Letters on Women's Education (1646) // *Women's Letters across Europe, 1400–1700: Form and Persuasion*. Ed. Jane Couchman and Ann Crabb. Aldershot: Ashgate, 2005, P.297-314.

Pal. 2012 – *Pal C. Republic of women: rethinking the republic of letters in the seventeenth century.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 316 p.

Turner. 2003 – *Turner J. Schooling Sex: Libertine Literature and Erotic Education in Italy, France, and England 1534–1685,* Oxford: Oxford University Press, 2003. – 380 p.

А.А. Павлов

«ЭТИМОЛОГИИ ИЛИ НАЧАЛА» ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО

«Этимологии» (*Etymologies sive origines libri XX*) Исидора Севильского (лат. *Isidorus Hispalensis*; ок. 560 – 636 гг.), архиепископа Гиспала (Севильи), последнего из латинских отцов Церкви, занимают особое место среди латинских раннесредневековых энциклопедических сочинений. Труд Исидора, построенный на основе компилирования сочинений десятков античных и средневековых антикваров и энциклопедистов, позволяет проникнуть в мир римской повседневной и гендерной истории.

«Этимологии» оставались актуальными на протяжении всего Средневековья, о чем говорит огромное количество сохранившихся копий (более 1000). Причем рукописные копии создавались и после появления первого печатного издания в 1472 г., а печатные издания оказались столь востребованными, что уже к 1500 г. число их выросло до 10¹. Интерес к сочинению никогда не утрачивался, но сегодня он переживает новый взлет, о чем говорит факт появления ряда полных его переводов на различные европейские языки². Отражением этой тенденции стал и перевод на русский язык первых трех книг «Этимологий», подготовленный Л.А. Харитоновым³.

¹ Об изданиях «Этимологий» см.: San Isidoro de Sevilla. 1993: 226-236.

² San Isidoro de Sevilla. 1993; Isidoro di Siviglia. 2004; *The Etymologies*. 2006; *Isidore of Seville's*. 2005. Наиболее фундаментальным является осуществляемый международным коллективом перевод, издаваемый по книжке во французской серии «*Les Belles Lettres*». На сегодня изданы 10 томов.

³ Исидор Севильский. 2006. Помимо него существует лишь выполненный Л.Л. Кофановым перевод отдельных частей книги V, посвященных законам. См.: Кофанов. 1999: 208-215.

О жизни Исидора Севильского известно достаточно мало⁴. Он родился в Новом Карфагене (Картахене), в знатной романизированной испанской семье ортодоксальных христиан, переехавшей, очевидно, в Гиспал (Севилью) в связи с захватом Картахены византийцами. Его родители – Севериан и Теодора – умерли, когда Исидор был молод, и заботу о нем, как и о других детях, взял на себя старший брат Леандр, устроивший его в школу при монастыре, где он, вероятно, был аббатом⁵. Леандр имел авторитет и влияние не только в церкви. Еще до 580 г. он стал епископом Севильи; он был дружен с будущим папой Григорием I, а также сыновьями короля Леовигильда (572-586) – Эрменигильдом и Рекаредом, ставшим впоследствии королем (586-601). По смерти брата Исидор наследовал его епископский престол (600 г.), продолжив борьбу с арианством, в 619 г. он возглавлял собор в Севилье, а в 633 г. в Толедо. Учитывая тесные связи, существовавшие в Вестготской Испании в это время между королевским двором и церковью, он обладал, очевидно, и политическим влиянием, был дружен с королем Сисебутом (612-621). Важное место в его жизни занимала также дружба с младшим коллегой Браулионом, ставшим в 631 г. епископом Цезаравгусты (Сарагоссы), с которым он находился в переписке⁶. Именно по просьбе Браулиона Исидор приступил к написанию «Этимологий», которые, несмотря на свою незавершенность, стали одним из важнейших его сочинений⁷ и определили всю систему средневекового знания и обучения на ряд столетий вперед.

⁴ Подробнее см.: Харитонов. 2006: 169-172; Brehaut. 1912: 20-22; The Etymologies. 2006: 7-10 etc.

⁵ Riché. 1976: 289.

⁶ См.: Браулион Сарагосский. 2011.

⁷ Список работ Исидора хорошо известен, благодаря, прежде всего, Браулиону, который привел его в своей *Renotatio Isidori*, а также Ильдефонсо Толедскому. Помимо «Этимологий» ему принадлежали такие сочинения, как «О природе вещей», «Различия», «Синонимы», «О сиятельных мужах», «Некоторые аллегории Священного Писания», «Вве-

Браулион стал и первым их редактором, и издателем, разделив предметно организованный Исидором труд на двадцать книг⁸. Как видно из состава книг, «Этимологии» представляли собой энциклопедию всего необходимого для школьного (монастырского) образования знания о мире и обществе. Хотя Исидор ничего не говорит о целях и характере своего труда, однако как его язык (простой, доступный для понимания учащимися, без риторических прикрас, присущих более ранним сочинениям автора), организация текста, предметное содержание, так и характер последующего использования, говорят о его пропедевтических целях. Представляя собой *summa*, по сути, небольшую библиотеку в одной книге, он позволял учащимся познать основы мироздания и всех наук без обращения к другим сочинениям.

Исидор не выступает здесь в качестве оригинального исследователя, его задача заключается в упорядочении, сохранении и передаче выработанного, прежде всего, римской антикварно-грамматической и энциклопедической, а также христианской традицией знания. При этом неслучайно автор выбирает название для своего труда: знание сущности вещей он раскрывает через обращение к происхождению слова, методу, столь укоренившемуся в античной традиции, причем не толь-

дение в книги Ветхого и Нового Завета» и др. См.: Харитонов. 2006: 172-177; Brehaut. 1912: 24-30.

⁸ Некоторые исследователи допускают, что первоначально труд был разделен Браулионом на 15 книг, а деление на 20 книг появилось лишь в более поздних манускриптах. См.: Reydellet. 1966: 435. Общая структура работы следующая: О грамматике (I), О риторике и диалектике (II), Об арифметике, геометрии, музыке и астрономии (III), О медицине (IV), О законах и временах (V), О книгах и церковных обязанностях (VI), О боге, ангелах и церковной иерархии (VII), О церкви и сектах (VIII), О языках, народах, правлениях, войске, гражданах, родстве (IX), О словах (X), О человеке и чудовищах (XI), О животных (XII), О мире и его частях (XIII), О земле и ее частях (XIV), О строениях и полях (XV), О камнях и металлах (XVI), О сельском хозяйстве (XVII), О войне и играх (XVIII), О кораблях, строениях и одеяниях (XIX), О съестных припасах, домашнем и сельскохозяйственном инвентаре (XX).

ко в антикварно-грамматической⁹, но и юридической¹⁰. Понятие *etymologia* он определяет следующим образом (I. 29. 1): «*Этимология есть происхождение слов, когда значение глагола или имени поясняется через его истолкование*». Слова, по его мнению, происходят либо по природе, либо по произволу (*ibid.*). Первые поддаются объяснению. Исидор приводит ряд способов этимологизации (I. 29. 3-5)¹¹, к которым он и сам прибегает при объяснении происхождения тех или иных понятий. Несмотря на то, что уже Платон в диалоге «Кратил» (438d) предлагал исходить при объяснении понятий из сущности вещей, а не из их названия, Исидор, следуя за основной римской традицией, дает толкование сущности вещи из грамматики, в связи с чем известный французский исследователь творчества Исидора Жак Фонтэн определил его метод как «панграмматический»¹². В наиболее полном виде толкования, которые дает Исидор, состоят из четырех частей, три из которых есть ответы на вопросы: «что это?», «почему так названо?», «как классифицируется?», четвертая – цитата кого-либо из авторитетов с примером употребления рассматриваемого слова. Что касается авторитетов, то Исидор в равной мере цитирует как классических римских авторов, так и тексты Священного писания, не делая различий между авторитетом тех и других¹³. Исидор в значительной мере следует за римскими и

⁹ См.: Сидорович. 2005; Павлов. 2012: 219-230; а также: Merrills. 2013: 301-324.

¹⁰ См., например: Павлов. 2012а: 52-56.

¹¹ *Ex causa, ex origine, ex contrariis, ex derivatione, ex Graeca etymologia, ex nominibus locorum, urbium vel fluminum.*

¹² Fontaine. 1966: 534. В этой связи Исидор, следуя, впрочем, за римскими грамматиками, не различает слово и объект им обозначаемый, действие глагола и сам глагол.

¹³ Тексты Библии, например, цитируются около 200 раз, в то же время, Вергилий более 190 раз, Цицерон – более 50, Лукан – около 45. Среди других фигур, чьи цитаты встречаются достаточно часто, – Плавт, Теренций, Лукреций, Овидий, Гораций, Ювенал, Марциал, Эний, Саллюстий, Персий. Следует, однако, помнить, что абсолютное

раннехристианскими энциклопедистами, прежде всего Варроном, Плинием Старшим, Секстом Помпеем Фестом, Светонием Транквиллом и др. Он не всегда указывает на свои источники, заимствуя из них материал. Среди таких авторов, чьи работы использованы, но не упомянуты Исидором, – Авл Геллий, Нонний Марцелл, Лактанций, Макробий, Марциан Капелла, а также главные его источники – Солин, Сервий, Кассиодор¹⁴.

В полной мере все сказанное о характере текста Исидора и его работе с источниками относится и к книге XIX «О кораблях, строениях и одеяниях», перевод части которой, посвященной одежде, приводится в настоящем издании*. Из 34 глав книги 15 (20-34) посвящены одежде. Материал об одежде выстроен автором в определенном порядке, выдающем не только формально-логические принципы его структурирования¹⁵, но и, в определенной мере, мировоззренческие. Исидор начинает разговор об одежде с ее изобретения, при этом, будучи христианином, не признает в ее изобретении роль Минервы, каковая ей отводилась язычниками. Христианин Исидор не преминул также поставить на первое место главу о священных одеждах, в которые облачались первосвященники христианской церкви, ссылаясь при этом на текст Священно-

большинство цитат из сочинений античных авторов даются Исидором из вторых рук.

¹⁴ Так, например, по подсчетам Жака Андре (*Isidore de Séville*. 1986: 13-22) в XII книге содержится 58 цитат, но также имеется 293 заимствования без отсылки к источнику. Среди них 79 из Солина, 45 – из Плиния Старшего и 61 – из Сервия.

* Перевод сделан по изданию: *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX* / Ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911. Т. 2.

¹⁵ Структура части следующая: Изобретение обработки шерсти (20), О священных одеждах в Законе (21), О многообразии одежд и их названиях (22), О своей специфической одежде некоторых народов (23), О верхних одеяниях мужчин (24), О верхних одеяниях женщин (25), О покрывалах и прочих покровах, находящихся в употреблении (25), О рунах (27), О красителях одежды (28), Об инструментах для изготовления одежды (29), Об украшениях (30), О женских головных украшениях (31), О кольцах (32), О поясах (33), Об обуви (34).

го писания¹⁶ и лишь затем рассматривает одежду как таковую, опираясь, очевидно, на римские антикварные и энциклопедические сочинения, которые, однако, не называет. Он неоднократно цитирует римских авторов (прежде всего поэтов I в. до н.э.)¹⁷, но не прибегая к первоисточникам, а заимствуя цитаты из текстов римских грамматиков и энциклопедистов¹⁸.

Поскольку текст носит в значительной мере этимологический характер, к тому же ряд терминов не может быть переведен односложно, чтобы избежать терминологической путаницы и дать возможность лучше понять этимологию, приводимую автором, в ряде случаев при переводе нами сохранены латинские слова, означающие одежду, а также те, от которых автор ведет их происхождение. Цитаты из Библии в тексте перевода и примечаниях приводятся в синодальном переводе. Перевод цитат римских авторов, в случаях, когда переводчик не указан, сделан нами.

*А.А. Павлов, к.и.н., доцент кафедры
истории России и зарубежных стран СыктГУ
aapavlov@rambler.ru*

¹⁶ В рассматриваемых главах Исидор четырежды ссылается на книги Писания: на книги пророка Даниила, Исаяи, на притчи Соломона, а также на Песнь Песней.

¹⁷ Чаще других он цитирует Вергилия (5 раз), Плавта (3), Цицерона (3), Ювенала (2). Помимо них встречаются единичные цитаты из сочинений Невия, Публилия Сира, Саллюстия, Горация, Луцилия, Гая Гракха, Флакка, Цинны, Пруденция.

¹⁸ Наглядным примером такого рода работы с источниками служит частично сохранившийся глоссографический труд римского грамматика II в. н.э. Секста Помпея Феста, а также его эпитома, созданная в VIII в. н.э. Павлом Диаконом. См.: Павлов. 2012:219-230.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Браулион Сарагосский. 2011. – Браулион Сарагосский: избранные письма / пер. с лат. Е.С. Криницыной. М., 2011.

Кофанов. 1999: 208-215. – *Кофанов Л.Л.* Исидора Гиспальского епископа «Этимологии» или «Начала» // Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. 2. С. 208-215.

San Isidoro de Sevilla. 1993. – *San Isidoro de Sevilla*. Etimologías: edición bilingüe, 2 vol. / Trans. M.C. Díaz y Díaz; eds. J. Oroz Reta, M.A. Marcos Casquero. Madrid, 1993.

Isidoro di Siviglia. 2004. – *Isidoro di Siviglia*. Etimologie o Origini, a cura di A. Valasto Canale. Torino, 2004. Vol. I–II.

Isidore of Seville's. 2005. – *Isidore of Seville's Etymologies* / Transl. by Pr. Throop. Charlotte, 2005. Vol. I–II.

The Etymologies. 2006. – *The Etymologies of Isidore of Seville* / St.A. Barney, W.J. Lewis, J.A. Beach, O. Berghof. Cambridge, 2006.

ЛИТЕРАТУРА

Павлов. 2012: 219-230. – *Павлов А.А.* Павел Диакон и его эпитома «О значении слов» // ВДИ. 2012. № 2. С. 219-230.

Павлов. 2012а: 52-56. – *Павлов А.А.* «De significatione verborum» Дигест и «De verborum significatu» Веррия Флакка: Прошлое. Проекция. Презентация. Проблемы всемирной истории. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Дементьева, М.Е. Ерин. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 52-56.

Сидорович. 2005. – *Сидорович О.В.* 2005: Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н.э. М., 2005.

Харитонов. 2006: 160-227. – *Харитонов Л.А.* «Исидор Севильский». Историко-философская драма // Исидор Севильский. Этимологии или Начала. В XX книгах. Кн. I–III: Семь свободных искусств / Пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л.А. Харитонova. СПб., 2006.

Brehaut. 1912. – *Brehaut E.* An Encyclopedist of the Dark Ages. Isidore of Seville. NY., 1912.

Fontaine. 1966: 534. – *Fontaine J.* Isidore de Séville et la mutation de l'encyclopédisme antique // Cahiers d'histoire mondiale IX. Neuchâtel, 1966. P. 519-538.

Merrils. 2013: 301-324. – *Merrils A.* Isidore's Etymologies: on words and things // *Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance* / Ed. by J. König, G. Woolf. Cambridge, 2013. P. 301-324.

Reydellet. 1966. – *Reydellet M.* La diffusion des *Origines* d'Isidore de Séville au haut moyen âge // *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'Ecole Française de Rome*. 1966. Vol. 78. P. 383-437.

Riché. 1976. – *Riché P.* Education and Culture in the Barbarian West: Sixth through Eighth Centuries. Columbia, 1976.

Исидор Севильский

ЭТИМОЛОГИИ

Перевод А.А. Павлова

Книга XIX. О кораблях, строениях и одеяниях

XX. Изобретение обработки шерсти. (1) Язычники воздают хвалы некой Минерве за многие изобретения. Так они утверждают, что она первая ввела в употребление обработку шерсти, она первая начала ткать и окрашивать шерсть. (2) Они говорят также, что была она изобретательницей оливы и ремесла, как и многих видов искусств, и по этой-то причине к ней обычно возносят мольбы искусных дел мастера. Однако это – лишь поэтическая выдумка, и Минерва не является родоначальницей всех этих искусств. Поскольку мудрость, как говорят, сосредоточена в голове человека, а Минерва якобы родилась из головы Юпитера, то таковым их началом является разум. Таким образом, все изобретает мудреца разум, что сокрыт в голове. Соответственно и Минерву называют богиней искусств потому, что нет ничего более выдающегося, чем разум, которым управляется все в мире.

XXI. О священных одеждах в Законе¹. (1) В Законе есть восемь видов священных одежд². *Poderis* (подир) – льняное одеяние священников, плотно прилегающее к телу и спускающееся к низу ног (*pedes*), откуда и названо; не редко его называют *camisia*. (2) *Abanet* – округлый пояс священников, сотканный в пестротканой технике из нитей алого, пурпурного и голубого цвета так, что, казалось, он усеян цветами и драгоценными камнями. (3) *Pilleum* – покрывающий голову священника округлый в виде полусферы головной убор из

¹ Т.е. в тексте первых книг Ветхого Завета (Исход, Левит, Числа), где излагаются законы, переданные израильтянам Богом через Моисея.

² См.: Исх. 28; 39; а также ниже XXX. 5.

виссона, крепившийся лентой на затылке. Греки, как и мы, называют его *tiara* или *galerum*. (4) *Mahil* представляет собой спускающуюся до пят тунику полностью голубого цвета, имеющую в ногах семьдесят два звоночка и то же число подобий граната, висящих между ними³. (5) *Ephod* (эфод) – одеяние, которое по-латыни может быть названо *superindumentum*⁴; оно представляло собой верхнее облачение, сотканное из нитей четырех цветов и золота, имеющее на каждом плече по изумруд, оправленному в золото: на них были вырезаны имена патриархов⁵. (6) *Logium* (наперник) – одеяние, которое по-латыни называют *rationale*, представляет собой двойной квадратный лоскут размером с кисть руки, сотканый из нитей четырех цветов и золота, в него были затканы двенадцать драгоценнейших камней. Этот лоскут крепился поверх плеч на груди первосвященника⁶. (7) *Petalum* – зо-

³ Исх. 39:24-25: «по подолу верхней ризы сделали они яблоки из голубой, пурпуровой и червленной шерсти; и сделали позвонки между яблоками по подолу верхней ризы кругом для служения, как повелел Господь Моисею». Ср.: Исх. 28:33.

⁴ «Верхнее облачение».

⁵ Исх. 28:5-12: «Пусть они возьмут золота, голубой и пурпуровой и червленной шерсти и виссона, и сделают ефод из золота, из голубой, пурпуровой и червленной шерсти, и из крученого виссона, искусною работою. У него должны быть на обоих концах его два связывающие нарамника, чтобы он был связан. <...> И возьми два камня и вырежь на них имена сынов Израилевых: шесть имен их на одном камне и шесть имен остальных на другом камне, по порядку рождения их; чрез резчика на камне, который вырезывает печати, вырежь на двух камнях имена сынов Израилевых; и вставь их в золотые гнезда и положи два камня сии на нарамники ефода: это камни на память сынам Израилевым».

⁶ Исх. 28:15-21: «Сделай наперник судный искусною работою, сделай его такою же работою, как ефод: из золота, из голубой, пурпуровой и червленной шерсти и из крученого виссона сделай его; он должен быть четырехугольный, двойной, в пядень длиною и в пядень шириною; и вставь в него оправленные камни в четыре ряда; рядом: рубин, топаз, изумруд, – это один ряд; второй ряд: карбункул, сапфир и алмаз; третий ряд: яхонт, агат и аметист; четвертый ряд: хризолит, оникс и яспис; в золотых гнездах должны быть вставлены они. Сих камней должно быть

лотая пластина на лбу первосвященника; на ней было имя Бога из четырех букв, написанное знаками еврейского алфавита⁷. (8) *Batin*, или *feminalia* – льняные шаровары, достигающие колен, которыми прикрывался срам священника⁸.

XXII. О многообразии одежд и их названиях. (1) Виды одежды: *tegmen*, [*tegumen*], *indumentum*, *vestimentum*, прочие. *Tegmen* (покрывало) назван так оттого, что покрывает (*tegere*) части тела; такое же происхождение имеет и слово *tegumen*, которое относится к верхним одежам (*tecta*), которыми покрывают (*tegere*) тело. (2) *Vestimentum* же – одежда, которая доходит до пят (*vestigium*), как бы *vestigimentum*; такова, например, *tunica talaris*. Но авторы в своем словоупотреблении смешивали эти понятия. *Indumentum* – одежда, которая надевается (*induere*) непосредственно (*intus*) на тело, как бы *intumentum*. *Amictus* (накидка)...⁹ (3). Значение слова *vestitus* (одетый) отличается от *cultus*, так как последнее имеет более широкое значение. В свою очередь, *cultus* отличается от *habitus* (наряд), поскольку *habitus* имеет отношение к природе, а *cultus* – к людям. (4) Большинство предметов одежды получают свои наименования либо от времени, когда они главным образом использовались, либо от места, где они были впервые изготовлены или где главным образом продаются, либо от вида окраса, либо от имени изобретателя. (5) Самым древним одеянием была *perizoma*, то есть набедренная повязка, которой прикрывались лишь гениталии. Уже первые смертные

двенадцать, по числу [двенадцати имен] сынов, Израилевых [на двух раменах его], по именам их [и по рождению их]; на каждом, как на печати, должно быть вырезано по одному имени из числа двенадцати колен».

⁷ Исх. 28:36-37: «И сделай полированную дощечку из чистого золота, и вырежь на ней, как вырезают на печати: “Святыня Господня”, и прикрепи ее шнуром голубого цвета к кидару, так чтобы она была на передней стороне кидара».

⁸ Исх. 28:42: «и сделай им нижнее платье льняное, для прикрытия телесной наготы от чресл до голеней». См. XXII. 29 ниже.

⁹ «Этимологии» не были завершены Исидором; в тексте имеется ряд терминов, оставшихся без объяснения.

сделали ее для себя из листьев деревьев, чтобы прикрыть свой срам. Некоторые варварские народы используют ее и сегодня, поскольку ходят голыми. Эти повязки также называют *campetria*, потому что молодые люди, которые голыми упражняются на поле (*campus*), прикрывают свои гениталии этими вот набедренными повязками. (6) Туника (*tonica*) – древнейший вид одежды, названа так потому, что при движении человека, одетого в нее, издает звук (*sonus*), ведь *tonus* есть *sonus* (звук). Первыми туниками были туники из шкур (*pellisciae tunicae*); в них были одеты Адам и Ева после того, как согрешили и были изгнаны из Рая. (7) *Tunica talaris* названа так оттого, что ниспадала к ногам и доходила до лодыжек (*tali*). Аналогичным образом *tunica pectoralis* названа так оттого, что у древних она была короткой и покрывала лишь грудь (*pectus*), хотя в настоящее время она более длинная. (8) *Manicleata tunica*, то есть *manicata*, названа так оттого, что имеет рукава (*manicae*); греки называют ее χερροδύτη. (9) *Dalmatica* (далматик) – вид одеяния, изготовленный впервые в Далмации, области Греции. Это – белая с пурпурными полосами туника священников. (10) *Russata* – туника, которую греки называют «финикийской» (*phoenicea*), а мы – «алой» (*coscina*); была изобретена лакедемонянами для сокрытия крови, дабы всякий раз, если кто ранен в сражении, вид крови не поднимал дух противника. Римские солдаты, идя на войну под руководством консулов, надевали такие же туники, отсюда их самих называли *russati*¹⁰. Было обычным также в канун дня сражения представлять в такой тунике перед палаткой военачальника, что являлось своего рода напоминанием и свидетельством предстоящего сражения. (11) *Laculata* – одежда, которая имеет квадратные вставки (*lacus*) с вытканными или вышитыми на них изображениями. *Iacinthina* – одежда, отличающаяся небесным цветом. (12) *Molochinia* – одежда, которая изготавливается из мальвы (*malva*)¹¹; некоторые называют ее

¹⁰ Т.е. «одетые в красные туники».

¹¹ Травянистое, как правило, однолетнее растение.

molocina, другие – *malvella*. (13) Шелковые одеяния (*bombycina*) изготавливаются из длинных нитей, которые прядет тутовый шелкопряд (*bombyx*); сотканную из них ткань называют *bombicinum*. Ее производят на острове Кос. *Apocalama*... (14) *Serica* (шелка) произошло от *sericum* (шелковая ткань), либо оттого, что первыми шелк изготовили серы¹². *Holoserica* – одежда, целиком изготовленная из шелка, ведь ὅλος означает «весь». *Tramoserica* – одежда, ткань которая имеет льняную основу и уток из шелка. *Holo(por)phyra* – одежда, целиком изготовленная из пурпурной ткани, ведь ὅλος означает «весь». (15) *Byssina* – белая одежда, изготовленная из определенного вида плотного льна. Есть те, которые полагают, что *byssum* – это некий вид полотна. (16) *Fibrina* [имеет уток из шерсти бобра]. *Caprina*... *Masticina*... и *mena*... (17) *Linea* (полотняная одежда) названа так потому, что изготавливается из чистого льна (*linum*). *Linostema* – одежда, сотканная из шерсти и льна (*linum*); названа линостемой оттого, что имеет основу из льна, а уток из шерсти. (18) *Recta* называют одежду, которую ткут стоя, снизу вверх¹³. *Segmentata* – одежда, украшенная оторочкой и каймой; обрезки всякой материи также ведь называют *praesequinae*. (19) *Levidensis* названа одежда оттого, что соткана неплотно и свободно (*leviter densata*). *Pavitensis* названа, в отличие от *levidensis*, одежда оттого, что нити ее плотно пригнаны и уплощены. (20) *Citrosa*, как бы *concrispa*, – одежда, названная так от сходства с цитрусовым деревом (*citrus*)¹⁴. Невий пишет (Bell. Pun. 22): «*Pulchra quae ex auro vestemque citrosam*» (Красивая, в золоте вся и цитрусовом облаченьи). *Velenensis* – туника, которая завозится с островов. (21) *Exotica* – чужеземная одежда, завозимая из-за пределов страны, как, например,

¹² Народ в Восточной Азии, отождествляемый с китайцами.

¹³ *Fest. s.v. Rectae*. P. 343 L: «*Rectae* называют мужские одеяния, которые ткались стоя и снизу вверх».

¹⁴ *Fest. s.v. Citrosa*. P. 37 L: «*Citrosa* названо одеяние от схожести с цитрусовым деревом».

в Испанию из Греции. *Polymita* – многоцветная одежда; действительно, *polymitus* – ткань, сотканная из нитей различных цветов. *Acupicta* – изготовленная с помощью иглы (*acus*) или украшенная вышивкой одежда. (22) Ее также называют и *Phrygia*, либо потому, что все фригийцы, как говорят, знают толк в этом искусстве, либо потому, что она была изобретена во Фригии; отсюда и ремесленников, которые ее изготавливают, называют *Phrygiones*. Вергилий пишет (Aen. 3, 484): «*Phrigiam chlamidem*» (фригийский плащ). (23) *Trilix* – одежда, изготовленная из трехнитяной ткани (*tres licii*), потому что есть также из одно- (*simplex*) и двунитяной (*bilex*). *Ralla* – одежда, что в просторечьи зовется *rasilis* (гладкая). *Interpola* (подновленная) называют ту одежду, которая, будучи старой, перелицовывается заново. (24) *Pannucia* (залатанная одежда) названа так оттого, что покрыта различными заплатами (*panni*). *Colobium* – туника, названная так оттого, что длинная и без рукавов; древние действительно часто пользовались ею. *Levitonarium* – льняная туника без рукавов, какую носят египетские монахи. (25) *Limbare* (набедренная повязка) зовется так либо оттого, что обвивает чресла (*lumbi*), либо оттого, что льнет к ним. В Египте и Сирии ее носят не только женщины, но и мужчины. Потому и Иеремия отнес за Евфрат свою набедренную повязку и спрятал ее там в расщелине скалы, а после обнаружил изодранной¹⁵. Некоторые называют ее также *renale*, потому что она подвязывается на поясице (*genes*). (26) *Limus* (передник) – одеяние, спускающееся от пупа к ногам. У

¹⁵ Иерем. 13:1-7: «Так сказал мне господь: пойди, купи себе льняной пояс и положи его на чресла свои, но в воду не клади его. И я купил пояс, по слову Господню, и положил его на чресла мои. И было ко мне слово Господне в другой раз, и сказано: возьми пояс, который ты купил, который на чреслах твоих, и встань, пойдя к Евфрату и спрячь его там в расщелине скалы. Я пошел и спрятал его у Евфрата, как повелел мне Господь. По прошествии же многих дней сказал мне Господь: встань, пойдя к Евфрату и возьми оттуда пояс, который Я велел тебе спрятать там. И я пришел к Евфрату, выкопал и взял пояс из того места, где спрятал его, и вот, пояс был испорчен, ни к чему стал не годен».

этого одеяния имеется пурпурная полоса (*lima*) по нижнему краю, откуда и произошло его название, ведь мы используем слово *limus* вместо *obliquus* (идуший наискось). (27) *Licinum* – корпия; название произошло оттого, что ткань вся перевязана (*ligare*); как будто бы говорили *lignum*, заменив букву G на C. (28) Накидку часто называли *armilausa* оттого, что скрывала лишь плечи, будучи разделенной и открытой спереди и сзади; как бы *armiclausa*, но с утраченной буквой C. (29) *Camisiae* (ночные рубашки) зовутся так оттого, что мы спим в них *in camis*, то есть «в наших кроватях». *Femoralia* (предметы нательного белья) так названы потому, что они покрывают бедра (*femora*). Они же и *bracae* (шаровары), потому что коротки (*breves*) и прикрывают срамные части тела. (30) *Tubruci* названы так оттого, что прикрывают голени (*tibiae*) и шаровары (*bracae*). *Tibraci* – потому что опускаются от предплечий (*brachia*) до голеней (*tibiae*).

XXIII. О своей специфической одежде некоторых народов. (1) Каждому народу присущ свой специфический вид одежды, таковы, например, у парфян шаровары (*sarabarae*), у галлов – *linnae*, у германцев – *renones*, у испанцев – *stringes*, у жителей Сардинии – *mastrucae*. (2) Шаровары (*sarabarae*) – просторные, в складках штаны, о которых говорится у пророка Даниила (3, 94): «*Et sarabarae eorum non sunt inmutate*» (И одежды их не изменились). И у Публилия¹⁶ (19): «*Ut quid ergo in ventre tuo / Parthi sarabaras suspenderunt?*» (Как, чего ради, парфяне на животе твоём шаровары подвесили?). Некоторые же называют словом *sarabarae* некие головные уборы, которые мы видим изображенными на головах магов. (3) *Linnae* – квадратные в сечении мягкие плащи. О них Плавт говорит (frag. 176): «*Linna coopertus est textrino Gallia*» (Покрыт он линной галльской выделки).

(4) *Renones* – одеяния, покрывающие плечи и грудь до пупа, из витого руна и столь косматые, что не промокают и в

¹⁶ Публилий Сир – римский мимोगраф эпохи Цезаря и Августа, получивший известность своими нравоучительными изречениями.

ливень. В просторечьи именуют их *repti*, оттого что их длинный ворс напоминает своим движением змей (*reptare*). О них Саллюстий (Hist. 3, 104): «*Germani intectum renonibus corpus tegunt*» (германцы покрывают ренонами голое тело). Названы же они *renones* от Рены (*Renus*), реки в Германии, где ими чаще всего пользуются. (5) *Mastruca* – германская одежда из шкурок диких животных, о ней Цицерон упоминает в речи «В защиту Скавра» (45): «*Quem purpura regalis non commovit, eum Sardorum mastruca mutavit?*» (Кого не побудил царственный пурпур, подвигла того сардинийцев маструка?). *Mastruca*, как бы *monstruosa* (чудовищная), ведь те, кто надевает ее, превращаются словно бы в дикого зверя. (6) Народы отличаются своей одеждой так же, как они отличаются языком. Персы покрывают руки и ноги льняными покровами, а голову – тюрбаном; аланов отличают остроконечные шапки; скотты пугают лающим языком и ужасным платьем; алеманны одеты в свои шерстяные плащи (*sagum*), индусы – в полотняные; персы носят драгоценности, серы одеты в шелка, армяне носят с собою колчаны для стрел. (7) Некоторые же народы не только отличаются одеяниями, но и присущими им специфическими знаками на теле: так у германцев мы видим на голове пучки волос (*sigti*), косички и козлиные бородки – у готов, татуировки – у бриттов. Евреи обрезают крайнюю плоть, арабы прокалывают уши, геты, поскольку не покрывают головы, – золотоволосы, альбанцы белесыми сверкают головами. У мавров тела – черные как ночь, кожа же галлов – белая; без лошадей безвольными становятся аланы. Пиктов племя (*Pictus*) есть также, имя свое получивших от тела, поскольку мастер наносит мелкие точки иглой, заносит, следуя наброску, в рубцы выжатый сок местного растения; татуировками на тех или иных частях тела (*pictis artubus*) определяется у них степень благородства. (8) Каждому полу также присущ определенный внешний облик; так у мужчин волосы стриженные, у женщин – длинные и распущенные; такие волосы являются признаком незамужних девушек, замужним же женщинам присуща своя специфическая прическа: волосы стягиваются ими на самой

макушке головы и укладываются по кругу, образуя своего рода крепость.

XXIV. О верхних одеяниях мужчин. (1) Паллий (*pallium*) – плащ, которым покрывают свои плечи рабы-прислужники, дабы исполняя службу, могли они без затруднений сновать туда и сюда. Плавт (fr. 177): «*Si quid factururus es, adpende in humeris pallium, / et pergat quantum valet tuorum pedum pernicitas*» (Соберешься делать что, накинь на плечи паллий, / и позволит он передвигаться тебе с такой скоростью, на какую будут способны твои ноги). Назван же так *pallium* от *pelles* (шкуры), поскольку прежде древние поверх одежд носили шкуры (*pellicia*), как бы *pelleum*; либо слово произошло от *palla* посредством деривации. (2) Хламида (*chlamys*) – плащ, который накидывается с одной стороны; он никогда не сшивается, но скрепляется фибулой. Отсюда происходит и его греческое название¹⁷. (3) Тога (*toga*) названа так оттого, что шерстью своей она покрывает (*tegere*) и окутывает тело. Тога представляет собой простое без украшений округлое по форме и вытянутое в длину верхнее одеяние (*pallium*); все состоит как бы из изгибов, тога укладывается, пройдя под правой рукой, на левом плече. Мы видим ее и на статуях и на изображениях; такого рода статуи мы называем «одетыми в тогу» (*statuae togatae*). (4) Римляне во время мира носили тогу, во время же войны – военные плащи (*paludamenta*). (5) Правильной по размеру является та тога, что имеет шесть локтей в длину. *Palmata* именовали ту тогу, которой награждались лица, вернувшие из рук врага пальму (*palma*) победы; ее же называли и *toga picta* (расшитая тога), поскольку в честь одержанных побед она была расшита пальмовыми ветвями. (6) *Toga candida* (белая тога), она же и *cretata* (отбеленная), – тога, в которой кандидаты (*candidati*), то есть те, кто стремился добиться избрания в магистратуру, обходили [избирателей]; мел (*creta*) добавляли для того, чтобы сделать ее более белой и привлекательной. Цицерон в речи, которую он произ-

¹⁷ Т.е. χλαμύς.

нес против своих соперников, [домогающихся консульства], написал: «In Toga Candida» (В белой тоге)¹⁸. (7) «Габинским» называется стиль (cinctus Gabinus) ношения тоги, когда тога накидывается так, что ее край, откидываемый за плечо, подводится к груди таким образом, что вышитые на ней изображения оказываются по обе стороны от плеч; так поступали либо языческие жрецы, либо преторы, готовясь к сражению. (8) Трабеей (trabea) назывался вид тоги пурпурного или ярко-красного цвета; обрядившись в таковую, первоначально исполняли свои служебные обязанности римские цари. Говорят, что впервые ее изобрел Ромул, дабы обособить персону царя. Трабеей же названа она оттого, что возносит (transbeare) человека к великой славе, то есть наполняет наперед благом почта высокой должности. (9) Украшенный пурпуром и золотом, особый плащ императоров именовали *paludamentum*. О нем Саллюстий говорит (Hist. 1, 87): «*Togam paludamentum mutavit*» (Сменил он тогу на палюдамент). Он использовался также и в качестве «военного плаща» (*bellicum pallium*); название, как кажется некоторым, произошло оттого, что надевая его, император открыто (*palam*) показывал, что приближается война (*bellum*). (10) *Circumtextus* есть то, что по-гречески – κικλάς. О том Вергилий говорит (*Aen.* 1, 649): «*Et circumtextum croceo velamen acantho*» (И шафранный покров с узором из листьев аканта; – пер. С. Ошерова). Назван же плащ *circumtextus* оттого, что он имеет округлую форму. (11) *Diplois* (двойной) – греческий термин, оттого плащ так именуется, что он двойной. Гораций говорит (Epist. 1, 17, 25): «*Contra quem duplici panno patientia velat*» (того, кого воздержанье в двойной лоскут одевает). (12) Имеется также военная одежда, которую впервые стали использовать во время галльских походов, захватив в качестве добычи у врага. О ней идет речь в известной фразе, произнесенной в сенате: «*Togis depositis*

¹⁸ Речь, так названная, была произнесена Цицероном в 64 г. до н.э., когда он вместе с Катилиной и Антонием домогался консульства на 63 г. до н.э.

Quirites ad saga fuerunt» (Отложив тоги, квиристы облачились в военные плащи). (13) *Sagum* – галльский термин. *Sagum quadrum* назван грубый шерстяной плащ либо оттого, что у галлов он первоначально имел квадратную форму (*quadratus*), либо оттого, что складывался вчетверо (*quadruplex*). (14) Пенула (*paenula*) – плащ с длинной бахромой. Лацерна (*lacerna*) – бахромчатый плащ, которым прежде пользовались только солдаты. По этой причине, дабы отличать городскую толпу от тех, кто находится в военном лагере, первых именовали «одетыми в тогу» (*togati*), а вторых «одетыми в лацерну» (*lacernati*). Оттуда же *lacernae* – плащи с как бы разодранными¹⁹, но не так глубоко, как у пенул, краями. (15) Испанцы оттого называют накидку *mantum*, что она покрывает только руки (*manus tantum*), ведь она представляет собой короткий плащ. (16) *Praetexta* – детский плащ, который вплоть до шестнадцати лет носили мальчики из знатных семейств, проходя в это время обучение; откуда и называли их претекстатами (*praetextati pueri*). Претекстой же назван он оттого, что окаймлялся (*praetexere*) широкой пурпурной полосой. (17) *Casula* – накидка, снабженная капюшоном, названа так через посредство уменьшения от *casa* (хижина), поскольку покрывает человека целиком, как бы маленькая хижина. Отсюда и *cuculla* (капюшон), как бы маленькая *cella* (каморка). Это слово в греческом языке относится и к планетам, поскольку те блуждают, меняя свои пределы. Оттуда и *stellae planetae*, то есть «блуждающие планеты» (*vagae*), поскольку движутся туда-сюда в своем скитании-странствии. (18) *Birrus* (дождевик) происходит от греческого слова, ведь греки называют его *bibrus*. (19) *Melotes*, что также называют *pera*, представляет собой одеяние из козьей шкуры, покрывающее тело от шеи до пояса. Это одеяние необходимо в основном для работы. Как некоторые полагают, прежде его делали из барсучьих шкур (*melones*), откуда оно и получило название *melotes*. (20)

¹⁹ Автор, очевидно, связывает *lacernae* с прилагательным *lacer* – разодранный, изорванный.

Словом *fibriae* названы края (ога) одежды, то есть концы; оно происходит из греческого языка, ведь греки называют границу ὄρος.

XXV. О верхних одеяниях женщин. (1) *Regillum* – роскошный верхний покров цариц (*reginae*); отсюда он и получил такое название. *Peplum* – верхнее женское платье, подкрашенное пурпуром, золотые нити, украшавшие его, блестели поверх основы. (2) *Palla* (палла) – женское одеяние, четырехугольная мантия (*pallium*), доходившая до пят, украшенная драгоценными камнями, скрепленными в ряд. Палла названа так: ἀπὸ τοῦ πάλλειν²⁰, то есть от движения, которое возникает у края этого одеяния; или оттого, что, исходя складками, она струится волнами. (3) *Stola* – одеяние матрон, которое, покрывая голову и плечи, идет от правого бока к левому плечу. Столой же оно зовется от греческого слова²¹, поскольку «идет по верху» (*superemittere*). (4) Ее же называют и латинским словом *ricinium*, потому что половина ее откидывается (*reicere*) назад; в народе ее называют *mavors*. Говорили же *mavors*, как если бы *Mars* (Марс)²²; *mavors* является символом брачного (*maritalis*) достоинства и власти. Действительно, голова женщины – муж; поэтому *mavors* и покрывает голову женщины. (5) *Amiculum* – льняной греческий плащ блудниц. В древности его носили застигнутые в прелюбодеянии матроны, дабы лучше в таком плаще, чем в столе оскверняли они целомудрие. Действительно, у древних этот вид одежды служил символом распутства, теперь же в Испании он является символом почета²³. (6) *Theristrum* – плащ, которым еще и сегодня покрывают себя женщины Аравии и Месопотамии; под сенью его они скрываются во время жары. О нем идет речь у проро-

²⁰ Букв.: «от [греческого глагола] раскачивать».

²¹ Т.е. στολή. Ср.: στέλειν – идти, отправлять.

²² *Fest.* s.v. *Mavortem*. P. 131 L: «Поэты называют Марса Мавортом (*Mavors*)». См.: *Isid. Etym.* XIX. 1. 5.

²³ *Fest.* s.v. *Amiculum*. P. 26 L: «*Amiculum* – вид одеяния, названный так от охватывания [им тела] вокруг».

ка Исайи (3:23). (7) *Anaboladium* – льняной женский плащ, который накидывается на плечи; греческие и латинские авторы называют его *sindon*.

XXVI. О покрывалах и прочих покрывах, находящихся в употреблении. (1) *Stragulum* – пестрое покрывало, которое рукою мастера украшается различными способами. Названо так потому, что пригодно и в качестве подстилки (*stratus*), и в качестве плаща (*amictus*). О нем Соломон (Пров. 31:22): «*Stragulam vestem sibi fecit*» (Одеждой для себя она сделала покрывало; – пер. наш). (2) Некоторые считают, что *ludices* (покрывала) названы так от *ludi*, то есть публичных игр, поскольку, когда молодые люди во время публичных игр выходили из публичного дома, они прикрывали ими свои головы и лица, ибо тот, кто входит в лупанарий испытывает обычно стыд. *Galnapes*... (3) *Fulcra* – резные спинки (*ornamenta*) кроватей, названы так либо потому, что мы ими *fulcimus*, то есть поддерживаемся, либо потому, что они поддерживают (*fulcere*) туловище или голову; в народе их называют *reclinatoria*. (4) Подушки (*cervicalia*) же называются так оттого, что подкладываются под затылок (*cervix*), либо под локоть (*cubitus*). *Pulvillus* (подушка) – от *pulvinar*, то есть от ложа богатого человека. *Culcitae* (матрацы) названы так оттого, что они *calcentur*, то есть набиваются пухом или набивкой, чтобы были особенно мягкими и теплыми. (5) Коврики (*tapeta*) названы так потому, что первоначально подстились под ноги (*pedes*), как если бы говорили *tapedia*. *Sipla* – коврики, покрытые с одной стороны ворсом, как бы *simpla*²⁴. *Amphitapa* – коврик, покрытый ворсом с обеих сторон. Луцилий говорит (13): «*Siplae atque amphitapi villis ingentibus molles*» (мягкие с ворсом шикарным, одинарные, но также двойные). (6). Скатерти (*mantelia*) используются сегодня для того, чтобы покрывать столы. Однако, как подсказывает их название, некогда их подавали, чтобы вытирать руки (*manus*). Салфетки (*maprae*) подобают пиру и обеденным трапезам, как бы

²⁴ Ср.: *simplum*, *i n* – одинарное.

maniprae, оттого и названы; уменьшительной формой слова является *mapella*. *Toralia* – длинное целое покрывало; названо от *torus* (постель). (7) *Sabanum* (полотнище) – греческое слово. Полотенце для лица (*facietergium*) и полотенце для рук (*manitergium*) названы от *tergere faciem* (вытирать лицо) и *tergere manus* (вытирать руки). *Vela* (занавески) названы так оттого, что скрывают (*velare*), заслоняя собой, внутренние интерьеры домов. (8) *Aulaea* – большие украшенные занавеси; их потому назвали *aulaea*, что впервые они были использованы во дворце (*aula*) Аттала, царя Азии, наследство же его получил римский народ. (9) *Cortinae* – это *aulaea*, то есть покровы из кож, о которых пишется в книге «Исход»²⁵; ими покрывались снаружи палатки. Свое название *cortinae* получили от *coreum* (кожа), потому что прежде они делались из шкур. Отсюда в той же книге закона предписывается изготавливать *cortinae* из красных бараньих кож и кож синих. (10) Словом *cilicia* арабы называют покровы, сотканые из козьей шерсти, из них они делают для себя палатки.

XXVII. О рунах. (1) *Lana* (шерсть) названа так от *laniare*, что означает «драть» (*vellere*). Отсюда словом *vellus* названо руно, так как прежде шерсть драли (*vellere*), а не стригли (*tondere*). Лён (*linum*) произрастает из земли, его название восходит к измененному греческому, ведь греки называют лен *λινάριον*; либо оттого он так назван, что мягок и нежен (*lenis*). (2) Пакля (*stuppa*) делается из конопли, либо из льна. Названа она *stuppa* в соответствии с древней орфографией потому, что ею конопатят (*stipare*) трещины в судах. Оттуда происходят и *stipatores* – те, кто конопатит ею пустоты. (3) Набивка (*tomentum*) названа так потому, что набита (*tumere*) либо в пряжу, либо в материю, и не имеет никакого изящества. Конопля (*cannabum*) названа от сходства с тростником (*canna*), либо имеет греческое происхождение, ведь греки называют коноплю *κάνναβις*. (4) *Byssum* (виссон) – не-

²⁵ Исх. 26:14: «И сделай покрывку для покрыва из кож бараньих красных и еще покров верхний из кож синих».

кий вид очень белого и мягкого льна, греки называют его *rapaten*. *Fibrinum* – шерсть животных, что именуются *fibri* (бобры). Полагают, что они (их называют также *castores*), когда их преследуют охотники, сами себя лишают тестикул. *Aranea* (паутина) зовется так потому, что поддерживается на листьях потоком воздуха (*aer*). (5) *Sericum* (шелк) назван так потому, что первыми его стали поставлять серы (*Seres*)²⁶; они, говорят, разводят червей, которые прядут шелковые нити вокруг деревьев. Черви эти по-гречески зовутся βόμβυκες. *Placium* – пакля, нечто вроде грубого шелка; слово это – греческое²⁷.

XXVIII. О красителях для одежды. (1) Слово *tinctora* (окрашивание) произошло оттого, что ткань замачивается (*tinguere*) и окрашивается, красоты ради, в другой цвет. То, что мы называем красным (*rubrus*) или пурпурным (*vermiculus*), греки – κόκκος; *vermiculus* – это личинка, паразитирующая на лесной листве. (2) Пурпур (*conchylium*) назван так оттого, что краситель этот вырабатывается из морских моллюсков (*conchulae*); его также называют *ostrum*. (3) *Ostrum*, что используется в качестве пурпурного красителя, встречается во многих местах, но лучший – на острове Кипр, либо в тех местах, которые лучше освещаются солнцем. (4) *Conchylium* (пурпурные улитки) – дар моря; обрезанные по кругу лезвием улитки источают «слезы» пурпурного цвета; как только они собраны, замешивается пурпурный краситель. Говорят, что *ostrum* назван так и оттого, что извлекается из жидкости улитки (*testa*). (5) Пурпурный краситель (*purpura*) получил у латинских авторов свое наименование от чистоты (*puritas*) цвета. У греков ἡ πορφύρα произносится с придыханием, мы говорим *purpura* без придыхания. (6) *Ferrugo* – пурпурно-черная краска, которая делается в Испании, как [о том говорится в строке Вергилия] (*Virg. Aen.* 9, 582): «*Ferrugine clarus Ibera*» ([плащ его] алый горел, иберийским окрашенный соком; – пер. С. Ошерова). Назван же краситель *ferrugo* потому,

²⁶ См. выше XXII. 14.

²⁷ Ср. выше § 2.

что все пурпурные вещи имеют при окрашивании первоначально такой цвет²⁸. (7) *Glaucus* – краска, имеющая более плотный черный оттенок, чем *ferrugo*. *Elbidum* (желтый краситель) назван так от желтого цвета (*elbus*); *elbus* – промежуточный цвет между черным и белым; *elbus* произошло от *albus* (белый). (8) *Luteus* – красноватый цвет, то есть шафрановый, ведь шафран имеет желтоватый (*luteus*) оттенок, как о том в строке Вергилия (*Virg. Ecl. 4, 44*): «*Croceo mutavit vellera luto*» (то в золотистый шафран руно перекрашивать будет; – пер. С. Шервинского). *Menum* [назван так, поскольку представляет собой черный краситель; греки называют черное μέλας]. *Masticinum* [назван так потому, что имеет цвет мастики (*mastix*)]. *Blatteum... Blavum... Mesticium...* (9) *Osticum*, потому что от *ustus* (сожженный); изготавливается же этот краситель из свисающей с потолков сажи, порожденной постоянным горением очагов. По этой причине цвет этого красителя подобен цвету пламени.

XXIX. Об инструментах для изготовления одежды. (1) *Tela* (основа ткани) названа так от длины нитей; дериватом этого слова является *telaria* (ткацкий станок). *Insubuli* (навои ткацкого станка) называются так, поскольку находятся внизу (*infra*) и вверху (*supra*), либо потому, что они гудят (*insubulare*). Челноки (*radii*) названы так оттого, что изготавливаются посредством шлифования (*radere*); бердечки (*pectines*) – оттого, что они отделяют²⁹ и придавливают ворсистые волокна. (2) Прялка (*colus*) – оттого, что такая же длинная и круглая как колонна (*columna*). Веретено (*fuscus*) – оттого, что по нему струится (*fundere*) то, что спрядено. *Alibrum* – оттого, что на нем нити *liberantur*, то есть «распускаются»³⁰. (3) *Calathus* (корзина) – легкая кладь, изготовленная из льна, тростни-

²⁸ Т.е. цвет ржавчины. От лат. *ferrum*, *i n* – железо.

²⁹ Автор имеет в виду *pectere* (расчесывать).

³⁰ Возможно, речь идет о рамке, служившей основой для мотка шерсти.

ка, либо из камыша, в которую кладут урочную шерсть³¹, либо собирают цветы. Действительно, *kāla* по-гречески есть дерево (*lignum*), от этого слова произошло *calathus*³². По-латински же говорят *quasillum*³³. Цицерон в «Филиппиках» (3, 10): «*Aut vero inter quasilla pendatur aurum*» (Или взаправду золото развешивают среди корзин). (4) *Pensum* – мера шерсти у женщин – произошло от *pendere* (взвешивать); отсюда же слова *pensa* (“уроки”) и *impensa* (расход). *Netum* (пряжа)... (5) Нити (*fila*) названы так либо потому, что они делались из шерсти (*pili*) животных, либо потому, что при ткачестве используются тонкие нити, напоминающие волосы (*pili*); то есть *pili* есть как бы *fila*. (6) *Mataxa* (моток пряжи) как бы *metaxa*; разумеется, от круговращения (*circuitus*) нитей, ведь *meta* есть *circuitus*. *Gubellum* (моток пряжи) образовано неправильным образом от *globus* (шар) посредством уменьшения, как бы *globellum*. (7) *Panuliae* (челноки) – оттого, что с их помощью ткутся ткани (*rappi*); сами же они снуют туда-сюда через основу ткани. *Stamen* (основа ткани) произошло оттого, что располагается (*stare*) вертикально. *Trama* (уток) – оттого, что заводится поперек (*transmittere*) основы ткани; действительно, нить направляется внутрь (*intra*) основы. *Licia* (утки□) – то, чем «связываются» (*ligare*) нити основы, как бы *ligia*. *Ordire* есть... *Texere* есть...

XXX. Об украшениях. (1) До сих пор мы говорили об одежде, теперь перейдем к прочему убранству.

Украшения (*ornamenta*) названы так оттого, что ими украшают лицо³⁴ и голову. Первое из украшений – корона

³¹ См. ниже § 4.

³² *Fest. s.v. Talassionem*. P. 479 L: «Варрон говорит, что на свадьбах талассий является символом прядения. Ведь *talassio* называли корзинку, которая особенно подходила для работы с шерстью; иначе она зовется *calathus*».

³³ *Fest. s.v. Calathos*. P. 41 L: «Греки говорят *calathi*, мы – *quasilli* (корзиночки для шерсти)».

³⁴ Автор производит *ornamenta* от *os, oris f* (лицо, обличье).

(согона), которая служит символом победы³⁵, либо знаком царского достоинства; корона с тою целью водружается на голову царя, чтобы символизировать круг тех земных народов, которые, подобно его голове, находятся под его короной. Луцилием (1143) она названа *corolla*³⁶, Гомером (II, 8, 597) – στέφανη. Язычники утверждают, что возникновение ее восходит к некому Либеру³⁷, поскольку у них было принято обвязывать головы лентами, когда они пили вино. Именно по этой причине короны некогда делались из льна и шерсти, каковыми они были у языческих жрецов. (2) Корона (согона) получила свое название по той причине, что первоначально ходили (сигере) вокруг алтарей, так что корона была и смоделирована, и названа согласно образу кругового движения или хора (chorus)³⁸. (3) Римские императоры и некоторые из языческих царей носят золотые короны. Персы носят тиары (tiara), но у царей они прямые, а у сатрапов – изогнутые. Тиара была изобретена ассирийской царицей Семирамидой³⁹. Этот народ сохраняет украшение этого типа с того времени и вплоть до сегодняшнего дня. Афиняне же носили золотые цикады (sic[ι]ada), некоторые на макушке головы, некоторые на лбу. Действительно, не все цари пользуются одними и теми

³⁵ *Corona* – не только «корона», но и «венок». Римские воины получали в качестве награды различные венки. См., например: *Fest. s.v. Civisam coronam*. P. 37 L; *Castrensis corona*. P. 49 L; *Gravidus*. P. 86 L; *Navalis corona*. P. 157 L; *Obsidionalis corona*. P. 209 L; *Ovalis corona*. P. 213 L.

³⁶ *Fest. s.v. Corolla*. P. 56 L: «*Corolla* есть уменьшительная форма от *corona* (венок). Новобрачная носила под фатой веночек из цветов, священных ветвей оливы и трав, что собрала сама».

³⁷ Либер – древнеиталийский бог плодородия, впоследствии отождествленный с греческим Вакхом; наряду с Либерой и Церерой составлял т.н. «плебейскую триаду», которой в 494 г. до н.э. в Риме был посвящен храм.

³⁸ *Fest. s.v. Corona*. P. 33 L: «Хотя [слово] *corona* (венок), как кажется, происходит от *chorus* (хоровод), однако оно не имеет придыхания. Или говорится *coronae* оттого, что венки возвеличивают (*honogare*) тех, на кого возлагаются».

³⁹ Легендарная царица Ассирии, жена царя Нина.

же знаками отличия. Языческие прорицатели носили *infulae*, *apices*, *pillea* или *galeria*. (4) *Infula* – белая головная повязка жрецов наподобие диадемы⁴⁰. С обеих сторон [головы] с нее свисают ленты (*vittae*), которые обвивают инфулу; отсюда они и названы *vittae*, поскольку обвивают (*vincire*) ее. Инфула, как правило, была широкой и, в большинстве своем, витой, скрученной из белых и алых нитей. (5) *Apex* – это расшитая круглая войлочная шапка (*pilleum*), которую носили языческие жрецы⁴¹; названа от *apere*, то есть «привязывать». Действительно, прутик, что был на шапке, привязывался к ней нитью, изготовленной из шерсти жертвенного животного. *Galerium* – шапка (*pilleum*), сделанная из шкуры убитого жертвенного животного. *Pilleum* (шапка) произошло от *pellis* – шкуры жертвенного животного, из которой она изготавливалась. (6) Кидар (*cidaris*) был головным убором священников, большинство именуют его митрой (*mitra*).

XXXI. О женских головных украшениях. (1) Женские головные украшения суть следующие: диадема (*diadema*), нимб (*nimbus*), капюшон (*capitulum*) и митра (*mitra*). Диадема – головное украшение матрон с вкраплениями золота и драгоценными камнями; она крепится смыкающимися сзади идущими по кругу ободами, отсюда и ее греческое название происходит от глагола «сковывать»⁴². (2) *Нимб* – поперечная лента из льняной ткани, расшитая золотом, которую повязывают вокруг головы женщины. Плавт (Рoen. 348) говорит: «*Quo magi seam aspicio, tam magis nimbata est*» (Чем больше гляжу на нее, тем больше она кажется увенчанной нимбом). И свечение, которое изображают вокруг голов ангелов, зовется нимбом, да и густая пелена облака (*nubis*) есть нимб (*nimbus*).

⁴⁰ *Fest.* s.v. *Infulae*. P. 100 L: «*Infulae* – шерстяные повязки, которыми украшались жрецы, жертвенные животные и храмы».

⁴¹ *Fest.* s.v. *Apex*. P. 17 L: «*Apex* – знак отличия жрецов – получил название оттого, что древние вместо *comprehendere* (связывать) говорили *vinculo apere*».

⁴² Т.е. от $\delta\epsilon\iota\nu$.

(3) Капюшон (*capitulum*) есть то, что обычно в народе именуют словом *capitulare*. Капюшон называют также *cappa*, либо потому, что подобно букве К⁴³ он имеет два остроконечных кончика, либо потому, что является украшением головы (*caput*). (4) Митра – фригийская шапка⁴⁴, покрывающая голову; представляет из себя головной убор, надеваемый женщинами во время жертвоприношения. (5) У мужчин – *pilleum*, у женщин же – митра. *Redimicula* (ленты) – то, чем привязывают митру. *Pilleum*, как было отмечено нами выше, делался из кожи, митра же – из шерсти. *Ricula* – митра для головы девственницы⁴⁵. (6) *Vittae* – ленты, которые закрепляются в волосах; ими стягиваются ниспадающие волосы; они названы *vittae* оттого, что «связывают» (*vincire*) их. *Taenia* – это ниспадающий конец ленты различных цветов. *Vitta* это также и то, чем перевязывается венок; *taenia* же – крайняя оконечность витты, которая свисает с венка. (7) *Reticulum* (сетка для волос) – то, что удерживает прическу; названа так оттого, что она «удерживает волосы» (*retinet crines*), чтобы они не трепались⁴⁶. (8) Заколки (*discriminalia*) для женских волос названы так оттого, что золотом своим делят (*discernere*) прическу, ведь *discriminare* означает «делить». *Antiae* – завитки волос, свисающие около ушей; от греческого слова «уши»⁴⁷. (9) Шпилька (*acus*) есть то, посредством чего женщины сохраня-

⁴³ Греческое название буквы – каппа.

⁴⁴ Фригия – область на западе Малой Азии. Фригийцы переселились сюда с Балкан около 1200 г. до н.э.

⁴⁵ *Varr. LL. V. 130*: «*Rica* от *ritus* (религиозный обычай), так как согласно римскому обычаю, женщины, когда производят жертвоприношение, покрывают головы»; *Fest. s.v. Ricae* и *riculae*. P. 343 L: «*Ricae* и *riculae* называют маленькие платки, наподобие паллиолы, используемые для покрытия головы».

⁴⁶ *Varr. LL. V. 130*: «То, что удерживает волосы, названо от *rete* (сеть) *reticulum* (сеточка)».

⁴⁷ *Fest. s.v. Antiae*. P. 16 L: «*Antiae* названы, как кажется, от греческого [слова], опущенные на лоб прядки волос у женщин; ведь мы говорим *contra* (против), а греки – *ἀντίον*».

ют целостность прически, чтобы волосы не растекались и не растрепывались слишком⁴⁸. (10) Сережки (*inauges*) получили наименование от отверстий, прodelываемых в ушах (*auges*), к которым крепятся драгоценные бусинки камней. В Греции их носили так: девочки – в обоих ушах, а мальчики – только в правом ухе. (11) *Torques* – золотые ожерелья, свисающие с шеи на грудь. И ожерелья (*torques*) и буллы (*bullae*) носят мужчины, женщины же носят *monilia* (ожерелья) и *catellae* (цепочки). Ожерелья (*torques*) названы так потому, что они искривлены (*torquere*), а буллы – потому что подобны своей округлостью пузырям (*bullae*), которые надуваются в воде ветром⁴⁹. (12) *Monile* – украшение из драгоценных камней, которое обычно висит на шее женщин; названо от *munus* (дар)⁵⁰. Его также называют *serpentum*, потому что состоит из нескольких золотых бусин в виде маленьких амфор и различных драгоценных камней, напоминая своей формой змею (*serpens*). Некоторые называют его *segmentum*, как то делает Ювенал (2, 124): «*Segmenta et longos habitus*» (Вот в позумен-тах и платье до пят; – пер. Д. Недовича и Ф. Петровского); но и обрезанные одеяния мы называем *vestes segmentae*, как у того же Ювенала (6, 89): «*Et segmentatis dormisset parvola cunis*» (Спать на пуху в своей золоченой, резной колыбели; – пер. Д. Недовича и Ф. Петровского). (13) В ряде случаев, од-

⁴⁸ *Fest.* s.v. *Acus*. P. 8 L: «*Acus* называют то, чем пользуется портниха, а также рабыня, украшающая прическу [своей госпожи]. Хлебная мякина также зовется *acus*; как и боевой строй пехоты, поскольку эта часть воинов обладает наибольшей мощью для поражения врага наконечниками (*acumina*) копий. Все это, однако, заимствуется из греческого словоупотребления, поскольку у них ἀκέσασθαι означает “починять”».

⁴⁹ *Fest.* s.v. *Bulla aurea*. P. 32 L: «Золотая булла была знаком отличия мальчиков-претекстатов. Она висела у них на груди дабы означать, что [лица] этого возраста должны руководствоваться советом другого: ведь *bulla* названа так либо от греческого слова βουλή, что по-латыни означает «совет», либо оттого, что прикасается к той части тела, то есть к груди, где содержится естественное благоразумие».

⁵⁰ *Fest.* s.v. *Monile*. P. 123 L: «*Monile* (ожерелье) называют и женское, и висящее на шее лошадей украшение».

нако, любые украшения матрон именуются *munile*, что бы ни давалось женщинам в качестве подарка (*munus*). (14) «Муреной» (*murena*) зовется обычно ожерелье оттого, разумеется, что плетется из трубочек золотого мягкого металла и причудливыми изгибами напоминает змееподобную мурену; его используют в качестве шейного украшения. Иногда оно сплетается из золотых и серебряных прутиков, отсюда и говорится в «Песни Песней» (1, 10): «*Murenulas aureas faciemus tibi verticolatas argento*» (золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками). (15) *Catellae* – шейные цепочки (*catenula*), связанные друг с другом подобно цепи (*catenae*); отсюда и названы. (16) *Dextrae* (браслеты) – общие и для мужчин, и для женщин. Оба пола носят их на правой руке (*dextera*). *Armillae* (браслеты) же в собственном смысле подобают только мужчинам, они давались воинам за победу, добытую с оружием в руках (*arma*)⁵¹. По этой причине их иногда в просторечии называли *viriole*⁵². По общему впечатлению *armilla* не отличается от браслета (*circulus*), поскольку подобно ему, обвиваясь по кругу, стягивает то место, на которое надевается; но *armilla* – браслет, имеющий широкую плоскую поверхность, *circulus* же – круглый в сечении. (17) *Fibulae* (фибулы) – то, чем украшают грудь женщины, или то, посредством чего мужчины удерживают плащ на плечах, либо пояс на бедрах. *Lunulae* – женские украшения по виду напоминающие луну (*luna*), золотые подвешиваемые шарики. (18) *Specula* – зеркала, глядя в которые, женщины пристально рассматривают свои лица. Зеркало (*speculum*) названо так либо оттого, что отражение проступает в его блеске (*splendor*), либо оттого, что женщины, глядя в него, разглядывают облик (*species*) своего лица и если им кажется, что чего-то недостает, прибегают

⁵¹ *Fest.* s.v. *Armillas*. P. 23 L: «Полагают, что браслеты из золота (*armillae*), которые носят воины, награжденные полководцами, названы так оттого, что древние называли плечи и руки *armi*; откуда получило свое название и оружие (*arma*), удерживаемое руками».

⁵² От *vir*, *virī* m – муж, мужчина.

к каким-либо средствам украшения. (19) *Periscelides* – украшения для женских лодыжек, которые украшают их во время ходьбы. *Olfactoriola* – маленькие флакончики у женщин, в которых они носят благовония.

XXXII. О кольцах. (1) Говорят, что Прометей первым надел на палец железное кольцо с вставленным в него [драгоценным] камнем; в соответствии с этим обычаем люди начали носить кольца. Слово *anuli* (кольца-печатки) произошло (через посредство уменьшения) от *circuli* (ожерелья) и *ani* (кольца); этими ожерельями и кольцами украшают руки и голени. Поэтому и печати (*signum*), оставляемые кольцами, именуется через посредство уменьшения *sigilla*; действительно, *signa* – большего, а *sigilla* – меньшего размера печати. (2) Первоначально люди стали носить кольца на четвертом от большого пальце, потому что от него и вплоть до самого сердца идет некая вена; древние полагали, что она должна была быть наделена и отмечена неким особым свойством. (3) У римлян кольца предоставлялись в качестве публичного дара, и с учетом социальных различий; действительно, мужам, превосходившим других достоинством, предоставлялись кольца с драгоценными камнями, остальным – без них; ни раб, ни вольноотпущенник никогда публично не носили золотые кольца: золотое кольцо подобало свободному, вольноотпущеннику – серебряное, рабу – железное, хотя и многие весьма достойные мужи также носили железные кольца. (4) У древних позорным для мужчины считалось надевать более одного кольца. Гракх⁵³ говорит в речи «Против Мевия»: «*Considerate, Quirites, sinistram eius; en cuius auctoritatem sequimini, qui propter mulierum cupiditatem ut mulier est ornatus*» (Посмотрите, квиристы, на его левую руку; неужели вы готовы следовать авторитету того, кто из алчности женской и сам как женщина украшен). Красс, который погиб в противостоянии с парфя-

⁵³ Гай Семпроний Гракх – плебейский трибун 123-122 гг. до н.э.

нами⁵⁴, в старости носил два кольца, дав основание говорить о том, что он нажил несметное состояние. Многие же римляне из достоинства воздерживались носить кольцо на пальце. Женщины носили только те кольца, которые обычно жених дарил невесте; они не имели обыкновения носить на пальцах более двух золотых колец. В настоящее же время женщины ни одну из частей своего тела не оставляют свободной и необремененной золотом. (5) Среди колец типы суть следующие: *ungulus*, *Samothracius* и *Thynius*. *Ungulus* – кольцо с камнем, а зовется оно этим именем оттого, что драгоценный камень скреплен с золотом кольца так, как коготь (*ungula*) с плотью. Самофракийское кольцо (*Samothracius*) – это золотое кольцо, но с железной головкой; названо так от места происхождения. (6) Тинийское (*Thynius*) – простое кольцо, первоначально появилось в Вифинии, которую некогда именовали Тинией (*Thynia*). Флакк (Maecenas, frag. 1): «*Lucente, mea vita, nec smaragdos / berillosque mihi, Flacce, nec nitentes / (nec) per candida margarita quaero, / nec quos Tunnica lima perpolivit / anellos nec iaspios lapillus*» (О Флакк Луцент, жизнь моя, не ищу для себя ни изумрудов, ни бериллов, ни жемчугов белых, ни тех колечек выделки тинийской, ни камешков яшмы самоцветных).

XXXIII. О поясах. (1) *Cinctus* – широкий пояс, *semicinctium* – менее широкий, а *cingulum* – уже и того, и другого; действительно, *cingulum* – уменьшительная форма от *cinctus*. Юноши во время борцовских упражнений прикрывали, используя *cinctus*, гениталии; отсюда этот пояс назывался также *campestris* (борцовский пояс). (2) *Balteum* – военная перевязь; названа так потому, что на нее подвешиваются знаки, указывающие на общий количественный состав военного легиона, то есть 6600, и какое положение занимает в составе легиона

⁵⁴ Марк Лициний Красс (115/114 – 53 гг. до н.э.) – римский полководец, политический деятель, триумвир. Потерпел поражение от парфян в сражении при Каррах в 53 г. до н.э., после чего был ими вероломно убит.

тот или иной солдат. Отсюда словом *balteus* называют не только то, чем подпоясываются, но также и то, на чем висит оружие. (3) *Zona* – греческий пояс; то, что мы называем *cingulum*, они именуют ζωνάρις. *Strophium* – золоченый пояс с драгоценными камнями. О нем говорит Цинна (Catul. 64, 65): «*Strophio lactantes cincta papillas*» (охвачены кормящих грудей соски строфионом) и Пруденций (περὶ Στεφ. 25, 4): «*Nomen hoc gemmae strophio inligata est*» (Это название драгоценного камня, прикрепленного к строфию). (4) *Limus* – передник, который носили общественные рабы; он назван так потому, что имел пурпурные поперечные, то есть скошенные (*limae*) полосы. *Calcium* – вид пояса, названный так от ограничительного ремешка (а соасто logo). Фибула – греческое слово, они называют ее *fiblis*, поскольку она «связывает» (*ligare*). *Subfibulum... Subligaculum...* (5) *Redimiculum* – то, что мы называем передником (*subcinctorium*) или поясом (*bracile*), так как, идя от затылка и делясь у шеи надвое, он, проходя под обеими подмышками, подвязывается так, что, обтягивая, покрывает тело по всему периметру. В народе его именуют *brachilis*, как бы *brachialis*, хотя сегодня это поясничный пояс и не имеет отношения к рукам (*brachii*). Передником (*succinctorium*) же назван он оттого, что, как было сказано, он, заведенный под (*sub*) руки, обтягивает тело подмышками и подпоясывает (*subcingere*) его с обеих сторон. (6) *Fascia* – повязка, которая покрывает грудь и сдавливает соски; посредством этой скрученной повязки грудь жестко фиксируется; она названа *fascia* потому, что перетягивает тело подобно связке прутьев (*fasciculus*). Отсюда и *fasciolae* (повязки), которыми перевязывают раны. (7) *Vitta* (лента) названа так оттого, что тело обвязывается ею словно вьющейся виноградной лозой (*vitis*). *Limbus* – то, что мы называем оторочкой. (8) Это кайма, которой оторочены края одежды, сотканная из нити или из золота и пришитая к нижнему внешнему краю одеяния или хламиды. О ней говорит Вергилий (*Aen.* 4, 137): «*Sidoniam picto chlamydem circumdata linbo*» (Плащ сидонский на ней с расписною каймой; – пер. С. Ошерова).

XXXIV. Об обуви. (1) *Sutores* (сапожники) названы так оттого, что они шьют (*suere*), то есть сшивают [детали обуви], пользуясь для этого в качестве нити свиной щетиной (*setae*); *sutores* есть как бы *setores*. (2) *Caligarii* (сапожники) же названы так не от толстой кожи (*callum*) ног, а от *calum*, то есть «дерево», без которого нельзя сделать те башмаки, что греки называют κἀλόπους; первоначально они изготавливались только из ивы. Оттуда получила наименование *calciamentum* и сама обувь, поскольку изготавливается она из *calum*, то есть из дерева; либо названа она так оттого, что ее «топчут» (*calcare*). (3) Греки носили сандалии (*strepidae*), изобретенные в давние времена. Эта обувь одной формы: сандалии подходят для обеих ног, как для правой, так и для левой. Названы же они *strepidae* оттого, что натягивались [на ногу] с шумом, либо от звука (*strepitus*), издаваемого при ходьбе. (4) Цари и императоры носили сапожки, именуемые калцеями (*calcei*). Их форма... Ромул изобрел патрицианские сапожки с четырьмя шнурками и украшением, пришитым к ним, в виде луны; их носили только патриции. Но луна на них имела форму не звезды, но знака числа сто⁵⁵, поскольку первоначально было сто сенаторов-патрициев. (5) *Ocrea* – покровы для голеней, названы так потому, что покрывают голени (*crura*)⁵⁶. Котурны (*coturni*) – обувь, которую надевали трагические актеры, когда собирались выступать в театре и произносить фразы громким величественным голосом. Обувь, которую надевали герои, была подобна сандалиям, но форма их различалась для правой и левой ног. (6) *Baxeae* (сандалии) были обувью комических актеров, как котурны – актеров трагических. Некоторые называют их также *calones*, поскольку изготавливаются они из ивы; действительно, греки, как было нами замечено, дерево называют κἀλα. (7) *Talares* – шлепанцы (*socci*), которые, как кажется, названы так по той причине, что их форма такова,

⁵⁵ Т.е. «С».

⁵⁶ *Varr. LL. V. 116*: «*Ocrea* (поножи) [названы так оттого], что ставились *ob crus* (перед голенью)».

что они достают лодыжки (*talus*); также и *subtolares* [названы так потому], что они находятся *sub talo* (под лодыжкой), как если бы [говорилось] *subtalares*. (8) *Obstrigilli* – сандалии с прошитой подошвой, к верхней их части приторочен ремешок, чтобы крепить (*constringere*) их к ноге; отсюда они так и называются. (9) Думаю, что *osae* первоначально делались из кости (*os*), и хотя они теперь делаются из другого материала, тем не менее продолжает использоваться прежнее их название. (10) *Mullei* высокой подошвой напоминают котурны, но в верхней их части имеются молоточки (*malleolus*) из кости или меди, к которым крепились ремешки. Названы же от красного цвета, того, что присущ рыбе-краснобородке (*mullus*)⁵⁷. (11) *Soleae* – сандалии, не имеют ничего, кроме подошв, названы так от подошвы (*solum*) ног⁵⁸. Деревянные *soleae* делаются из дерева, покрытого кожей. (12). *Socci* (шлепанцы), уменьшительная форма – *socelli*, названы так потому, что имеют «мешок» (*saccus*), в который вставляется часть ноги. *Calliculae...* *Caligae* (сапоги) названы либо от толстой кожи (*callum*) ног, либо оттого, что их перевязывают (*ligare*). Действительно, шлепанцы (*socci*) не перевязывают, а просто надевают. (13) *Cernui* – шлепанцы без твердой подошвы. *Lingulati* (снабженные языком) – те предметы обуви, которые мы называем *foliati*. *Clavati* [как бы *claviati*⁵⁹; произошло оттого, что маленькими *clavi*, то есть гвоздями, подошвы их скрепляются с самим сапогом]. *Perones* и *sculponeae* – виды обуви для села. *Vaxeae* – женский вид обуви. *Corrigia* (ремешки) зовутся так от *corium* (кожа), либо от *colligatio* (закрепление), как если бы говорилось *colligiae*.

⁵⁷ *Fest.* s.v. *Mullei*. P. 129 L: «*Mullei* – сапожки альбанских царей, а позже патрициев; названы так от *millare*, то есть “шить”».

⁵⁸ *Fest.* s.v. *Solea*. P. 387 L: «*Solea* называют или то, что подкладывается под подошву (*solum*) ноги (сандалия), или вид рыбы, или дубовую балку, поверх которой возводится фашинная стена».

⁵⁹ «Подбитые гвоздями».

SUMMARIES

L. L. Selivanova

The necklace of Persis: husband's first gift?

The article focuses on a passage from the *Phoenician Tales* by Lollianus (late 2nd c. A.D.), which has only survived in fragments (*P.Colon.* 3328). One of these, fr. A 2^r (“the night of love”), describes how the hero of the story lost his virginity to the girl Persis who he had met at a religious festival. As a recompense, Persis offered him a golden necklace. Her offering evokes the custom of *anakalypteria*, or the gift with which the husband rewarded his wife for her chastity after their first night. The author argues that the gift of Persis should be interpreted as an inverted reflection of the old Greek custom that Lollianus used to accentuate the foreignness and otherness of the East. Creating an image of an exotic world by inverting Greek traditions, Lollianus could also be reflecting certain changes in social norms during his time.

M.S. Petrova

On the Marital Relations in Late Antiquity

The paper analyzes the marital relationship between Vettius Agorius Praetextatus (310 / 320–384), a statesman, a scholar, and a brilliant representative of the pagan party in Rome, and his wife Aconia Fabia Paulina (d. after 384 AD), a Roman matron, reconstructed through epigraphic sources (CIL VI, 1779, 1779a 1778, 2145, 1777). It is noted that the inscription 1779 is not only a testament to the ideals of marriage and love of Late Antiquity, but it shows that a woman together with her husband could receive the initiation into secret cults and the mysteries. The issues related to the role of Pauline in the preparation of this inscription are discussed, together with the composition of the text and the reasons for its creation. The study is accompanied by a translation of the inscriptions.

M.V. Fadeyeva, E.A. Vishlenkova

Family, love and the ‘students’ question’ in the late 19th century Russia

The article scrutinizes governmental politics towards the marital relations of students. The authors found out that legal restrictions on students’ marriages were justified by the paternalistic care of the university administrators. The article provides examples of students’ perception of family, as well as age-related statistics and the number of government’s permissions on wedding ceremonies. The comparison of this date with governmental regulations makes the authors conclude that the ministry of education was guided by idea of an average student and gender stereotypes representing family as a burden. Such perception did not take into consideration the real students’ differentiation by age, income and political views

S.V. Kradetskaya

Women’s professional labour in Post-reform Russia (the feminist perspective).

The article looks at the problem of women’s professional labour in the post-reform Russia and its analysis, made by Russian feminists, in the context of social modernization.

O.M. Morozova, T.I. Troshkina

The “Red” female representatives as a version of the Soviet feminism

The article presents a study of the phenomenon of «Russian feminism». It is based on sources that originated from a number of regions of the European part of Russia that differed ethnically, economically and culturally. The authors point out the specific interpretation of the “women’s issue” in Russia. The article explores forms and methods of involving women in the socio-transformative process, which was started by the revolution of 1917.

A. Yu. Prokopov

British women and their organizations during World War I

The article analyses the activities of women's organizations in Britain during World War I, changes in the structure of women's labour, and women's involvement in political organizations and movements, and trade unions.

I. I. Boldyreva

Gender Stereotypes in the Anglo-Saxon Culture and Social Practices of the 7th – 11th cc.

The paper focuses on gender stereotypes in early medieval England. In author's opinion, these were largely dependent on everyday needs and harsh political realities of the Dark Ages. The perception of women by the Anglo-Saxons differed, the contradictions partly being caused by close interaction of barbarian and Christian mentality in early medieval English culture. The work is based on the analysis of Old English heroic and religious epos, Anglo-Saxon hagiographic tradition, wills and "Encomium Emmae Reginae" – a panegyric written in honour of Cnut the Great's widow, one of the most influential Anglo-Saxon queens.

A. Yu. Seregina

Demonic possession and gender representations in English religious polemics of the late 16th century.

The article is focused on a pamphlet by a Protestant divine Samuel Harsnett, written against Catholic exorcists. The author analyses the links of the texts with the anti-Puritan polemics and its role in the shaping of the stereotypes of anti-Catholic propaganda, as well as the functioning of gender stereotypes in the description of a relatively rare case of 'male' possession.

O.I. Togoeva.**The “male” and “female” possession in the French demonologists’ treatises of the 16th – 17th centuries.**

The article deals with the particularities of the demonic possession described in the ‘Cinq histories admirables, esuelles est monstré comme a esté chassé Beelzebub’ by Charles Blendecq, a French theologian and exorcist (1582). The author gives special attention to the problem of “male” and “female” types of the possession, their gender dissimilarity and its origins.

A.V. Stogova**Changing sex of friendship: gender stereotypes in allegories**

The study is focused on the changes in allegorical images of friendship that took place between the 13th and the 18th cc. The author traces connections between the images, the changes of the views on friendship and the Medieval and Early Modern gender stereotypes

V.S. Trofimova**The ‘Dissertatio’ by Anna-Maria van Schurman and its reception in the 17th -century Europe.**

The article analyses the creation and contemporary reception of the ‘Dissertatio’ by the Dutch writer and philosopher Anna-Maria van Schurman. The work was dedicated to the question whether a woman could be educated. The author’s attention is focused on two groups of texts related to the ‘Dissertatio’ and to its French and English translations.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В альманахе гендерной истории «Адам & Ева» публикуются различные материалы по гендерной исторической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научная хроника. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам гендерной истории, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Альманах выходит один раз в год (осенью). Объем каждого выпуска альманаха составляет около 20 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию, проходят внутреннюю рецензию. Материалы, оформленные не в соответствии с указанными ниже правилами, *не принимаются* к рассмотрению. При передаче рукописи статьи для опубликования в альманахе презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте альманаха в системе Интернет, а также данных об авторе (ФИО, место работы, должность, e-mail), аннотаций статьи на русском и английском языках и ее титула, списка использованных источников и литературы в отечественных и международных базах данных (РИНЦ, Web of Science, Web of Knowledge).

Прием статей и других материалов для публикации в альманахе осуществляется круглый год. Выпуски формируются из статей, присланных в редакцию до конца июня текущего года. Материалы можно высылать на электронный адрес редакции: genderhistory@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи от 1 до 2 а.л. (40 000 — 80 000 знаков, включая пробелы между словами). Гарнитура текста — Times New Roman, кегль 11. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Вместе со статьей необходимо прислать:

- краткие (один абзац до 1 000 знаков) аннотации на русском и английском языках с заголовком, набранным строчными буквами;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список сокращений.

Иллюстративные материалы (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются в формате *.jpg (предпочтительно) или *.tif, *.bmp, *.gif.

Сноски даются в подстрочных постраничных примечаниях со сквозной нумерацией. Кегль 9,5. Источники и научная литература в библиографическом списке упорядочиваются по алфавиту отдельными списками. В библиографических описаниях просьба *не использовать* устоявшиеся аббревиатуры для обозначения изданий.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СНОСОК

Фамилия автора или краткое заглавие сборника. Год издания: страница

Иванов. 2008: 34.

Университет для России. 1997: 35.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750. Л. 5–9.

Ларошфуко. 1993: 39 (La Rochefoucauld. 1878: 104)

Patin. 2006. Lettre à C.Spon du 31.03.1649. V.1: 373–374.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ В СПИСКЕ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

✧ КНИГА — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Вайнштейн. 2006 — *Вайнштейн О.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2006.

Монтень. 1960 — *Монтень М.* Опыты: в 3 кн. / Пер. и примеч. Ф.А. Коган-Берштейн, А.С. Бобовича. М., 1960. Т. II. (Литературные памятники)

Apps, Gow. 2003 — *Apps L., Gow A.* Male Witches in Early Modern Europe. Manchester, 2003.

✧ СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Градскова. 2003 — *Градскова Ю.* «Освобождение женщины» – гендерный анализ репрезентаций женской телесности в годы культурной революции (по материалам журналов 1920-х годов) // Репрезентации телесности: сборник научных статей / Под ред. Г.И. Зверевой. М., 2003. С. 148–160.

Bruard-Arends. 2004 — *Bruard-Arends I.* De l'auteur à l'auteure, comment être femme de lettres au temps de Lumières // *Intellectuelles : du genre en histoire des intellectuels* / Sous dir. de N. Racine et M. Trebitch. P., 2004. P. 73–84.

✧ СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аббревиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Руднева. 2010 — *Руднева Я.Б.* Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // *Диалог со временем.* 2010. Вып. 31. С. 98–131.

Schaps. 1982 — *Schaps D.* Women of Greece in Wartime // *Classical Philology.* 1982. Vol. 77. № 3. P. 193–213.

АДАМ И ЕВА
Альманах гендерной истории
2014
№ 22

Л.Р.ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 24 ноября 2014 г.
Гарнитура Таймс. Объем – 18 п.л.
Тираж 50 экз.
Заказ №